

Հարգելի՛ ընթերցող.

ԵՊՀ հայագիտական հետազոտությունների ինստիտուտը, չհետապնդելով որևէ եկամուտ, իր կայքերում ներկայացնելով հայագիտական հրատարակություններ, նպատակ ունի հանրությանն ավելի հասանելի դարձնել այդ ուսումնասիրությունները:

Մենք շնորհակալություն ենք հայտնում հայագիտական աշխատասիրությունների հեղինակներին, հրատարակիչներին:

Մեր կոնտակտները՝

Պաշտոնական կայք՝ <http://www.armin.am>

Էլ. փոստ՝ info@armin.am

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
МУЗЕЙ-ИНСТИТУТ ГЕНОЦИДА АРМЯН

РАСТЕРЗАННАЯ АРМЕНИЯ

История Авроры Мартиканян

Ереван 2013

УДК 941(479.25)
ББК 63. 3 (2Ар) + 52
М 291

Рекомендовано к печати ученым советом
Музея-института Геноцида армян

Историю на английском языке записал ГЕНРИ Л. ГЕЙТС

Предисловие НОРЫ ВАЛН

Перевод
РОБЕРТ БАГДАСАРЯН, доктор филологических наук

Редактор русского перевода
НАТАЛИЯ ЗАЛИБЕКЯН

Мардиканян Аврора

М 310 Растерзанная Армения. История Авроры Мартиканян. – Ер.: МИГА, 2013. – 153 с.

Книга – воспоминания Авроры Мартиканян, молодой девушки, пережившей ужасы Геноцида, совершенного против армянского народа. Эпопея Авроры – личная трагедия молодой армянки, ставшей жертвой геноцидальной политики турецких властей. Эта история похожа на тысячи историй и воспоминаний, переданных потомкам людьми, чудом выжившими в годы Геноцида армян. Но вместе с тем у этой истории есть примечательная особенность: Аврора Мартиканян после своего чудесного спасения оказалась в США, где на основе ее рассказа в 1918 г. была издана книга «Растерзанная Армения». В том же году на экраны вышел немой фильм «Растерзанная Армения или Аукцион душ», снятый для благотворительных целей. В нем Авроре было суждено сыграть саму себя и стать первой армянской киноактрисой.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, исследователей Геноцида армян и истории кино.

УДК 941(479.25)
ББК 63. 3 (2Ар) + 52

ISBN 978-9939-822-38-9

© МИГА, 2013

ПОСВЯЩЕНИЕ

Свою книгу я посвящаю всем тем матерям и отцам прекрасной страны – Соединенных Штатов Америки, – которые воспитали своих дочерей в духе истинной веры в Бога.

Я видела бездыханное тело моей матери, брошенное в пустыне из-за того, что она завещала не отречься от Иисуса Христа, нашего Спасителя. Я видела умирающего в мучениях отца, который наставлял свою маленькую девочку: «Верь Господу Нашему, да свершится Воля Его». Я видела бесчисленные тысячи любимых дочерей, чьи нежные матери погибли – под ударами кнутов и ножей, от мук голода и жажды – или были угнаны в рабство потому, что они не отреклись от христианской веры. Бог спас меня, дав возможность донести американскому народу послание моих ушедших соплеменников, и каждый отец, каждая мать поймут, что все, рассказанное на этих страницах, говорится с любовью к Господу Нашему и благодарностью Ему за мое спасение.

АВРОРА МАРТИКАНЯН

Латам, Нью-Йорк
Декабрь 1918 г.

СЛОВО БЛАГОДАРНОСТИ

За подтверждение этих поразительных событий, пересказанных маленькой Авророй, которое дало мне возможность поведать о них миру на своем родном языке, я признателен лорду Джеймсу Брайсу, послу Великобритании в Соединенных Штатах, которому его правительство поручило провести расследование армянских погромов, а также упомянутому в рассказе Авроры доктору Кларенсу Ашеру, который был очевидцем погрома в Ване, и доктору Мак-Каллуму, который спас Аврору в Эрзеруме и помог ей перебраться в Америку.

Вы можете полностью довериться рассказу Авроры, ибо каждое слово в нем – правда. История о том, что случилось с этой христианской девочкой – достоверное, документальное свидетельство.

ГЕНРИ Л. ГЕЙТС

ПРЕДИСЛОВИЕ

Она стояла передо мной – тоненькая, шупленькая, маленькая девочка с черными блестящими волосами. Пока я не заговорила с ней, и она не подняла свои глаза, в которых читалась нестираемая история ее страданий, я не могла поверить, что это и есть ожидаемая мной Аврора Мартиканян. Она не владела английским и произнесла несколько слов приветствия на своем родном языке. Это было в нашу первую встречу, весной прошлого года. Несколькими неделями ранее я получила письмо, в котором говорилось об этой армянской девочке, и автор просил по возможности помочь ей. За год до того из нашего Кавказского центра помощи приехал армянский юноша, и добрые люди помогли его устроить в школу-интернат. Такой план был у меня и относительно Авроры: отправить девочку по прибытии в подобную школу.

В этот вечер через переводчика мы говорили о ее образовании, но она с грустью отрицательно качала головой. Хотя ей хотелось бы ходить в школу и учиться музыке, как планировал и ее отец до погромов, однако сейчас у нее был наказ от своего измученного народа: поведать обо всем случившемся отцам и матерям Соединенных Штатов Америки.

Решимость в глазах девочки заставила меня спросить о ее возрасте. «Семнадцать лет», – прозвучало в ответ.

Хотя Аврора была утомлена и нервно истощена, она упорно настаивала на том, что должна рассказать о произошедших событиях: об изгнании в пустыню целых семей, о проданных в турецкие гаремы невинных девушках, о женщинах, изнасилованных на обочинах дорог, об умирающих от голода детях. Она просила помочь ей, помочь ее народу.

«Мой отец говорил, что Америка – друг угнетенных. Генерал Андраник послал меня сюда, потому что верил: вы мне поможете», – взмолилась девушка.

И вот нам переводят ее историю... Иногда возникала необходимость делать перерывы на несколько дней, так как страдания лишали ее сил. Она готова была продолжать рассказ даже в жаркую летнюю погоду, но под предлогом необходимости изучать английский язык мы убедили ее согласиться на трехнедельный отдых в одном из прибрежных лагерей Коннектикута.

Тот, кто прочитает историю трех последних лет жизни Авроры Мартиканян, с трудом сможет поверить, что она возможна в наше время. У вас, несомненно, возникнут такие же эмоции, какие родились у меня, когда я впервые услышала о мучениях народа Авроры. Я очень отчетливо

помню свои чувства, которые испытала в октябре 1917 года, когда присутствовала на деловом завтраке, организованном Американским благотворительным комитетом армяно-сирийской помощи в честь семнадцати американских послов и миссионеров, которые только что вернулись из Турции, где в течение двух лет наблюдали погромы и депортации. Я слушала людей, в правдивости чьих утверждений не могла сомневаться, которые рассказывали о том, как церковь, заполненная армянами-христианами – женщинами и детьми, – была заперта и сожжена; как девушки из хороших семей – подобных вашей или моей, – тонченые и образованные, продавались на невольничьих восточных рынках; как маленькие дети умирали от голода. Они просили о помощи заслуживающим сострадания выжившим, которые были собраны во временных благотворительных пунктах.

Я не находила в себе сил поверить в услышанное, но, посмотрев на собравшихся вокруг стола, увидела знакомые лица – лица мужчин и женщин, словам которых я доверяла. Там были доктор Джеймс Л. Бартон, председатель Американского благотворительного комитета; послы Моргентау и Элкус, которые выступали как непосредственные свидетели; Кливленд Г. Додж, чьи дети – дочь, миссис Элизабет Хантингтон, в Константинополе, а сын в Бейруте – помогли работе благотворительных организаций; миссис Люсиль Форман из Джермантауна; К. В. Викри – секретарь Американского благотворительного комитета армяно-сирийской помощи; доктор Самуэль Т. Даттон из Всемирной судебной лиги; Джордж Т. Скотт из Пресвитерианского совета заграничных миссий, и многие другие.

Тем, кто прочтет эту историю, поверить в нее будет еще труднее, чем мне, потому что у них не было такой возможности лично услышать подобное от авторитетных людей, какая была у меня на том самом мероприятии. Так вышло, что с тех пор почти любая информация, поступающая с Востока – из Персии, с русского Кавказа, из Османской империи, – проходила через мои руки, и я знаю, что события, изложенные в этой книге, не преувеличены. В предисловии я хочу ознакомить вас с докладами лорда Брайса, посла Моргентау, недавним выступлением перед британским парламентом лорда Сесила и архивными документами нашего Государственного департамента. И вы узнаете, что историю, подобную этой, может рассказать любой из трех миллионов девятиста пятидесяти тысяч беженцев – столько обездоленных насчитывается сегодня на Ближнем Востоке.

Это свидетельство живого человека. И названные юной Мартиканиян

имена, даты, географические названия не всегда точно соответствуют тем данным, которые приводятся послом Моргентау, лордом Брайсом и другими. Но мы должны учитывать, что Авроре всего семнадцать лет, и что она пережила один из самых трагических периодов истории в наиболее пострадавшей от войны части света. Мы не должны забывать, что Аврора – не историк, и ее переводчик при записи этого рассказа для американского народа не пытался писать историю. Его целью было лишь передать ее послание американцам, чтобы они имели представление о ситуации на Ближнем Востоке в последние годы и помогли в будущем установить там нормальную и стабильную власть.

В нью-йоркской газете «Ивнинг Сан» американский посол Г. Моргентау пишет: «Со времен Геродота эта часть Азии называется Арменией. Нынешние армяне являются потомками людей, населявших эту страну три тысячелетия назад. Их происхождение настолько древнее, что теряется в мифах и легендах. Все еще не расшифрованные клинописи на скалах близ самого большого армянского города Вана позволяют некоторым – нужно признать, немногочисленным – ученым идентифицировать армян с библейскими хеттами. Что определенно известно об армянах, так это то, что они испокон веков представляют собой наиболее цивилизованную и самую трудолюбивую нацию в восточной части Османской империи. Со своего нагорья они расселились по всей территории султаната и составляют теперь значительную часть населения всех крупных городов. Повсюду армяне известны своей усердностью, своим умом, порядочностью и организованностью. Нравственно и интеллектуально они настолько превосходят турок, что большая часть промышленности и торговли перешла в их руки. Вместе с греками армяне составили экономическую основу империи. Этот народ в начале четвертого века принял христианство как государственную религию, основав Армянскую Церковь – самую древнюю из существующих христианских церквей.

Сопrotивляясь исторически беспрецедентным гонениям, этот народ с крайним упорством держится за свою раннюю христианскую веру. Полторы тысячи лет они жили в Армении – на маленьком христианском острове – в окружении отсталых народов и племен с враждебной религией. Длительное бытие их являло собой нескончаемое мученичество. Территория, которую они населяют, служит перекрестком между Европой и Азией, и все азиатские вторжения – татаро-сельджукские, монгольские, арабские, курдские и турецкие – проходили через их мирную страну».

Аврора Мартиканиян приехала в Америку рассказать о страданиях своего народа и тем самым внести свой вклад в возможность возрожде-

ния ее страны. Она всего лишь маленькая, хрупкая девочка, но, передавая свою историю людям – через прессу, посредством настоящей книги и фильма, который готовится Американским благотворительным комитетом армяно-сирийской помощи, – она, по моим ощущениям, играет одну из самых главных ролей в деле установления «на земле мира и в человеках благоволения» в том древнем библейском краю, что стал домом ее народу. Нет уже ее матери и отца, нет ее братьев и сестер, но есть 3950000 – по самым скромным подсчетам – обездоленных человек, в большинстве своем женщин и детей, изгнанных порой за тысячи миль от своих родных очагов, чьи скорбные взоры с мольбой о помощи направлены сегодня в сторону Америки.

Доктор Джеймс Л. Брайтон, который вместе с двумястами других мужчин и женщин собирается в этом месяце отправиться на подмогу по восстановлению того края, из которого прибыла Аврора – вот часть ответа на призыв этих обездоленных людей о помощи. Кампания Американского благотворительного комитета армяно-сирийской помощи по сбору тридцати миллионов долларов, к участию в которой он надеется привлечь весь американский народ – еще одна составляющая этого отклика.

И вы, кто читает эту книгу, также можете по мере своих сил помочь Авроре доставить послание, передав ее после прочтения кому-то еще.

НОРА ВАЛН

Секретарь по общественным связям
Американского благотворительного комитета
армяно-сирийской помощи

2 декабря 1918 года
1-ая Мэдисон-авеню,
Нью-Йорк

АРШАЛУЙС – СВЕТ УТРЕННЕЙ ЗАРИ ПРОЛОГ

Старый Вардапет, пастух, чьи стада одевали три поколения его хозяев, ныне стоял на вершине горы Таврос, как небесный призрак. Морщины на мрачном волевом лице этого очень высокого, прямо и неподвижно стоящего человека выдавали его возраст, но руки свободно лежали на посохе, потому что опираться на него он считал недостойным.

На восток и север расстилались равнины Мамурет-уль-Азиза, по обе стороны от подножия горного массива протянулось плоскогорье. И каждую весну, двадцать пять веков подряд, не только Старый Вардапет, но и другие пастухи в свой черед поднимались на вершину этой горы, чтобы посмотреть на зеленеющие ковры долин и плато Мамурет-уль-Азиза, и мало кому из них доводилось видеть, чтобы травы и кусты зазеленели так рано, как в этом году. Старый Вардапет должен был радоваться такой многообещающей погоде, и рассказать о ней отаре своих овец – таков был обычай, идущий с давних времен.

Но пастух был беспокоен. Странное предчувствие овладело ночью его душой. Даже свет зари не смог рассеять его. И теперь он с широко раскрытыми глазами смотрел не на мирные зеленые просторы, которые вскоре огласит блеяние овец, а на далекий зловещий север, где синяя лента Евфрата терялась в рассветной дымке. Он не знал, что выискивали там его глаза, но чувствовал оттуда, с севера, какую-то угрозу.

Внезапно из долины, лежащей у ног старого Вардапета, зазвучал ленивый, протяжный азан, призывающий правоверных мусульман к третьей молитве. Это сразу выдернуло пастуха из задумчивости: «Вот он – знак! Опасность угрожает с севера, и что бы это ни было, в первую очередь оно придет в город».

Старик посмотрел вниз, в долину – на кровли и узкие извилистые улочки, петляющие между домами. Глаза поймали блеск минарета, и в этот миг вторично раздался призыв муэдзина. Взгляд пастуха мгновенно метнулся через весь город, туда, где первые солнечные лучи играли на серо-коричневой груде руин Чемеши – древней крепости армянского царя. Глубокая тоска отразилась на его лице: минарет стоит, а царская крепость – разрушена. Вот почему в городе звучат две разные молитвы, вот почему с севера надвигается беда.

Старик воткнул свой посох в землю, как знак для овец: где стоит пастуший посох, туда он обязательно вернется. Затем спустился по тропинке, ведущей к склону, с которого начинались жилые кварталы города. Твердым не по возрасту шагом он шел через весь город, пока не достиг улицы, на которой стояли дома богачей. Короткая дорога мимо парка, что служил местом народных собраний, вывела его к дому банкира Мартиканяна. В этом доме Старый Вардапет всегда был желанным гостем. Он хранил стада, принадлежавшие уже третьему поколению семьи Мартиканян.

Служанка, открывшая пастуху, пригласила его войти. Когда она закрыла дверь, гость спросил:

– Господин еще дома или вышел по своим делам?

– И не стыдно тебе, – бесцеремонно ответила женщина, – разве ты забыл, что за день сегодня, думаешь, наш хозяин смог бы заниматься делами?

В глазах старика отразилось удивление, и женщина почувствовала, что он действительно забыл. Уже мягче она напомнила:

– Сегодня Светлое Воскресенье, Вардапет.

Старик смутился, но, чтобы не уронить своего достоинства, ответил:

– Если бы ты прожила столько дней, сколько Старый Вардапет, то хотела бы забыть большинство из них, а те, которые скоро наступят – возможно, даже быстрее, чем любые другие...

Нетерпеливая женщина не стала слушать ворчание старика, а скрытую в прозвучавших словах угрозу она списала на его сварливость. Ее же колкий ответ гость пропустил мимо ушей. Без дальнейших разговоров он прошел через сад и вошел в дом.

Дом Мартиканянов был похож на дома других армянских богачей того времени. К широкому парадному входу, открывавшемуся из сада, вели ступени из белого мрамора, просторный холл за ним был выложен большими плитами из того же материала. Снаружи дом выглядел довольно мрачно – быть может, от необходимости противостоять порой суровой зиме, – зато внутри все свидетельствовало о роскоши и богатстве. Особняк располагался на склоне, поэтому комнаты были построены одна над другой, террасой, и крыши нижних комнат служили палисадниками для вышерасположенных помещений.

В просторной гостиной, в которую широким шагом вошел Старый

Вардапет, был большой каменный камин, по обе стороны от которого тянулись вдоль трех стен комнаты низкие диваны.

Роскошные гобелены местного производства и шелковые подушки ручной работы украшали эти диваны. Мраморные полы были устланы персидскими и курдскими мягкими, пышными коврами. Над камином висела уникальный образ Богоматери, на стенах сбоку – пейзаж знаменитого армянского художника и полотно с видом голландского порта. В углу, под торшером, стояло пианино. Благодаря ярким краскам в комнате преобладал восточный мотив, но все вещи были подобраны с большим вкусом, что смягчало это впечатление. Пастух ждал, стоя в центре комнаты, пока туда не вошел его хозяин с пасхальным приветствием, которое Армения сохранила с давних времен:

– Христос воскрес, мой дорогой Вардапет.

– Воистину воскрес! – ответил старик, как того требовал обычай.

После чего он заговорил, и собеседник тотчас понял серьезность того, что привело этого человека в его дом. Речь шла о видении, что было пастуху ночью.

– Наш Григорий Просветитель пришел ко мне во сне, тяжело положил свою руку на мое плечо и сказал: «Вставай, Старый Вардапет, вставай! Твои овцы в опасности, им не поможет даже Божье покровительство. Проснись и спаси их!» Вот что сказал мне добрый святой. Я торопливо вскочил, и, как только открыл свои старые глаза, видение исчезло. Тогда я побежал в овчарню, но кроме меня там не было никого, кто мог бы нарушить покой стада. Овцы мирно спали... Но я больше не смог заснуть. Как только смыкались мои веки, передо мной вставал святой, будто осуждая за бездействие. На рассвете я погнал овец в горы – и там вдруг вспомнил!..

Старик замялся. До того он выпалил все скороговоркой и сейчас почти задыхался. Хозяин слушал старого пастуха с достойным вниманием, без тени улыбки на неподвижном лице:

– Жаль, Вардапет, что твой сон в эту ночь был таким беспокойным. Сегодня утром ты должен радоваться, как и все остальные... Скажи мне, что ты вспомнил сегодня на рассвете, а затем прогони все это из своих мыслей.

– Есть такие вещи, хозяин, которые ни ты, ни я не в состоянии стереть из нашей памяти. Я вспомнил, что однажды наш святой уже являлся ко мне во сне, предупреждая о нависшей опасности. Но я не

придал тому никакого значения, так как был очень молод и беззаботен, тем более, что в те годы в Армении царили мир и процветание. Но в тот же день с севера пришла беда... Это случилось двадцать лет назад.

Хозяин вздрогнул. Нервный озноб пробежал по его телу, лицо побледнело: двадцать лет назад сотни тысяч сынов и дочерей его народа были уничтожены кровавой рукой султана Абдул-Гамида! Не сказав ни слова, он подошел к окну, отодвинул занавески и посмотрел в сад.

Банкир Мартиканян был типичным успешным современным армянским предпринимателем. Он нечасто улыбался, но в его голосе была доброта, а в глазах – нежность. Прогуливаясь в это пасхальное утро по бульвару в Америке или Европе, он выглядел бы обычным человеком, ничем не привлекающим внимания других прохожих. И спустя минуту, когда он отвернулся от окна, только очень внимательный наблюдатель мог бы обнаружить в его лице или манерах нечто необъяснимое, неосознаваемое, но и неизгладимое, что отмечает веками угнетаемую нацию.

– То, что случилось двадцать лет назад, мой Вардапет, больше никогда не сможет повториться. Мы, армяне, не дали ни единого повода для гнева турок, напротив, мы доказали нашу готовность служить государству. наших юношей призвали к участию в этой разрушительной войне, что бушует сегодня в мире. И, несмотря на свои симпатии врагам султана, они не демонстрируют их. Наши сыновья добровольно жертвуют собой в сражениях за то, что ненавидят – с одной только целью не дать оснований для недовольства нашим народом. Несколько дней назад министр султана, влиятельный Энвер, выразил нам свою благодарность за услуги, которые мы оказываем Красному Полумесяцу. Они не посмеют снова угнетать нас.

– Но видение, которое было мне прошлой ночью – оно точно такое же, как и то, что в 1895 году предупреждало о поджидавшей нас беде.

– На сей раз это пустой сон, – с уверенностью ответил банкир.

Пастуха обидело невозмутимое неверие хозяина в знамение близкого зла, которому сам он поверил безоговорочно. Он вышел из комнаты и пересек сад, кипя негодованием. Рука старика уже коснулась ворот, и в следующее мгновение его бы тут не было, но нежный юный голосок задержал пастуха:

– Вардапет, подожди, я иду.

Старик резко остановился. Оглянувшись, он увидел, что к нему

приближается та, что была дорога его сердцу более чем кто-либо иной – дочь Мартиканянов, Аршалуйс.

Аршалуйс значит «утренний свет», и одно лишь имя есть в Америке, которое способно точно передать его значение: Аврора. Она была веселой четырнадцатилетней девочкой с волосами и глазами черными, как ночь, но улыбка и душа ее были подобны яркому солнечному дню. Все овечки из стада Старого Вардапета были ее любимцами, но черные – особенно.

Когда Аврора подошла к ожидавшему ее пастуху, то сразу почувствовала его мрачное настроение, и оно ее огорчило.

– Неужели ты можешь уйти, не поздравив меня с праздником Пасхи? Или Старый Вардапет перестал обращать на меня внимание, так как я надоедливая? – насупилась девочка.

Но не так-то легко было унять боль старика. Появление Авроры, пожалуй, даже усугубило ее.

– Бестолку желать счастья, лучше дать его. Когда человек не может ничего дать, значит, у него нет предназначения. А сегодня я не могу никому дать никакой радости, даже тебе, моя Аврора, и потому не искал встречи с тобой.

– Это неправильно, Вардапет. Сегодня Христос воскрес, значит, повсюду радость. А для меня – намного больше, чем для других. Буквально вчера отец сказал мне, что еще до следующей Пасхи отправит меня продолжать учебу – в Константинополь или, может быть, в Швейцарию, или Париж. Разве ты не рад за меня, Вардапет?

Старик на мгновение задержал взгляд на поднятом к нему лице. Затем его рука снова потянулась к воротам, будто пытаясь найти опору для высокого, прямого, но слабеющего тела. Авроре показалось, что она обидела пастуха. В порыве нежности девочка подняла руки, чтобы положить их ему на грудь, но прежде чем она коснулась старика, тот удалился, закрыв за собой ворота.

Часом позже Старый Вардапет снова стоял на вершине холма, глядя вниз: на город и долины Мамурет-уль-Азиза, уже залитые яркими лучами утреннего солнца.

Несколькими милями южнее виднелись горные хребты и давно заброшенные шахты, где, по преданию, когда-то были копи царя Соломона. За далеким горизонтом стояли Харберд, где останавливались караваны, столица страны Ван и «Город Надежды» Сивас – как сто-

рожевые посты нации, рожденной в доисторические времена. Старик по очереди мысленно посетил каждый из этих прославленных городов и представил, с какой надеждой и верой праздновал там армянский народ Пасху. Затем он снова повернулся к шпилям и крышам, лежащим в долине у его ног. Ибо Старый Вардапет думал не только об Армении – прекрасной, золотой Армении Светлого Воскресенья 1914 года, – но и о девочке по имени Утренний Свет...

Г. Л. Гейтс

ГЛАВА I

ПАША ПРИШЕЛ К НАМ В ДОМ

Моя история начинается в апреле 1915 года, утром Светлого Воскресенья. Наша семья готовилась отметить Пасху с радостным благоговением, приумноженным пришедшей из Константинополя вестью о том, что турецкое правительство выразило благодарность армянским солдатам за верную службу и достойное участие в Великой войне. Когда за шесть месяцев до того Турция вступила в войну, всю Армению охватила ужасная тревога. Воспользовавшись отсутствием покровительства Англии и Франции, турки могли возобновить притеснения подданных-христиан. Молодые армянские мужчины предпочли бы сражаться вместе с врагами султана, но они спешно вступали в турецкую армию, чтобы доказать свою лояльность. И теперь, когда султан убедился в самопожертвовании армян, опасения по поводу новых гонений со стороны мусульманских властей постепенно улеглись.

Во всем нашем городе Чмшкацаге, который находился в двадцати милях от Харберда, главного города вилайета Мамурет-уль-Азиз, не было более благодарных за обещание дальнейшего мира в Армении людей, чем мой отец, мать, старшая сестра Лусинэ и я. Хотя мне было всего четырнадцать лет, Лусинэ – неполных семнадцать, но в Армении даже маленькие девочки жили в постоянном страхе. Я была взволнована подарком, который преподнес мне отец на святую Пасху: он обещал отправить меня вскоре в какую-нибудь европейскую школу для продолжения учебы, как подобает дочери банкира. А Лусинэ ожидало замужество, и она делала все, чтобы весело провести последнее в своем девичестве Светлое Воскресенье. Даже утренний визит Старого Вардапета, нашего пастуха, с его тревожным пророчеством совершенно не повлиял на наше настроение.

Стоя перед зеркалом, я уже в сотый раз укладывала свои волосы и украшала их голубыми лентами – должна признаться, с тайной надеждой, что во время службы они вызовут зависть всех остальных девушек. Лусинэ, пользуясь правом старшей сестры, укоряла меня за тщеславие. Она всегда была строга и молчалива. Только я собралась сказать ей, что она завидует мне, потому что скоро выйдет замуж и не сможет носить голубые ленты, как в комнату вошла мама. Пересту-

пив порог, она прислонилась к стене. Она не произнесла ни слова, просто смотрела на меня.

– Что случилось, мама? – вскрикнула я.

Она не ответила, лишь молча показала пальцем на окно. Мы с Лусинэ сразу кинулись к нему и посмотрели вниз: у наших ворот стояли на страже три турецких жандарма, вооруженные винтовками. У них на руках были специальные повязки, отличавшие свиту Гусейна-паши, военного коменданта нашего района.

Я повернулась к маме за разъяснениями. Она упала на пол и заплакала. Мама не могла говорить, лишь показывала на нижний этаж, и я поняла, что Гусейн-паша внизу, в нашем доме. Моя радость сменилась горем, я тоже рухнула на пол и заплакала. Внутренний голос говорил мне, что это конец.

Влиятельный и богатый Гусейн-паша, друг султана, уже давно желал взять меня к себе в гарем. Его большой дом, окруженный прекрасным садом, стоял сразу за городом. В этот дворец он привез более десяти самых красивых девушек-христианок из окрестных городов. Власть мутасарифа, турецкого коменданта, в Армении была безграничной. Он не подчинялся никаким указам, кроме тех, что поступали непосредственно от министров султана, и, как правило, был безжалостен и деспотичен. Для армянских отцов было опасно вызывать гнев мутасарифа. Когда такой представитель султана примечал красивую девушку и изъявлял желание взять ее в свой гарем, то он располагал множеством возможностей для достижения своей цели. Способ Гусейна-паши заключался в том, что он откровенно требовал продать или подарить ему девушку, сопровождая это завуалированной угрозой в случае отказа подвергнуть гонениям всю семью. Чтобы придать законное основание подобной сделке и дать мутасарифу право сделать девушку своей наложницей, ему нужно было лишь убедить – или заставить – ее отречься от христианской веры и принять мусульманство.

Три раза Гусейн-паша требовал от моего отца отдать меня ему, и три раза получал отказ. Паша боялся наказать нас за это, так как мой отец был богат и, благодаря хорошим отношениям с консулом Великобритании в Харберде, господином Стивенсом, находился под покровительством вали – губернатора – Мамурет-уль-Азиза. Но теперь, когда британский консул уехал, Гусейн-паша мог творить все, что ему вздумается. Интуитивно я уже знала, что его сегодняшний визит, да

еще и в сопровождении вооруженных солдат, означает, что он снова пришел за мной.

Я прижалась к матери и Лусинэ, а две мои маленькие сестрички вцепились в подол моего платья. Мы слышали разговор отца и коменданта, которые стояли на верхней ступени лестницы. Гусейн больше не просил меня – он требовал! Я услышала его слова: «Скоро из Константинополя придет приказ, по которому всех вас, христианских собак, погоним отсюда. Ни мужчины, ни женщины, ни ребенка – никого не останется из тех, кто не примет мусульманство! Когда придет это время, никто не спасет тебя, кроме меня. Дай мне твою дочь Аврору, и я буду оберегать всю твою семью до тех пор, пока опасность не минует. Ты знаешь, что вас ожидает, если откажешься».

Мой отец не мог издать ни единого звука, задыхаясь от страха и ужаса. Моя мать застонала. Я умоляла ее позволить мне спуститься и сдать паше. Я все готова была сделать, чтобы спасти и ее, и отца, и моих маленьких братьев и сестер. И тут к отцу вернулась способность говорить, мы услышали, как он сказал паше:

– Пусть свершится воля Господа, Он никогда не допустит, чтобы мое дитя жертвовало собой ради нашего спасения.

Моя мать еще крепче прижала меня к своей груди:

– Твой отец сказал и за тебя, и за нас.

Гусейн-паша ушел рассерженный, за ним следом промаршировала его свита. Едва он скрылся, на улице поднялась большая суматоха. Народ начал собираться группами, к нашему дому подбежали люди и рассказали новость, которую принес гонец из Харберда:

– В Ване резня! Турки убивают мужчин, женщин и детей, курды угоняют девушек!

Ван – самый большой город Армении. При царице Семирамиде – Шамирам – он был столицей Ванского царства. Ван был родиной Ксеркса, а еще нас учили, что город построил царь Арам на том острове суши, что первым освободился от вод Всемирного Потопа – в том святом месте, где остановился Ноев Ковчег. Город очень дорог армянам, это один из наших духовных и национальных центров. Расположенный в двухстах милях к востоку от Чмшкацага, Ван был домом более чем пятидесяти тысячам армян. Губернатор Вана Джевдет-бей являлся главным представителем турецкой власти в Армении – и самым жестоким. Погромы в Ване предвещали их скорое распростра-

нение по всей Армении.

Гонца из Харберда привели к нам домой. Мой отец попытался расспросить его, но тот мог рассказать лишь одно:

– Ermenleri hep kesdiler – hep gitdi bitdi! Армян всех убили, все мертвые, все исчезли!

Он повторял это снова и снова... В Харберде о случившемся узнали по телеграфу, и гонец, который был родом из нашего города, поспешил предупредить нас.

Я умоляла родителей позволить мне бежать во дворец Гусейна-паши и сказать ему, что согласна выполнить все, что он пожелает, только бы спасти свою семью, пока не поступил приказ о нашем выселении. Но мать крепко прижимала меня к своей груди, а отец повторял: «Даст Бог, ничего не случится!» Плакала Лусинэ. Плакали мои младшие сестры Арусяк и Сара. Отец был бледен. Он положил дрожащие руки мне на плечи и попытался утешить меня. Я закрыла глаза и, казалось, наяву увидела, как мои отец, мать, сестры, братья – все они лежат мертвые, убитые в той резне, которая, как я боялась, рано или поздно произойдет. А Гусейн-паша сказал, что в моей воле спасти их всех... Но я не могла послушаться отца. Внезапно я вспомнила об отце Рубене.

Вырвавшись из рук матери, я выбежала из дома через черный ход на улицу, которая вела к церкви, где отец Рубен ожидал свою паству. Ни у кого не хватило мужества сообщить нашему святому отцу вести, пришедшие из Вана. Когда я вбежала в маленькую комнатку за алтарем, он как раз задавался вопросом, почему люди не приходят в церковь.

Упав к его ногам, я долго не могла остановить слезы и рассказать, для чего пришла. Но отец Рубен понял: что-то произошло. Он гладил меня по голове и ждал. Когда я смогла говорить, то рассказала о визите Гусейна-паши, о его угрозах, и о том сообщении, которое принес гонец. Я молила святого отца сказать мне, что поступлю правильно, если соглашусь стать наложницей Гусейна, чтобы сохранить жизнь моим родителям, братьям и сестрам.

Отец Рубен заставил меня дважды повторить все это. Когда я во второй раз завершила свой рассказ, он положил руку на мою голову и сказал:

– Обратимся к Господу, дитя мое.

И отец Рубен стал молиться.

Он просил Бога направить меня на предназначенном мне пути.

Я не помню всю молитву, потому что горько плакала и была сильно напугана, но помню, что священник молился за меня и весь наш народ, напоминая Господу, что мы, армяне, стали Его первыми верующими и оставались верны Ему на протяжении многих веков гонений. По мере продолжения молитвы я начала успокаиваться и невольно прислушивалась, надеясь собственными ушами услышать тот ответ, который непременно должен был прийти с Небес на мольбы отца Рубена.

Когда святой отец произнес: «Аминь», – мы вместе опустили на колени и замерли в ожидании. Внезапно отец Рубен прижал меня к сердцу и заговорил:

– Твой путь, дитя мое, ясен, – сказал он, – Вот ответ: верь в Иисуса Христа, Он защитит тебя наилучшим образом. Порой предпочтительнее умереть или испытать невыносимые страдания, которые страшнее смерти, чем своим примером подтолкнуть других отречься от своей веры в Спасителя. Возвращайся теперь домой, утешь своих родителей и повинуйся им.

Весь этот и следующий дни гонцы скакали туда и обратно между Харбердом и нашим городом, принося последние новости из Вана. Наши сердца переполнились радостью, когда мы услышали, что армяне построили баррикады и сражаются, но мы боялись последствий. В ту ночь в нашем городе никто не спал. Весь день и всю ночь отец Рубен и его помощники – священники и учителя богословия из духовной семинарии – ходили от дома к дому и молились вместе с семьями армян.

Видные люди города ждали Гусейна-пашу, чтобы выяснить, грозит ли нам опасность. Паша ответил им, что все опасения напрасны, а происходящее в Ване – просто бунт.

Мои родители с готовностью ухватились за это половинчатое обещание безопасности, но во вторник узнали, что были обмануты. В то утро Гусейн-паша приказал открыть двери тюрем, а преступников – бандитов и убийц – освободить и согнать к его дворцу.

Через час на этих разбойников надели форму жандармов, каждому дали по винтовке, штыку и длинному кинжалу и выстроили их на площади ждать дальнейших приказов. Таков был турецкий метод выполнения грязной работы.

В полдень жандармы, или заптии, как их называли, ходили по улицам города, расклеивая объявления на всех углах и оградах. Рано утром мой отец уехал в Харберд обсудить с состоятельными армянами необходимость обратиться к вали Ислам-бею. А мать настолько ослабела от переживаний, что не смогла выйти на улицу прочесть объявление, это сделали мы с Лусинэ. Документ гласил:

Армяне!

Его превосходительство Гусейн-паша приказывает: незамедлительно отправиться в свои дома и оставаться там до тех пор, пока его превосходительство не соизволит разрешить вам вновь выходить по своим делам. Те армяне, которые покинут свои дома и появятся на улице или на рабочем месте, будут задержаны и строго наказаны.

(подпись) мэр Али Ага-заде

Когда мы пересказали маме содержание объявления, она очень распереживалась из-за отца, который поехал в Харберд. Он мог вернуться в любой момент, не зная о новом порядке, и быть схваченным на улице. Мой пятнадцатилетний брат Погос был в гостях у соседей. Мы отправили его по узким переулкам за город, где на открытой местности он мог перехватить отца по пути из Харберда и предупредить того о приказе.

Позже мы благодарили судьбу за то, что отец был в отъезде.

А тогда мы и представить не могли, что скрывалось за этим приказом. Нам не хотелось верить в то, что он означал преднамеренное, спланированное массовое убийство, что с его помощью армян собирали в их домах для облегчения работы заптиев.

В четыре часа жандармы вместе с освобожденными из тюрем преступниками направились к домам состоятельных горожан, приказывая им явиться на прием к Гусейну-паше.

Когда мама объяснила подошедшему к двери офицеру, что отца нет в городе, заптии грубо оттолкнули ее и обыскали дом. Потом они потребовали ключи от офиса отца. Лусинэ побежала за ключами на второй этаж, и офицер настоял, чтобы пойти вместе с ней. Когда она направилась в отцовскую комнату, он схватил ее и разорвал на ней платье. Лусинэ закричала, и жандарм ударил ее по лицу так сильно,

что она упала на пол. Он оставил сестру и ушел со своими людьми.

Из нашего окна была видна городская площадь. Жандармы согнали на нее полсотни самых видных горожан. Среди них были и отец Рубен, и директор христианского колледжа, учрежденного американскими миссионерами, и несколько профессоров и врачей, банкиры, купцы и другие предприниматели.

Вместо того чтобы отконвоировать своих пленников к дворцу паши, их повели в сторону другой части города. После мы узнали, что они попали не на прием к коменданту, а в освобожденную этим утром тюрьму.

Несколько женщин, сообразив, куда ведут их мужей, пренебрегая приказом, выбежали на улицу, пытаясь добраться до своих родных. Жандармы били их прикладами винтовок. Жена одного из профессоров сумела разорвать цепь жандармов и пробраться к мужу. Заптий попытался оттащить храбрую женщину, но она закричала и крепко вцепилась в супруга. Стоявший рядом солдат повернул винтовку и вонзил в ее тело штык. Ее муж бросился на солдата, схватил того за горло, но был убит другим жандармом.

Пленники были вынуждены идти по трупам профессора и его жены, в то время как дети убитых, выскочив из дома, рыдали и заламывали руки, стоя в стороне до тех пор, пока все не прошли, и им не позволили оттащить тела родителей в дом. Никто из нас не осмелился выйти и помочь этим бедным детям.

Здание тюрьмы было построено из камней неправильной формы более семи веков назад. Изначально это был монастырь, но в 1580 году турки заняли его и превратили в тюрьму. Она была окружена высокой оградой и имела просторный двор, откуда вел ход в мрачное длинное подземелье.

В тот день мама, Лусинэ и я с волнением ждали приезда папы из Харберда. Вечером к нам пришел жандарм и спросил, не вернулся ли отец, так как он отсутствовал «на приеме у мутасарифа». Мама спросила, зачем же тогда мужчин доставили в тюрьму, если с ними хотел встретиться комендант. Солдат ответил, что так было удобнее, поскольку во дворец дорога длиннее. Мы немного утешились таким объяснением, но, когда вечером мужчины не вернулись, снова стали беспокоиться. А еще мы начали опасаться, что папу и Погоса уже задержали.

Стемнело. Жены и дочери мужчин, угнанных в тюрьму, не выдержали дальнейшей неопределенности. Презрев требование оставаться дома, они небольшими группами начали собираться на улицах, а самые смелые женщины двинулись в сторону тюрьмы. До ночи они прождали у ее дверей в надежде увидеть своих родных или услышать, что происходит внутри. В одиннадцать часов распахнулись тюремные ворота, и появился экипаж Гусейна-паши в сопровождении вооруженных конных телохранителей.

Женщины собрались вокруг него, но солдаты отогнали их. Едва экипаж удалился, как из тюрьмы послышались крики и вопли. Лусинэ и мне удалось незаметно перелезть через тюремную ограду, но как только мы услышали их, в страхе убежали домой. Отец и Погос уже были там, вернувшись поздним вечером. Вид у папы был измученный. Он обнял меня и поцеловал, будто не осознавая этого. Я увидела его глаза, полные слез. Без расспросов было понятно, что его миссия в Харберде не увенчалась успехом. Мы просидели всю ночь, прислушиваясь к крикам, доносившимся из тюрьмы. Что там происходило, мы узнали на следующий день от одного из заключенных, которому удалось сбежать и ползком добраться до своего дома.

Гусейн-паша прибыл в тюрьму и объявил собравшимся о новом сообщении из Константинополя, в котором говорилось, что армяне не хранили верность Турции и вступили в заговор с целью помочь Антанте. Паша потребовал, чтобы заключенные сказали, что они знают об этих замыслах. Каждый из них уверял, что нет никакого заговора, что армяне хотят лишь жить в мире со своими турецкими соседями, быть преданными султану и выполнять все, что он требует от них. Гусейн дал понять, что поверил этому, и удалился, пообещав, что завтра утром все смогут вернуться домой.

Пленники уже поздравляли друг друга с близким освобождением и надеялись каким-то образом тотчас же передать эту весть своим семьям, когда появились жандармы и загнали всех в угол двора. Направив в сторону заключенных дула и штыки, чтобы удержать на месте, солдаты по одному вытаскивали их, окружали и приказывали сознаться, что они участвовали в заговоре против султана.

Каждого, кто отрицал выдвинутые обвинения и заявлял, что ему не в чем признаваться, жандармы раздевали и били по обнаженной спине кожаными кнутами. Как только истязаемый терял сознание, его отбра-

сывали в сторону, а когда тот приходил в себя – снова били, и так продолжалось до тех пор, пока солдаты не устали. Восемь самых пожилых мужчин умерли от побоев, их тела бросили в угол двора.

Во время избияния отца Рубена вмешался один из офицеров. Он сказал, что бить священника – пустая трата времени, так как все священники в любом случае должны быть убиты. Потом он обратился к отцу Рубену и пообещал, что ему сохранят жизнь, если он отречется от Христа и примет ислам. А если откажется, сказал офицер, его забьют до смерти.

Бедный отец Рубен так ослаб, что не мог ничего ответить. Повинуясь команде офицера, солдаты отпустили его, и он рухнул на землю. Когда священник все же попытался заговорить, он слегка кивнул головой, и турки решили, что это знак согласия принять мусульманство.

– Поставьте его на ноги, – приказал офицер.

Два солдата подняли священника. Офицер велел повторить свидетельство ислама:

– Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк его.

– Нет Бога, кроме... – отчетливо начал отец Рубен, широко раскрытыми глазами глядя на безжалостного офицера. Переведя дыхание, он продолжал, – ...Господа нашего и Иисуса Христа, сына Его, моего Спасителя.

Офицер выхватил из ножен шашку и отрубил отцу Рубену голову.

Следующей жертвой стал директор колледжа профессор Поладян, которому также предложили спасти свою жизнь, публично приняв мусульманство. Профессор был одним из наиболее чтимых людей во всей Армении. Он получил образование в Соединенных Штатах, в Йельском университете, и пользовался большим уважением в Англии и Франции за свою честную работу. Он был уже очень стар.

После отца я любила его больше всех. Однажды, когда я была еще маленькая, мне пришлось из-за болезни пропустить празднование Рождества в колледже, где профессор Поладян развешивал на ветках ели мешочки со сладостями для всех маленьких девочек Чмшкацага. Профессор спросил у Лусинэ, почему меня нет среди детей, собравшихся вокруг елки. И когда моя сестра рассказала ему, что я больна и горько плакала от того, что не смогла прийти на праздник, профессор помчался к нам домой, преодолев почти две мили, принес предназначившийся для меня мешок со сладостями и рассказал мне историю

Рождения Христа. Помню, потом я всегда молилась профессору Поладяну сразу после того, как помолюсь Богу, пока мама не объяснила мне, что этого делать нельзя.

Профессора Поладяна не били, но офицер сказал ему, что избавляет его от этого испытания для того, чтобы тот публично принял мусульманскую веру. Профессор был подавлен невыносимым зрелищем страданий своих близких, но ответил офицеру, что за свою веру отдаст жизнь. Его подвергли ужасным мукам: солдаты вырывали один за другим ногти на его руках и ногах, выдергивали волосы и бороду, после чего кололи его ножами, пока он не умер.

Всю ночь с тюремного двора раздавались крики, и ожидавшие снаружи женщины сходили с ума. На рассвете солдаты разогнали их, уверяя, что мужа скоро вернутся домой.

Как только женщины скрылись из поля зрения, солдаты выволокли измученных людей, связанных друг с другом длинной веревкой, и погнали их в сторону реки Мурад, которая находилась в десяти милях от города. Доведя мужчин до берега реки, солдаты напали на них и закололи штыками. Лишь один сумел избежать гибели, накрывшись трупом и притворившись мертвым.

Следующий день, четверг, был кануном святого дня мусульман. В девять часов утра солдаты обошли все улицы, объявляя, что все мужчины, от 18 лет и старше, должны собраться на площади. Если через час кого-то там не окажется, он будет убит.

Мама, Лусинэ и я кинулись в объятия отца, каждая из нас старалась обвить руками его шею. Он был очень грустен и молчалив.

– Не все сразу, не все сразу, мои дорогие, – сказал он, и мы ждали, когда отец поцелует и попросится с каждым из нас. Он долго держал на руках самых младших, семилетнюю Сару и шестилетнего Овна. Потом поцеловал меня в губы – он никогда меня так не целовал. Велел маме не плакать, быть мужественной. И вышел.

Маленький Погос пошел следом за отцом, чтобы побыть с ним подольше. Когда отец дошел до площади, Погос хотел вернуться, но солдат заметил его и схватил за ворот, сказав: «Ты тоже проходи, завтра не придется тащить тебя вместе с женщинами». Отец возразил, что Погосу только пятнадцать, но солдат не стал его слушать. И мой брат уже больше не вернулся домой.

ГЛАВА II

НАЧАЛИСЬ УЖАСНЫЕ ДНИ

Из окна своей комнаты на втором этаже я смотрела, как отец переходит улицу и идет на площадь. Мама лежала на диване в гостиной, Лусинэ и наши младшие братья и сестры остались с ней; даже малыши пытались заставить ее поверить в то, что папа скоро вернется. Когда солдат схватил Погоса, я закричала. Мама, услышав меня, быстро поднялась ко мне наверх, Лусинэ и остальные спешили следом. Я была единственной, кто все видел, и должна была сказать им – сказать, что не только папу, но и маленького Погоса, который мечтал стать священником, как отец Рубен – его тоже увели. Но я будто онемела. Мама подумала, что я видела, как что-то случилось на улице с папой.

– Скорей скажи, что случилось! Отца убили? – закричала мама. Я не ответила, лишь отрицательно покачала головой. Вдруг мама почувствовала, что с нами нет Погоса, и встревожилась. Она повернулась к Лусинэ:

– Где мой мальчик? Где мой Погос? Почему его здесь нет?

Лусинэ помчалась было по лестнице во двор искать Погоса. Но я жестом остановила ее, обняла маму и сквозь слезы сказала: «Они забрали и Погоса тоже, он с папой».

Мама сползла на пол и закрыла руками лицо. Мы с Лусинэ опустились на колени рядом с ней. Но она не плакала. Ее глаза были сухими, когда мы собрались вокруг нее. Я больше никогда не видела свою мать плачущей, даже когда турецкие солдаты по приказу Ахмед-бея забивали ее до смерти и заставляли меня смотреть на это перед тем, как вернуть в гарем Ахмеда.

Из окна моей комнаты мы видели, как мужчины на площади утешали друг друга или возбужденно переговаривались. К полудню там собралось уже более трех тысяч мужчин и юношей. Солдаты и запти обыскивали дома, чтобы ни один мужчина старше восемнадцати лет не избежал ареста. Когда женщины цеплялись за своих мужей и отцов, солдаты говорили, что забирают их только для встречи с вали Исмаил-беем, который должен прибыть из своей резиденции в Харберде. Некоторые женщины поверили в такое объяснение, но остальным было

ясно, что это обман.

Недалеко от нашего дома жила семья Андраника. Он был молод, окончил американский колледж в Марзване и с родителями приехал в наш город работать учителем в школе. Его очень уважали, и это за него должна была вскоре выйти замуж моя сестра Лусинэ. Когда турки объявили мобилизацию, Андраника, как преподавателя, освободили от военной службы.

Отец Андраника подчинился приказу и пошел на площадь, а Андраник остался дома. Он, переодевшись в платье своей сестры, тайком выбрался из города. Купил лошадь у одного знакомого турка и через него же дал знать Лусинэ, что едет ходатайствовать за армян Чмшкацага в Харберд, к генеральному консулу Германии, графу Вольфу фон Вольфскелю.

Услышав, что Андраник вне опасности, Лусинэ воспряла духом. В тот вечер некоторые соседи, в том числе и жены богачей, пришли к нам в дом, чтобы из наших окон посмотреть на площадь, надеясь хоть мельком увидеть своих близких. Солдаты не позволяли женщинам собираться у площади и общаться с мужчинами.

Госпожа Србуи, очень красивая женщина – не прошло и года, как она вышла замуж за сына очень богатого промышленника – вот-вот должна была стать матерью. Из нашего окна она увидела своего мужа и, не сдержавшись, побежала к площади и окликнула его по имени: «Вардан джан, Вардан джан!»

Молодой супруг, услышав жену, метнулся к ней с раскрытыми объятиями. В то же мгновение один заптий прикладом винтовки ударил ее по голове. Когда бандит и его товарищи заметили, что молодая женщина беременна, то по очереди стали вонзать штыки в ее живот. Муж упал на землю. Думаю, он потерял сознание. Солдаты потащили мужчину в сторону, а изуродованное тело его жены оставили лежать на том же месте.

На закате, когда почти все христианские женщины выплакали свои глаза досуха, как Лусинэ и я, с минарета мечети Эль-Гасан мусульманской части города послышался призыв муэдзина к первой молитве. Мне казалось, что он насмехался над нами, когда пел: «Нет Бога, кроме Аллаха! Спешите на молитву, спешите к спасению!». Я стала на колени и умоляла нашего Бога, чтобы Он не забыл нас и вернул наших отцов. Наверное, Бог услышал меня, потому что сразу

после окончания мусульманской молитвы какой-то солдат появился у нашей двери. Он сказал, отец заплатил ему за то, чтобы передать нам сообщение: мы сможем повидаться с ним, если поспешим к северному углу площади. В доказательство, что это послание настоящее, солдат показал нам папино кольцо.

С маленькими сестрами и братьями на руках, мы с мамой и Лусинэ помчались к указанному месту. Там нас ждали отец с Погосом. Сперва они не могли произнести ни слова, но потом отец заговорил: «Нас должны угнать в пустыню».

Офицеры рассказали им, что армянских мужчин отведут в город Арабкир, который находится в шестидесяти милях от нас, и те будут содержаться в тамошнем лагере, пока турки не решат отпустить их домой. Отец сказал, он надеется, что это правда, но на самом деле не верит, что им позволят вернуться. И еще он сказал маме, что для Погоса желательно принести одно одеяло, чтоб укрываться ночью, и немного денег. У папы при себе было только 100 турецких лир, что равнялось примерно 440 американским долларам, и он рассчитывал, если их будет побольше, подкупить солдат, чтобы Погосу разрешили ехать верхом или даже совершить побег, когда они отправятся в путь.

Мы с мамой поспешили домой. Она спустилась в подвал, где папа прятал для нас большую сумму денег. Мне пришлось в голову взять свой йорган – стеганое одеяло, которое папа привез из Смирны на мое десятилетие. Это была самая красивая из принадлежавших мне вещей. На йоргане было вышито 10 библейских заповедей, и некоторые говорили, что его соткали тысячу лет назад. Я взяла его для Погоса, и еще другое – для папы. Погос заплакал, когда увидел, что я отдаю ему свой йорган. Еще мы завернули для них в лаваш сухофрукты и сыр. А мама взяла 200 турецких лир – почти 1000 долларов.

На этот раз солдаты не позволили нам долго разговаривать с папой. Мы стояли на противоположной стороне улицы, просто глядя на него, пока совсем не стемнело и стало невозможно что-либо разглядеть. Только тогда мы вернулись домой. И больше уже никогда не видели ни отца, ни Погоса.

Когда мы добрались до своего дома, обнаружили ожидавшего в гостинной начальника полиции Абдуллу-бея. Абдулла-бей дружил с отцом, и мы думали, что он добрый человек. Возможно, он помог бы нам, если бы мог, но, когда мама умоляла вернуть хотя бы Погоса, по-

казал нам письменный приказ, подписанный Исмаил-беем, который ему передал Гусейн-паша. В документе говорилось:

«Во время переселения армян, если кто-нибудь из мусульман – будь то местный житель или приезжий – попытается спрятать или другим способом помочь христианину, то сначала его дом будет сожжен, затем на его глазах будет убит христианин, и, наконец, вся семья его и сам он будут уничтожены».

– Видите, даже при желании я не могу вам помочь, – сказал Абдуллабей. – Но, как друг вашего дома, хочу дать совет. У вас две молодые дочки, и их можно спасти, если они отрекутся от вашей веры и примут нашего Аллаха. Я лично поговорю с Гусейном-пашой, если вы хотите, и когда Лусинэ и Аврора произнесут *рекка* – клятву верности Мухаммеду, паша с радостью примет обеих, таким образом вы спасете их и себя от большой беды. Соглашайтесь, пока не поздно.

Гусейн желал взять в свой гарем нас обеих! Я вспомнила слова отца Рубена: «Верь в Бога и будь верна Ему». Но мне казалось, что я должна пожертвовать собой. И я бы отправилась тогда в дом паши, если бы мама не сказала Абдулле:

– Скажи паше, что мы принадлежим Господу и готовы принять то, что Им предначертано.

Абдулла с почтением отнесся к мужеству мамы, и, уходя, поклонился ей:

– Я сожалею о том, что случится, – сказал он.

Вернувшийся в тот вечер из Харберда Андраник сразу пришел к нам домой. Он был все еще в платье своей сестры. Когда он появился на пороге, Лусинэ бросилась в его объятия. По его лицу было видно, что он принес плохие новости.

– Я просил графа фон Вольфскеля спасти нас, – сказал Андраник. – Он говорит, что это приказ султана: не оставить в Турции ни единого живого христианина, – и, по его мнению, султан прав.

Лусинэ лелеяла в душе надежду, что Андраник прибудет с благой вестью. Она так верила в него, не допуская и мысли, что он вернется с пустыми руками. Девушка была подавлена разбившимися надеждами, но она больше беспокоилась об Андранике, чем о себе. Лусинэ умоляла Андраника попытаться убежать. Но он решил пока остаться, скрываясь под женской одеждой. Лусинэ отрезала пряди своих волос и закрепила их на голове Андраника таким образом, чтобы они вид-

нелись из-под косынки – так он был больше похож на девушку. Они думали, что ему, быть может, безопасней попробовать выбраться из города поздним вечером и спрятаться у знакомых в деревне.

Но каким-то образом власти узнали, что Андраник не сдался. Вечером заптии под руководством Абдуллы окружили их дом и потребовали, чтобы он вышел. Когда мать сказала, что его нет дома, начальник жандармов предупредил, что если Андраник не сдастся сейчас же, они подожгут дом вместе со всеми, кто находится внутри.

Кто-то из соседок поспешил сообщить нам об этом. Андраник сбросил с себя камуфляж, схватил старую саблю, висевшую у нас на стене, и выскочил на улицу. Он прорвался сквозь ряды жандармов и вошел в свой дом. Там он увидел смертельно напуганных мать, сестер и других родственников.

Жандармы приказали ему немедленно выходить. Андраник увидел турок с полными бидонами керосина. Он расцеловал мать с сестрами и вышел на улицу. Жандармы убили его ножами прямо на пороге дома. Сестра Андраника выбежала, бросилась на его тело, и ее тоже зарезали. Когда одна из соседок рассказала нам о случившемся, Лусинэ побежала к дому Андраника и помогла внести в дом тела обоих.

Отца и других мужчин увели той же ночью. Мы как раз сидели в моей комнате, пытаясь в свете факелов и фонарей, которые держали заптии, различить на площади своих. В это время появилась новая группа солдат, и поднялся большой переполох. Людей построили в шеренги, жандармы с солдатами встали слева и справа от них и повели мужчин с площади. Было слишком темно, чтобы пытаться разглядеть папу и Погоса, но мы надеялись, что они тоже будут смотреть на наши окна и смогут нас увидеть.

Людей увели в сторону реки Карасу, притока Евфрата.

Многие были стары и немощны, они не могли идти так далеко и падали на землю. Заптии убивали их ножами, бросали тела на обочине и шли дальше.

На рассвете люди дошли до берега Карасу у села Гвазим, что в двенадцати милях от нашего города. В этом селе было большое здание, которое турки использовали иногда, во время усмирения курдов, в качестве военного лагеря, а в мирное время – как тюрьму. Половину мужчин разместили в этом здании и сказали, что они должны оставаться там до следующего дня. Остальных жандармы погнали через

реку в сторону Арабкира.

В середине того же дня заптии вернулись в Гвазим. Всех людей, которых они увели через реку, убили – сразу, как только село исчезло из вида.

Когда в Чмшкацаге узнали, что часть наших мужчин оставили в тюрьме Гвазима, сотни женщин двинулись туда пешком по пыльной дороге. Мы с Лусинэ тоже пошли в надежде еще хоть разочек увидеть отца и брата.

В Гвазиме жила одна старая армянка, которая во время резни 1895 года обитала в нашем городе. Она была очень красива, и когда ее в те годы украли курды, она спаслась, сменив свою веру. После чего ее продали в село Гвазим одному турецкому бею. Он держал армянку в своем гареме, пока та не состарилась. Для вида приняв ислам, в душе она осталась верна христианству. Бей называл ее «Фатима».

Фатима уговорила стражников разрешить ей приносить заключенным воду. Когда в этот день она сказала пленникам, что жандармы вернулись без угнанных мужчин, остальные армяне ясно поняли, что такая же судьба ожидает и их.

Она рассказала мне, что видела среди мужчин отца и Погоса, и передала нам их пожелание не терять надежду на лучшее. А позже мы увидели, как она снова вошла в тюрьму, на этот раз Фатима положила в ведра с водой два камня – настолько тяжелых, что еле несла их. В третий раз она вошла внутрь с ведрами, полными керосина.

Когда стемнело, молодые мужчины, сильные и отважные, убили всех стариков теми камнями, что принесла им Фатима. Отец в первую очередь убил Погоса, который был слишком мал.

А когда все старые и немощные были мертвы, молодые мужчины помолились, чтобы Господь узнал, что они совершили это, не желая подвергать страданиям самых слабых. Затем они облили все керосином, зажгли огонь и бросились в него. Когда тюрьма загорелась, Фатима нам рассказала, что там происходило. Потом жандармы, заподозрив, что это дело ее рук, схватили Фатиму, подтащили к горевшему зданию и кинули в пламя.

В субботу, на заре, мы с Лусинэ вернулись домой к маме.

«На все воля Божья», – вот все, что она смогла сказать, когда мы сообщили о произошедшем в тюрьме.

Мама рассказала, что во время нашего отсутствия в мечети Эль-

Гасан состоялось большое торжество в честь мусульманского святого дня. Из Трапезунда прибыл высокопоставленный имам читать специальные молитвы, предназначенные для таких больших событий, как начало священной войны или массовой резни христиан.

В то утро солдаты обошли улицы, расклеивая по стенам новое объявление. Это было то, чего мы боялись: приказ губернатора всем армянским женщинам-христианкам, молодым и старым, в течение трех дней покинуть свои дома и подготовиться к депортации – куда именно, в документе указано не было.

Как только турецкие жители прослышали о новом приказе, многие из них пришли в армянские кварталы города с предложением купить все, что армянские женщины захотят продать. Поскольку в городе не осталось армянских мужчин, женщинам не с кем было даже посоветоваться. К нашему дому, который был одним из лучших в городе, пришли многие богатые турки. Они предлагали нам продать ковры и красивые кружева, которые плели мы с мамой и Лусинэ.

Каждая армянка с малых лет училась вязать кружева и не могла чувствовать себя абсолютно счастливой, если не сплетет себе кружевную фату. Обычно турки с удовольствием покупали эти кружева, а потом по более высоким ценам перепродавали другим купцам. Но ни одна армянка не продавала свою фату, если только не умирала от голода. Мы с Лусинэ берегли свои свадебные кружева до желанного дня. Но мы понимали, что при выселении не сможем взять их с собой, а если оставим – их украдут. И потому мы продали и свои, и мамыны, получив за все лишь несколько мелких монет. Когда я попала в Америку, то увидела в продаже покрывала и скатерти, сшитые из таких же кружев, как наши: в магазинах они стоили сотни долларов. Также у нас было много ковров, привезенных отцом из Харберда, Смирны и Дамаска. И за них мама получила по несколько центов.

На следующий день, в воскресенье, солдаты побывали во всех домах. Они входили без стука и без разрешения. Якобы в поисках ружей и пистолетов, они крали серебряные и золотые ложки, чашки и блюда.

В тот же день мимо нашего дома проехал отряд всадников. Мы подбежали к окну и увидели, что это курды Агджа Дага, самого жестокого из всех курдских племен. Их возглавлял знаменитый Муса-бей, который несколько лет назад подкараулил американских миссионеров,

ислам и пошла с ними, обещая взамен спасти от депортации всю семью. Когда матери отказывались, турки их избивали. А нескольких женщин, слишком крепко вцепившихся в своих дочерей, солдаты убили.

Многие юные девушки уступили уговорам турок и согласились поклясться в верности Аллаху во имя спасения своих матерей, братьев и сестер. К вечеру на площадь был доставлен хатиб, духовник из мечети, который должен был совершить обряд их обращения.

Более пятидесяти девушек отреклись от своей веры. Когда все они произнесли мусульманскую клятву, офицеры дали знак заптням, и те отвели девушек в другую часть площади. Их стали осматривать богатые беи. Солдаты передавали девушек тем, кто давал больше денег, если, конечно, на нее не претендовали офицеры. У высокопоставленных военных была привилегия выбирать первыми. Одну за другой девушек, которые напрасно предали свою веру в надежде спасти родственников, солдаты тащили в сторону домов турок.

Лусинэ и я подошли к маме поближе, чтобы попробовать еще раз поговорить с ней. Нам все было видно. И когда заптнии уводили девушек, мы заметили, что один из них тащит мисс Грэхем. Она отчаянно отбивалась, но жандарм был слишком силен. Позднее мы узнали, что, когда солдаты пришли в школу за армянскими девушками, мисс Грэхем пыталась их выгнать, и тогда они заявили, что сейчас ее страна не сможет ей помочь, а поскольку она тоже христианка, они заберут и ее. Мисс Грэхем доставили в дом Рехим-бея, куда раньше увели и мою подругу Мариам. Ее даже не уговаривали отречься от своей веры. Рехим-бей был очень влиятельным человеком, он приходился двоюродным братом министру внутренних дел Талаат-бею.

ГЛАВА III

ВЫБОР ВАХБИ-БЕЯ

Некоторое время мы с Лусинэ обсуждали, что нам делать дальше – пойти на площадь и присоединиться к маме, поскольку мисс Грэхем похитили, и она уже не могла нам помочь, или продолжать скрываться, пользуясь своей маскировкой. В итоге мы решили, если у нас получится, покинуть город и добраться до дома кого-нибудь из многих знакомых турок, живущих в деревне, а потом поискать способ помочь маме. Мы не представляли, как это осуществить, но цеплялись за надежду, что кто-нибудь нам поможет.

В вечернем мраке ползком пробирались мы домой по глухим закоулкам. Нам удалось незаметно проникнуть в сад. Дома мы не посмели зажечь лампу и оставаться на первом этаже – каждую минуту внутрь могли войти солдаты. И решили, что самое безопасное место – чердак.

На чердаке было несколько ящиков с множеством старых маминных вещей. Поискав немного, мы нашли платья и надели их под ту одежду, которую дала нам мама. Нам казалось, что в случае обнаружения нашего укрытия старые платья введут турок в заблуждение, если только нам удастся оставить закрытыми лица.

Ни Лусинэ, ни я не сомкнули глаз за последние три дня, которые местные власти дали армянкам на сборы перед депортацией. Мы были измождены, и к утру сон одолел нас. Внезапно я проснулась и обнаружила, что над моей головой стоит страшный жандарм с кинжалом в руке. Он ударил меня ногой. Еще трое или четверо его товарищей и их главарь, которые забрались к нам домой в надежде пожить ценными вещами, поднялись по деревянной лестнице, когда обнаруживший нас громко крикнул:

– Mouhadjirler – anleri keselim (Здесь беглецы, давайте уьем их)!

Голос жандарма разбудил Лусинэ, и она закричала.

Турки уже поднимали меня на ноги, но крик Лусинэ привлек их внимание, и они оставили меня.

– Эта – не старая, – сказал главный заптний, повернувшись к моей сестре, – у нее молодой голос.

Они оттолкнули меня в сторону и собрались вокруг Лусинэ, схва-

тили ее и потащили вниз по лестнице на этаж ниже, где располагались наши спальни. Там они нашли лампу и зажгли ее от факела, который нес один из них. Жандармы начали разглядывать Лусинэ, которая кричала и отчаянно боролась. Я следовала за ними по пятам и тоже вбежала в комнату, но когда они заметили это, один из них сильно ударил меня кулаком, и я упала. Глядя на мое платье, они решили, что я так же стара, как моя одежда. Один из них сказал: «Заколи штыком эту старуху, если не успокоится». Я не могла ничего сделать, только ждать, прижавшись к стене.

Один из жандармов сорвал с Лусинэ скрывавшее ее покрывало. Когда они увидели под ним молодое и красивое лицо, начали гоготать. Их главарь положил на стол свое оружие и взял Лусинэ на руки. Она так сильно сопротивлялась, что другие поспешили ему на помощь и удерживали Лусинэ, чтоб офицер мог ее целовать. После каждого поцелуя он смеялся, смеялись и остальные. Один за другим они ласкали сестру, их все больше забавляла ее борьба.

Когда они порвали всю одежду Лусинэ, и ее крики стихли, я не смогла больше это вынести, подползла к мужчинам на коленях и попросила их остановиться. Я понимала, что пытаться убежать от этих зверей – безнадежная затея, и потому умоляла: «Отведите нас на площадь, к нашим родным, мы вам заплатим, если вы сжалитесь над нами».

Они позволили нам покинуть наш дом и следом за нами пошли к площади через улицу. Уже начался день, женщины суетились, делись друг с другом хлебом и мясом. Лусинэ осталась стоять с жандармами, пока я искала маму. Та ухаживала за ребенком, мать которого умерла этой ночью. Первый же ее вопрос был: «Где Лусинэ, ее схватили?»

Заптии выхватили у меня две лиры, полученные от мамы, и толкнули Лусинэ в нашу сторону. Едва почувствовав, что жандармы отпустили ее, она потеряла сознание.

В первый день и в первую ночь никто не мог понять, чего нам ждать. Жандармы на наши вопросы отвечали, что паша приказал депортировать всех женщин, но никто не знал, как и когда. Ночью умерли три женщины, у которых накануне турки забрали дочерей. Одна из них покончила с собой в то время, когда остальные дети спали вокруг нее. На площади было так много народа, что не все могли найти место, чтобы прилечь, а тех, кто пытался переместиться на смежную улицу,

жандармы тут же убивали.

В центре площади возвышался помост, на котором в летние вечера обычно играл оркестр мутасарифа. На него жандармы поместили маленьких сирот, которых забрали из христианского приюта, когда на сильно уводили оттуда мисс Грэхем. Там было три десятка маленьких девочек, старшей из которых едва исполнилось двенадцать лет, и примерно столько же мальчиков.

Дети горько плакали, когда мы с Лусинэ по совету матери подошли посмотреть, чем им можно помочь. У них вообще не было еды, кроме той, которую могли выделить им из собственных припасов армянские женщины: турки никогда не кормили своих пленных.

В этот день военный комендант всего вилайета Вахби-бей, под началом которого был целый армейский корпус, въехал в город, сопровождаемый подчиненными и хамидие – курдской кавалерией. Он направлялся в Харберд из Ерзнка, крупного города на севере, где участвовал в военном совете у турецкого главнокомандующего Энвера-паши.

Вахби-бей со своей свитой вышел из штаб-квартиры и отправился на городскую площадь. Там вокруг него столпились сотни женщин, но штабные офицеры дубинками и шашками отгоняли их. Генерал подошел к помосту и посмотрел на детей. Абдулла-бей, начальник жандармов, находился рядом с ним, и они переговаривались вполголоса.

Когда Вахби-бей удалился, несколько офицеров начали предлагать армянским девушкам сопровождать детей-сирот и ухаживать за ними там, куда поместит их государство. Им нужно было отобрать для этого несколько человек, которые таким образом могли избежать смерти и ужасов депортации, а может быть, и более худших вещей, если те примут ислам.

Многие матери считали, что это единственный путь спасти дочерей от гаремов. Также некоторые молодые женщины, в их числе те, чьих мужей убили, были в таком отчаянии и так напуганы, что оказались готовы на этот шаг. Но офицеры объявили, что предложение касается только юных девушек, и велели собраться у помоста тем, кто пожелает воспользоваться шансом.

Там собралось более двухсот девушек с матерями и родными, которые цеплялись за них и не отходили. Не думаю, что кто-нибудь из них действительно хотел отречься от Христа, они надеялись, что

будут прощены, если якобы отрекутся и тем самым спасутся от перспектив быть зарезанными, угнанными в пустыню или стать наложниками.

Подтянутый офицер хамидие в дорогой форме подошел к помосту, чтобы выбрать девушек. Он отобрал дюжину самых красивых. Одна из них, высокая и статная, дочь богатого купца, отказалась принять исламскую веру, если двум ее младшим сестрам не разрешат сопровождать ее. Офицер согласился. У этих трех девушек не было матери, но были младшие братья, которым позволили присоединиться к сиротам из приюта. Сестры радовались своему спасению. Одна из них дружила с Лусинэ, она сказала своей сестре: «Наш Господь знает, зачем мы так поступаем, а мы всегда будем тайно молиться Ему».

Эстер Мкртчян, дочь Погоса Артина, армянского писателя и поэта, жившего в нашем городе, тоже согласилась отречься от веры. Эстер была одной из моих подруг по детским играм. Ее мать была англичанкой, они поженились с отцом Эстер, когда тот путешествовал по Европе. Сама Эстер вышла замуж всего неделю назад за молодого юриста Вардана Мкртчяна. Когда ее отца и мужа увели, она почти потеряла рассудок.

Когда все четырнадцать девушек произнесли свидетельство ислама, жандармы увели их вместе с сиротами в самый большой армянский дом в городе, принадлежавший семье Эстер.

Как только новообращенные девушки и дети вошли в дом, Эстер приготовила для них обед из оставшихся там продуктов. Пока дети ели, девушек собрали в другой части дома, где их ожидала старуха-мусульманка с чадрами, которые велела им надеть, поскольку, объяснила она, теперь они тоже мусульманки и должны одеваться подобающим образом, чтобы мужчины не видели их лиц.

Молодым женщинам приказали сидеть в той комнате и ждать получения новых указаний. Они все еще находились в этом помещении, когда услышали, что доносившиеся из другой части дома детские голоса перешли в крик. Девушки бросились к двери, но она оказалась заперта.

Внезапно дверь распахнулась, и вошел Вахби-бей с начальником своего штаба Фарид-беем и комиссаром полиции Харберда эфенди Али Риза. С ними были и другие хорошо одетые офицеры, которые приехали с генералом Вахби. Девушки бросились на колени перед офи-

церами и умоляли во имя Аллаха разрешить пойти к детям. Офицеры рассмеялись. Три сестры, которые с другими детьми привели своих маленьких братьев, просили генерала Вахби сказать им, что случилось с их малышами. Вахби-бей ничего не ответил, но указал на самую высокую и стройную из них и сказал начальнику штаба: «Эту возьму я, хорошенько следите за ней». Фарид-бей позвал нескольких солдат, которые подхватили девушку и унесли на третий этаж в комнату, занятую Вахби-беем. Тот пошел следом. Затем Фарид-бей выбрал Эстер, и ее тоже солдаты унесли наверх, в другую комнату. Фарид-бей пошел за ними и отпустил солдат, приказав выставить охрану у дверей своей комнаты, а также снаружи покоев Вахби-бея.

Внизу люди Вахби-бея тоже выбирали себе девушек, первыми это право получили высокопоставленные офицеры. В конце остались три девушки, одна из которых была младшей сестрой той, что приглянулась Вахби-бею, и солдаты накинулись на них прямо там, даже не выводя в другие помещения.

Сколько прожили эти три девушки, я не знаю. Нам о случившемся в тот день в ее доме рассказала Эстер, которой удалось избежать смерти – единственной из четырнадцати. Прежде чем покинуть дом, она заглянула в ту комнату, где находились солдаты, и увидела, что все три девушки мертвы.

Сама Эстер долго сопротивлялась Фарид-бею, умоляла не трогать ее. Но он пригрозил ей смертью. И когда она заявила, что предпочитает умереть, бей открыл дверь в коридор, за которой стояли на страже охранники, и сказал:

– Если ты не успокоишься, я отдам тебя солдатам.

Бог не осудит Эстер за то, что при виде нескольких мужчин она сдавалась одному Фарид-бею.

Офицеры развлекались с девушками до вечера. Когда Фарид-бей выходил из комнаты, Эстер снова попросила его сказать, где находятся дети, чтобы пойти проведать их. Сначала он заверял ее, что сироты в безопасности, и что позже девушки смогут вернуться к ним. Но бей притворялся недолго.

– У нас нет времени заниматься детьми неверных, – сказал он, – мы утопили их в реке.

На этот раз Фарид-бей сказал правду. Мы видели тела некоторых детей, когда через несколько дней проходили той дорогой. Солдаты

связали их веревками по десять человек и погнали к Карасу, притоку Евфрата, в десяти милях от Чмшкацага. Малышей, которые не могли идти в одном темпе с остальными, солдаты убили штыками и прикладами, бросив их тела, по-прежнему связанные друг с другом, на обочине. Трупы остальных, выброшенные волнами, мы нашли на берегу реки.

Когда Фарид-бей удалился, Эстер услышала, что офицеры собрались на нижнем этаже, и предчувствие толкнуло ее к побегу. Вся одежда на ней была разорвана, но она не хотела терять время на поиски того, чем можно прикрыть тело. По незамеченной турками и оставленной без охраны лесенке она поднялась на крышу и спряталась там.

Генерал Вахби и его офицеры отбыли в штаб. В это время солдаты напали на оставленных теми девушек. Эстер слышала, как они дрались за самую красивую из них. Изнасиловав девушек, солдаты завершили свое скотское дело, заколов их всех штыками. Из разговоров, которые доносились до Эстер, она поняла, что солдаты получили приказ не оставлять в живых никого из молодых женщин, чтобы не было свидетелей такого поведения Вахби-бея и его офицеров.

Эстер соскользнула с крыши и осторожно двинулась по темным переулкам в сторону площади. Она нашла мою маму и упала ей на руки. Но когда рассвело, один из солдат заметил и узнал ее. Жандармы снова увели Эстер с собой.

В полдень на площади появилось много солдат, заптив и хамидие, а офицеры известили, что через час мы должны быть готовы тронуться в путь. Сказали, что собираются отвезти нас в Харберд, но скоро мы поняли, что идем по направлению к Арабкиру.

Подошел последний час пребывания в нашем родном городе, который веками был домом наших предков, и мало кто из соседей когда-либо выезжал за его пределы. Этот час прошел в молитвах матерей и детей. Больше не было слышно плача и рыданий... Здоровые и выносливые женщины собрали вокруг себя старых, слабых, матерей с грудными детьми. Более сильные старались помочь тем, кто нуждался в их помощи.

Настало время покинуть город. Мы немного воспряли духом, когда обнаружили доброжелательность некоторых из вновь прибывших турецких солдат, которые, казалось, старались позаботиться о нашем удобстве. По их предложению многих старых бабушек, чьи дочери

имели более одного ребенка, поместили на запряженные подводы, позволив взять по одному самому маленькому внуку, оторвав младенцев от материнской груди. Солдаты сказали, что это освободит молодых матерей от необходимости ухаживать за несколькими детьми сразу и даст возможность пожилым женщинам не оставаться в одиночестве, чтобы проще было обеспечить им определенный комфорт.

Мы находились в пути уже три часа, когда эти подводы отстали. Вскоре сопровождавшие их солдаты присоединились к впереди идущей остальной части каравана. Мы спросили, где остались бабушки и дети, солдаты ответили:

– Они были нам обузой, мы освободились от них.

День был очень жаркий, на пыльной дороге нигде не было ни тени. Многие женщины и дети, обессиленные, падали на дорогу. Заптив били их дубинками, и тех, кто не мог подняться и идти дальше, забивали до смерти.

Нам стало ясно, что может случиться с нами в любую минуту, спустя четыре часа пути. Мы дошли до места, где были деревья и родник. Сопровождающие нас пешие солдаты тоже устали и приказали нам отдохнуть и утолить жажду.

Одна из женщин указала в сторону равнины, и мы разглядели невдалеке какого-то человека, сидящего на земле. Некоторые из нас поспешили туда и увидели, что это была армянка. На земле рядом с ней лежали шесть свертков разной величины – от очень маленького до такого большого, что туда поместилась бы и я, – они были завернуты в белую чистую ткань и яркими пятнами выделялись под лучами солнца.

Нам не нужно было ничего спрашивать, чтобы понять, что в свертках – тела ее детей. Лицо матери наполовину было скрыто чадрой, которая свидетельствовала об отречении ее от Бога в надежде спасти их. Но оно оказалось напрасным...

Она не говорила и не двигалась, только смотрела на нас с бесконечным страданием в глазах. Ее лицо показалось знакомым, и одна из нас, опустившись рядом с ней на колени, осторожно приподняла с лица женщины чадру. Мы узнали ее. Это была Маргарита, жена священника, преподобного Мовсеса из маленького городка Камаха, что в 30 милях к северу от нашего города.

Преподобный Мовсес когда-то был учителем в Чмшкацаге. Он окон-

чил колледж в Харберде, а Маргарита – духовную семинарию в Мезре. Все, кто знали эту семью, любили и уважали их. Часто преподобный Мовсес приезжал в Чмшкацаг со своей женой и старшей дочерью Ширин, моей ровесницей, и проводил службу в церкви.

Кроме Ширин в семье было еще пять девочек и мальчиков. И теперь они все лежали здесь, рядом с Маргаритой, завернутые в простыни, которые она взяла с собой, когда жители ее города были депортированы.

После наших слов утешения она вышла из оцепенения и поведала свою историю:

– Нас было около тысячи. Турки дали нам лишь час времени на сборы. В первую же ночь курдские бандиты напали на нас, отвели в сторону всех мужчин и убили. Мы видели, как один за другим умирают наши мужья. Они раздевали донага всех женщин и детей, даже самых маленьких, в надежде найти деньги. Всех красивых девушек изнасиловали прямо на наших глазах. Я умоляла начальника охранявших нас солдат защитить Ширин. В Камахе он был нашим другом. Он пообещал спасти нас, если я приму мусульманство, и ради Ширин я сделала это. Он велел разбойникам вернуть нам одежду, и мы с Ширин закрыли свои лица покрывалами. Командир приказал солдатам проводить нас в Харберд и сдать там губернатору. Уходя, мы видели, как курды и солдаты, устав насилловать девушек, убивали всех без разбора. Когда мы дошли до этого места, солдаты убили моих маленьких детей, стукнув их друг о друга головами. Они держали меня и на моих глазах насилывали Ширин, потом отрезали ей груди, и она скончалась. А меня оставили в живых, потому что, как они сказали, я стала мусульманкой.

Мы хотели взять Маргариту с собой, но она отказалась.

– Я должна вместе с моими детьми идти к Богу, – сказала она. – Я останусь здесь до тех пор, когда Он призовет мою душу.

Мы оставили ее там, рядом с детьми.

Когда мы дошли до Карасу, была уже глубокая ночь, и сверкали звезды. Солдаты сказали, что мы можем там заночевать. Вдали виднелся свет на минарете в селе Гвазим, где папа и Погос погибли в горящей тюрьме.

На всем пути заптии убивали женщин и детей, которые обессилели и не могли идти в одном темпе с другими, а многих красивых девушек оттаскивали в сторону от дороги, позже те возвращались с полными

слез глазами и стыдом на застывших скорбных лицах. Мы с Лусинэ измазали наши лица грязью, чтобы казаться безобразными, а я так и продолжала носить турецкую одежду.

На какое-то время показалось, что ночью нас не будут беспокоить, так как конвоиры сбились в небольшие группки и находились далеко от нас. Но вдруг опять раздался вскрик девушки, привлечшей их внимание, и это заставило не терять бдительности.

ГЛАВА IV

БЕЗЖАЛОСТНАЯ УЛЫБКА КЕМАЛЯ-ЭФЕНДИ

Ночью в наш лагерь хлынули турецкие обитатели рядом расположенных городков, чтобы купить имевшиеся у женщин ценности. Многие армянки везли с собой дорогое шитье, другие – ювелирные украшения, серебро и ковры. Некоторые переселенцы были с возами, запряженными лошадьми или ослами. Турецкие солдаты советовали нам взять с собой по возможности больше вещей. Потом мы поняли, что эти советы давались в надежде получить максимальное количество трофеев.

Турки, ходившие в ту ночь по лагерю, торговались не только из-за вещей, они присматривались также к девушкам и молодым женщинам. Один из них уговаривал маму отдать ему Лусинэ. Мама отказалась, и он заявил ей:

– Тебе лучше отдать ее мне, я буду добр к ней, она станет работать вместе с моими слугами. А солдаты все равно продадут или украдут ее, если не убьют раньше. Никто из вас не проживет долго.

В эту ночь турки украли нескольких детей. Девятилетнюю девочку на наших глазах вырвали из рук родных и унесли, не обращая внимания на ее крики. Когда родственники пожаловались солдатам, те сказали, что нужно радоваться: девочка избежала сирийской пустыни, куда мы все должны отправиться.

Настало утро. Мы были счастливы, что закончилась эта бессонная, наполненная ужасом, ночь. И тут, поднимая огромные облака песчаной пыли, в нашу сторону стали спускаться курды Агджа Дага, возглавляемые Муса-беем. Видимо, солдаты ожидали их появления, потому что ничуть не удивились и струсидлись поодаль от лагеря. Возможно, это было оговорено в Чмшкацаге, во время визита Муса-бея к Гусейну-паше, перед нашим исходом из города.

Курды стремительно неслись на своих лошадях, топча копытами встречавшихся на их пути обезумевших от страха людей. Всадники, быстро отогнав в сторону принадлежавший армянам скот, спешили и начали ходить между нами, выбирая красивых женщин. Мы с Лусинэ крепко прижались к маме, пытавшейся закрыть нас собой, но один из трех курдов, проходивших мимо, заметил меня. Он остановился и

сорвал с меня чадру. Увидев грязь на моем лице, он грубо протер его рукой и рывком поставил меня на ноги, чтобы разглядеть получше. Убедившись, что я молода, громко крикнул. Один из других курдов быстро обернулся и подошел к нам. Посмотрев на него, я увидела, что это был сам Муса-бей!

Бей грубо схватил меня, разорвал мою одежду и откинул назад волосы. Потом он отдал какой-то короткий приказ и так быстро, что я даже не успела вскрикнуть, забросил меня поперек лошади и запрыгнул в седло сам, а в следующее мгновение уже галопом скакал по равнине. Его отряд мчался следом, у каждого курда было по одной девушке, переброшенной через лошадь. Я боролась изо всех сил, пытаясь освободиться, я мечтала броситься под копыта животного и быть затоптанной насмерть. Но бей, сильно прижимая меня своими железными руками к лошади, продолжать скакать вдоль реки на запад.

Я звала маму, и крики других девушек сплетались с моими. А позади слышались вопли наших близких. Мне казалось, что даже в этом шуме я различаю голос мамы. Постепенно их голоса затихли, удаляясь. Я потеряла сознание.

Когда я пришла в себя, то увидела, что вместе с другими похищенными девушками лежу на земле. Курды спешили. Одни занимались подготовкой лагеря, другие развлекались с теми девушками, которые не обессилели. Муса-бей видно не было.

Моя одежда была порвана, тело ныло от долгой тряски на лошади. Во время нападения курдов я потеряла обувь и чулки и осталась босиком. Некоторое время я лежала тихонько, боясь шевельнуться, чтобы не привлечь к себе внимания и не испытать тех страданий, что уже достались другим. Когда я смогла оглядеться по сторонам, то увидела среди знакомых мне лиц замужних женщин. Некоторые из них были молодыми матерями, их дети остались позади, в лагере.

Рядом со мной на земле лежала совсем юная девочка Марица, чью мать убили жандармы сразу после выхода из Чмшкацага, и весь тот первый день длинной и мучительной дороги она несла на руках своего маленького брата. Марица беззвучно плакала. Я подползла к ней.

– Когда меня похитили, маленький Маркар был у меня на руках, – зарыдала Марица. – Грудного малыша курды вырвали из моих рук и швырнули на землю. Он сразу умер. Его падающее крошечное тельце

стоит перед моими глазами.

Через несколько часов вернулся Муса-бей. Его сопровождала группа турок на лошадях. Они прибыли с запада, где на речных берегах располагалось много небольших деревень, в которых жили и богатые мусульмане. Когда они спешили, Муса-бей начал показывать им девушек. Некоторые из турок были похожи на зажиточных крестьян. Другие, казалось, принадлежали к сословию богатых и влиятельных граждан. Муса-бей заставил всех нас встать. Тех, кто подчинялся приказу недостаточно быстро, он хлестал кнутом. Когда я поднялась, курд взял меня за плечо и снова бросил на землю: «Ты лежи спокойно», — сказал он. И еще с двумя или тремя девушками он поступил так же.

Турки грубо осматривали предложенных Муса-беем девушек и отбирали их для себя. Те, которые были похожи на крестьян, выбирали более сильных и взрослых, а другие — самых красивых, споря из-за них между собой.

Сельчанам нужны были женщины для тяжелой деревенской работы в поле, а остальные хотели получить девушек либо для своих гаремов, либо как служанок, либо чтобы перепродать их как наложниц на невольничьем рынке в Смирне или Константинополе. Муса-бей за каждую из них требовал 10 меджидие — около 8 американских долларов. Лежа на земле, я дрожала и думала, как дешево они ценят христианскую душу.

Юную Марицу, которая стояла рядом со мной, увел один очень старый турок. Ее хотел другой человек, но старик дал Муса-бею еще четыре меджидие, и второй турок повернулся к остальным девушкам. Тот, кто купил Марицу, не рискнул самостоятельно везти ее на лошади, поэтому он заплатил Муса-бею еще два меджидие, и тот пообещал, что кто-нибудь отвезет Марицу к турку домой. По его приказу один из курдов вскочил на лошадь, поднял девушку, усадил перед собой и тронулся следом за покупателем. Марица больше не плакала, лишь закрывала лицо ладонями.

Через некоторое время увели всех девушек, кроме меня и нескольких других, которых Муса-бей не выставил на продажу. Купленных сельчанами ждали сельскохозяйственные работы — им повезло, так как иногда турецкий крестьянин бывает добрым и ласковым. Но те девушки, что были предназначены для гаремов, должны были столк-

нуться с невыносимыми мучениями, которые порой бывают хуже смерти.

Когда удалились последние турки со своим живым грузом, Муса-бей что-то сказал своим товарищам, и к нам направились несколько курдов. Мы подумали, что нас оставили для Муса-бея, и начали кричать и плакать. Не обращая внимания на наши слезы, они снова закинули нас на лошадей, сами сели в седла и, возглавляемые Муса-беем, куда-то помчались.

Я просила сопровождавшего меня курда сказать, куда нас везут. Он не отвечал. Поздно вечером, после двухчасового пути, мы очутились на окраине какой-то деревни и въехали во двор огромного каменного дома, обнесенного разрушенной каменной оградой. Это было очень древнее здание, и еще до того, как мы остановились во дворе, я узнала в нем по описанию в нашем школьном учебнике крепость сарацинов, восстановленную сто лет назад богатым турком, которому покровительствовал правивший в те времена султан.

Когда курды спустили нас с коней, я вспомнила, что теперь этот замок принадлежит одному из членов влиятельной организации младотурок «Единение и прогресс», Кемаль-эфенди.

О нем по округе шла дурная молва как о человеке, жестоком по отношению к христианам, и ходило много историй о похищенных в наших краях и увозимых в его дом христианских девушках, о которых больше никто никогда не слышал.

Только одна часть крепости была пригодна для жилья, туда нас и отвели. Я попробовала обратиться к сопровождавшему меня курду, но тот грубо меня подтолкнул вперед. Нас провели в маленькую комнату. Там находились слуги — мужчины и женщины, — которые принялись разглядывать и обсуждать нас. Муса-бей отправил их сообщить своему хозяину о его прибытии.

Спустя некоторое время вошел Кемаль-эфенди. Это был высокий человек средних лет. Когда его взгляд упал на меня, по моему телу прошел озноб. Я содрогнулась, вспомнив истории, которые рассказывали о нем. Те несколько минут, в течение которых Кемаль-эфенди осматривал и оценивал нас, показались часом пыток. Эфенди остался доволен. Он побеседовал с Муса-беем, после чего курды вышли следом за своим вождем. Я не знаю, сколько Кемаль заплатил за нас Муса-бею.

В комнату пришли женщины, они старались нас утешить. Одна из них обняла меня и попросила не плакать. Она сказала, что мне очень повезло попасть к такому доброму человеку, как Кемаль-эфенди.

— Он будет нежен с тобой. Если ты подчинишься ему и будешь ласкова, он станет обращаться с тобой, как со своей женой. Он не будет жестоким, если ты станешь покорной, — сказала женщина.

Я ничего не знала о ней, но мне показалось, что в молодости, до того, как стать служанкой, она была наложницей Кемалья.

До тех пор я еще гнала от себя мысль о том, что навсегда потеряла маму, сестер и братьев. И то, что сказала нам эта женщина о нашей дальнейшей судьбе в доме Кемалья, лишило меня всякой надежды вновь увидеть их. Я сказала ей, что покончу с собой, если не смогу вернуться к ним.

Поздно вечером Кемаль-эфенди вызвал нас. Он поужинал и казался добрым. Одна из женщин, совсем недавно вышедшая замуж, бросилась на пол к его ногам, и со слезами просила дать нам свободу. Кемаль мгновенно утратил благостное настроение. Он вызвал слугу и приказал увести ее прочь.

— Заприте ее до тех пор, пока не поймет, когда нужно плакать, а когда — смеяться.

Слуга увел рыдающую девушку.

Потом Кемаль стал расспрашивать нас о наших семьях, возрасте, а в конце спросил, готовы ли мы отречься от нашей веры и принять ислам. Одна из девушек, имя которой я не знала, но часто видела ее в воскресной школе Чмшкацага, не посмела отказать Кемалю. Курды жестоко обращались с ней, а похититель избил ее, чтобы она перестала плакать. И теперь она простонала:

— Да, да, Бог нас забыл и бросил. Я буду верной Мухаммеду, только не бейте меня больше.

Кемаль улыбнулся, положил руку на голову девушки и сказал:

— Ты умная, тебя больше не накажут, если будешь и дальше так себя вести.

Вторая девушка не отреклась от своей веры.

— Вы можете убить меня, если захотите, — сказала она, — и я пойду к моему Христу.

Слуга поволок ее из комнаты. Я посмотрела на Кемалья-эфенди, он по-прежнему улыбался так нежно и ласково, будто в самом деле был

нежным и не мог быть никаким иным. И я почувствовала, что он гораздо безжалостнее, чем о нем рассказывали люди.

Когда Кемаль начал со мной беседовать, его голос показался мягким. Я и сейчас помню, как ощутила в тот миг, будто дикий зверь ласкает мне лицо своим языком.

— А ты, моя девочка, — спросил он, — ты какая: умная или глупая?

— Господи, спаси меня, — прошептала я про себя в который раз, и мне показалось, что кто-то шепчет в ответ. Я слышала свой голос, но не понимала, что говорю:

— Я буду такой, какой вы пожелаете.

— Это очень хорошо, ты будешь счастлива, — ответил Кемаль. — Ты признаешь Аллаха как Бога, и Мухаммеда как его пророка? Тогда я буду добр к тебе.

— Я сделаю это, эфенди, и буду вам послушна, если вы спасете и мою семью, — сказала я.

— А если не спасу? — поинтересовался Кемаль.

— Тогда я умру.

Эфенди пристально посмотрел на меня, затем потребовал рассказать о моей семье. Я рассказала о маме, сестре Лусинэ и других моих братьях и сестрах. Кемаль приказал подойти к нему. Он положил руки мне на плечи. Я стояла очень прямо и смотрела ему в глаза. Я пообещала, если он приведет маму, сестер и братьев, я не только отрекусь от моей религии, но и подчинюсь ему во всем. Каждый раз, давая очередное обещание, я одновременно шептала про себя: «Боже, молю, прости меня». Но у меня не было другого выхода. Я боялась, что, может быть, сейчас моих родных уже нет в живых. Мне казалось, что мое тело и душа слишком малы для этой жертвы.

Кемаль продержал меня у себя больше часа. Каждый раз, когда он пытался дотронуться до меня, я отступала назад. Это забавляло его, он смеялся и аплодировал, будто был очень доволен.

— Если вы не освободите мою семью, мне лучше будет умереть, — повторяла я.

Иногда я отчаивалась, мне казалось, что он издевается надо мной, но не хотела плакать и с трудом сдерживала слезы, зная, что они ему не понравятся. Вдруг он как будто принял решение. Кемаль поднялся и посмотрел на меня сверху вниз.

— Очень хорошо, я согласен. Я защищу твою семью. Предпочитаю

иметь женщину благодарную, нежели обиженную. Мы завтра же пойдем и приведем твоих родных.

Я была бы счастлива, даже несмотря на свое самопожертвование, если бы Кемаль не улыбнулся при этих словах жестокой, злой улыбкой. Если бы он не улыбался, я бы поверила ему. Но я ощущала, что за его улыбкой прячется коварная мысль – так отчетливо, будто он сам говорил об этом.

Я попросила его отправиться за моей семьей тотчас же, пока не стало слишком поздно. Но он ответил, что можно ехать и утром, на восходе, и что мне не нужно больше волноваться: поздно не будет. Когда он удалился, в комнату вошла женщина, которая раньше утешала меня. Она отвела меня в гаремлик, женскую половину дома, где было много других женщин.

Мне казалось, что эти женщины очень жалели меня, но не имели смелости сказать об этом. Они пытались ободрить, задавали много вопросов о нашей религии, и почему армяне предпочитают умереть, но не принять религию турок. Я была не в состоянии отвечать на их расспросы, потому что мои мысли были заняты только рассветом – успеем ли вовремя – и вопросом, что может скрываться за улыбкой Кемалья.

Меня поместили в маленькую комнату, размером едва ли больше американского чулана. Мне было сказано, что утром придет имам для принятия моей клятвы.

Они не знали, что эфенди обещал освободить моих родных.

Недолго пробыла я в одиночестве, скоро красивая молодая одалиска, рабыня, тихонько проскользнула в занавешенные двери и взяла мои руки в свои ладони. Она рассказала, что родом из Сирии, отец продал ее в ранней юности. Из Смирны ее отправили к Кемалю, и эфенди относился к ней, как к любимой рабыне. Она сказала мне, что если после того, как я стану наложницей Кемалья, мне понадобится опора, я могу ей довериться. Ей пришлось принять ислам, однако втайне, в глубине сердца, она осталась христианкой. Но она знала мало молить, так как отец был вынужден продать ее в очень юном возрасте. Девушка из Сирии хотела, чтобы я научила ее новым молитвам.

Присутствие кого-то, с кем можно было беседовать, скоротав длительные мучительные часы в ожидании рассвета, очень утешало. Я

рассказала маленькой рабыне, что обещала поменять религию, если Кемаль сможет спасти моих маму, сестер и братьев, и что он обещал мне это, но его улыбка в тот момент вызывала страх, которого я не могла себе объяснить.

– Когда он улыбается, – сказала девушка, – это значит, что он говорит не то, что думает. Часто, когда он недоволен мною, то улыбается и ласкает, после чего сечет меня плетью. Когда курд Муса-бей, который доставил тебя, пришел к Кемалю и сказал, что угнал несколько девушек и самых красивых предлагает продать ему, эфенди улыбнулся и ответил: «Хорошо обращайся с самыми лучшими и приведи их сюда». Я бы не стала верить в то, что он сдержит свое обещание.

Рано утром эфенди послал за мной человека. Он попросил описать моих родных. Я сказала ему, что в таком количестве людей их невозможно будет отыскать по описанию. Он согласился, что я должна сопровождать его, и мы тронулись в путь: эфенди на коне, а я пешком. Я старалась показать Кемалю, что довольна нашим уговором и рада его покровительству. Но теперь я понимала, что за его улыбкой скрывается коварное намерение: после моего вероотступничества убить моих родных.

Кемаль знал маршрут того каравана насильственно переселяемых, в котором находилась моя семья. Мы пошли на север, к тому месту, где они должны были вброд переправляться через реку. Караван еще не успел дойти туда, и мы повернули ему навстречу. Когда мы приблизились к высокому скалистому берегу, я посмотрела вниз и заметила, что вода в реке стала красной от крови, а на ее поверхности плавают трупы. Я громко закричала, обмякла и упала на землю. Я закрыла глаза, но будто наяву видела, что тут происходило: группу армян отвели к берегу реки и, прежде чем бросить в воду, изрубили ножами и саблями, в противном случае их трупы не смогли бы окрасить воду в реке на протяжении нескольких миль.

Эфенди упрекнул меня:

– Христиане знают, что их Бог не может спасти их от смерти. Это то, чего они заслуживают. Почему же ты плачешь теперь, моя маленькая, когда уже решила принять исламскую веру?

Я не смогла посмотреть в его глаза, но почему-то чувствовала, что в них мелькает тень ужасной улыбки.

Собравшись с силами, я решительно ответила:

– Мне непривычно видеть кровь, эфенди.

Мы двинулись дальше по берегу реки, выглядывая группу людей, идущих с юга. Берега поднимались все выше, и русло сужалось, пока вода не стала полностью цвета крови. Потом я узнала, что 700 мужчин и юношей из Ерзника жандармы привели к берегу и зарезали. Заптии били их кинжалами и бросали в реку. И эти воды были частью библейского Евфрата, который берет начало в Эдемском саду!

Кемаль верхом на коне медленно двигался по высокому берегу. Я шла рядом. Река внизу, казалось, звала меня, обещая надежную защиту. Скоро Кемалю надоест кормить меня пустыми обещаниями спасти мою семью. И я вынуждена буду принести жертву, которая окажется напрасной. Дождавшись, когда мы подойдем к самому краю обрыва, я прыгнула в воду. Вслед мне неслись проклятия Кемалья. всплыв на поверхность красной воды, я подняла голову и увидела его сидящим в седле на вершине скалы, он смотрел прямо на меня. Я была рада, что не вижу его улыбку.

Плывать я умела с малых лет. И сейчас, неосознанно повернув к противоположному берегу, благополучно добралась до него. На той стороне спуск к воде был не таким крутым. Скоро я почувствовала себя свободной. Видимо, Кемаль не имел при себе оружия, иначе он выстрелил бы в меня. Не оглядываясь, я побежала в сторону равнины. Не зная, пошлет Кемаль кого-нибудь за мной или нет, я закопалась в песок таким образом, чтобы остаться незамеченной курдскими всадниками или жандармами, проходящими мимо. В таком положении я оставалась до тех пор, пока не увидела на другой стороне реки длинную колонну армян, которые вышли из Чмшкацага и сейчас приближались к берегу.

Я пролежала в своем укрытии остаток дня и всю ночь, пока караван стоял лагерем у переправы. Только на следующее утро, когда люди переходили реку вброд, в поднявшейся суматохе я смогла смешаться с ними. Мама так обрадовалась, что долго не могла вымолвить ни слова. Потом она рассказала, что Кемаль-эфенди подъехал к колонне и потребовал от начальника жандармов разыскать моих близких и наказать их за мой побег. Мама подкупила солдат, и они сказали, что моих родных в этой группе депортируемых нет.

После трудного перехода реки людям не дали отдохнуть, а заставили сразу двигаться вперед, в сторону Арабкира. Силы Овнана, Мар-

тироса, Арусак и Сары были на исходе. Маленькие ножки потрескались и начали кровоточить, и мама с Лусинэ обмотали их тряпками. Среди переселенцев больше не было грудных младенцев: перед переправой заптии приказали матерям бросить самых маленьких детей на берегу. Покормив малышей, женщины уложили их рядышком друг с другом и оставили навсегда.

Солдаты уверяли, что мусульманки из ближайших селений заберут детей и будут ухаживать за ними. Прошло несколько часов, нам хорошо было видно то место, где матери оставили младенцев, но никто так и не пришел за ними. Некоторые из матерей, поняв, что обещание солдат – очередная хитрость, бросились в реку, чтобы плыть обратно. Их расстреляли прямо в воде. После этого нам не разрешали подходить к реке, даже чтобы попить.

К вечеру этого дня мы дошли до караван-сарая, или постоянного двора, каковых много расположено на дорогах Малой Азии, они с давних времен служили местами стоянок караванов. Нам сказали, что можно отдохнуть там оставшуюся часть дня и ночь, но когда мы подошли к зданию, оттуда вышла группа солдат, которые остановили нас. Они преградили нам путь и пояснили нашим конвоирам, что постоянный двор занят путешественниками, которые следуют на север, в Шапин-Гараисар, большой город недалеко от Трапезунда, на берегу Черного моря.

Вскоре мы узнали, что собой представляли эти путешественники. Оказалось, что это «перевернутые» армяне, как турки называют христиан-вероотступников. Они были из города Кебан-Мадена, находившегося в тридцати милях к югу. Их компания прибыла в караван-сарай утром, пройдя накануне двадцать миль пути.

Жандармы, сопровождавшие наш караван, и солдаты, пришедшие из Кебан-Мадена, быстро подружились. Они запретили нам подходить к караван-сарая, и мы удивлялись, почему нам нельзя видаться с «перевернутыми» христианами.

Вскоре из дома выползла одна худенькая, тоненькая девушка и, оставшись незамеченной, на четвереньках добралась до нашего лагеря. Она была обнажена, ее ноги от побоев и ран посинели и кровоточили.

Она рассказала нам, что была новобрачной и отреклась от веры вместе со своим молодым мужем. Мутасариф Кебан-Мадена обещал,

что сохранит жизнь всем армянам города, если они примут ислам, и более четырехсот человек, в большинстве своем молодые пары, пошли на этот шаг. Тогда им сказали, что они должны отправиться в Шапин-Гарайсар. Как только люди вышли из города, солдаты ограбили их, забрав все мало-мальски ценные вещи. После этого большинство солдат вернулись в Кебан-Маден, чтобы поучаствовать в разграблении опустевших домов армян. А оставшиеся связали своих пленников группами по пять человек и пешком вели до этого места. В первую ночь пути солдаты раздели всех женщин и заставили их идти до постоялого двора обнаженными.

— Ужасающие вещи происходили в эту ночь, — продолжала свою историю девушка. — Почти все женщины были изнасилованы, а их мужья оставались связанными и не могли помешать зверствам, которые творились на их глазах. От бессилия они кричали, и солдаты убивали их.

Юная новобрачная пришла к нам попросить какие-нибудь вещи, чтобы прикрыть свою наготу. Многие из наших женщин дали ей нижнее белье и другую одежду, и она поползла к постоялому двору, взяв с собой столько платьев для себя и других, сколько смогла унести.

Они не знали, что ждет их дальше. Солдатам, которые обещали им спокойную жизнь в Шапин-Гарайсаре, они больше не верили. Девушка говорила, что их конвоиры роптали на необходимость шагать до самого Шапин-Гарайсара лишь потому, что вели вероотступников.

В эту ночь были похищены и уведены на постоялый двор более десятка девочек в возрасте 8-10 лет. Мы не узнали, что с ними стало, но, боюсь, они были предназначены для продажи в мусульманские семьи, богатым туркам. Моя мама спала, потому что силы ее были на исходе. А мы с Лусинэ по очереди охраняли наших сестер и братьев, накрывая их землей и лохмотьями, чтобы они остались незамеченными рыскающими недалеко от нас солдатами.

Перед рассветом армян вывели из караван-сарая. На следующий день после нескольких часов пути мы увидели на обочине дороги длинные ряды трупов — это были «перевернутые» армяне с постоялого двора. Немного позже мы дошли до одного колодца, доверху набитого мертвыми телами голых женщин, которые переселялись в Шапин-Гарайсар. Заптии убили всю группу и бросили своих жертв в источник, чтобы идущие следом депортируемые не смогли использовать воду.

ГЛАВА V

КАК ОРУДОВАЛИ ЖАНДАРМЫ

Мы столпились у колодца, с ужасом заглядывая в него, и я вдруг услышала слова женщины, стоявшей сбоку от меня:

— Бог сошел с ума, Бог нас покинул!

Я обернулась и увидела жену преподобного Маркара, священника из Чмшкацага. Когда вырезали всех мужчин нашего города, на ее руках остались большая брюшным тифом мать и трое детей: грудной младенец, трехлетняя девочка и пятилетний мальчик. Жена священника умоляла, чтобы ей позволили остаться и ухаживать за своей матерью, но турки отказали ей в этом. Они заставили пожилую женщину встать с постели и отправляться в дорогу вместе с остальными. Она скончалась в первый же день.

В начале пути жена священника держалась очень мужественно. Но на второй или третий день умер ее сын, а младенца конвоиры заставили бросить у переправы через реку. И сейчас она держала на руках большую маленькую дочь, последнего своего ребенка. Когда мы проходили мимо трупов армян из караван-сарая, лежащих вдоль дороги, жена преподобного внезапно потеряла рассудок.

— Бог сошел с ума, я вам говорю — сошел с ума! — теперь она повторила это громко и начала в безумии бегать между людьми, выкрикивая ужасные слова. Какая-то женщина пыталась остановить ее и взять из рук обезумевшей ребенка, но мать отчаянно сопротивлялась и еще сильнее прижимала девочку к груди.

Я слышала, что некоторые болезни, такие, например, как чума, стремительно передаются от больного человека здоровому. Так и безумие жены священника передалось другим: казалось, буквально через минуту этот ужасный крик подхватили десятки, сотни женщин, чей рассудок отказывался понимать, почему им приходится страдать и терпеть ужасные мучения от турок.

Безумие захватило в основном матерей маленьких детей. Некоторые из них бросили своих малышек на землю и с криком устремились к пустыне. Другие испуганно метались с детьми на руках, близкие пытались успокоить их, но тщетно.

Думаю, что более двухсот женщин поддались этому внезапному по-

рыву, порожденному обезумевшей вдовой священника.

Заптии, ведущие караван, сначала не поняли, что происходит. Полагая, что имеет место мятеж, они напали на нас, размахивая направо и налево шашками и винтовками, даже стреляли. Многие погибли или получили смертельные ранения, прежде чем жандармы сообразили, в чем дело. Тогда они развеселились и стали смеяться.

– Смотрите, – хохотали они, – вот что такое ваш Бог: он сумасшедший.

Мы могли лишь опустить головы и позволить им насмеяться над нами. Некоторые из женщин пришли в себя и сожалели о случившемся. А тех, к которым разум так и не вернулся, жандармы загнали в пустыню, обрекая на голодную смерть. Заптии не убивали сумасшедших, их религия этого не позволяла.

Нам сказали, что нас ведут в Арабкир, однако после привала повели в другую сторону. Похоже было, что мы направляемся к Гасан-Челеби, небольшому городку южнее Арабкира. Конвоиры не давали нам никаких точных сведений.

Жандармы выстроили нас узкой шеренгой, одну или две семьи в ряд. Сколько хватало глаза – и вперед, и назад тянулась колонна уставших людей. Воды было очень мало, а заптии не разрешали подходить к родникам и рекам, заставляя покупать ее у курдских крестьян, которые приходили из ближних деревень. Иногда курды требовали за стакан воды одну лиру (около пяти американских долларов). Для ее покупки мы посылали мальчиков, которые с равным успехом могли получить как воду, так и побои. Те из нас, у кого были средства, помогали неимущим. Иногда местные жители, получив деньги, опрокидывали посуду, выливая воду на землю.

После недели в дороге с нами начали обращаться еще хуже, чем в первые дни. Когда старухи или больные женщины начинали отстаивать, их убивали одну за другой. Солдаты говорили, что им некогда возиться с этой обузой. Если же отставали или для короткой передышки выходили из шеренги дети, жандармы штыками поднимали их и отбрасывали в сторону, а иногда старались снова поймать тело на штык. Матери, видевшие, как конвоиры для забавы убивают их малышей, не могли даже протестовать. Мы уже знали по опыту: любая жалоба – это самоубийство. И они вынуждены были смотреть и страдать или закрывать глаза, чтобы не видеть, как умирают их дети.

Нашей семье в этом смысле очень повезло, поскольку никто из наших малышей не заболел. Хотя Овнану было всего шесть лет, он, казалось, понимал, что происходит.

Мою самую младшую тетю Гехануш, которая шла вместе с нами, потащил в сторону от дороги один из жандармов. Она сопротивлялась, и заптий страшно избил ее. Изнасиловав жертву, он воткнул нож ей в грудь и в таком виде, стонущую от страха и боли, приволок обратно к нам. Мне казалось, что я никогда не была в большем отчаянии, чем когда ухаживала за ней, пытаясь облегчить ее боль.

Слухи о погромах и депортации дошли еще не до всех селений, через которые мы проходили, поскольку они находились вдали от больших дорог. Мы встретили одно из таких армянских сел, где как раз в это время женщины занимались стиркой в специально отведенном для этого месте – полуодетые, что было обычно для турецкой деревни. Наши конвоиры окружили этих женщин и погнали в караван. Затем солдаты собрали мужчин, не понимавших, почему их оскорбляют и унижают, пока мы им не объяснили, что происходит. В то время как мы отдыхали на обочине, солдаты разграбили все дома и подожгли село.

Теперь мы находились в той части страны, где было много турецких и курдских поселений. По вечерам мы собирались в большой круг, пряча в его середине, подальше от глаз жандармов, всех молодых девушек. Но каждый день заптии насильно уводили молодых женщин в ближайшие деревни для продажи туркам, а с наступлением темноты выбирали самых привлекательных женщин и насиловали их.

В ночь после нападения на армянское село, когда мы только разбили лагерь, начальник жандармов приказал всем местным мужчинам явиться к его палатке, установленной невдалеке, будто бы желая познакомиться с ними, как пояснили солдаты. Мы надеялись, что эти мужчины останутся с нами. Их было 72 человека, и одно их присутствие давало ощущение относительной безопасности. Но мы предчувствовали, что означал этот приказ. Сами мужчины и их жены тоже все понимали.

Каждый попрощался с женой и детьми, матерью и остальными родственниками.

Палатка офицера в свете луны была похожа на белое пятно. Вокруг нее копошились солдаты и жандармы. Женщины цеплялись за мужей

так долго, сколько хватало духу, затем мужчины уходили дальше, собравшись маленькими группами. Конвоиры не разрешили бы нам следовать за ними. Мы смотрели им вслед, надеясь на чудо.

Вскоре там поднялся переполох. До нас эхом докатились крики. Человеческие тени бежали в сторону пустыни, одни из них догоняли другие. Назад вернулись только преследователи. После этого все затихло. Все арабские мужчины были убиты.

Офицеры разбили палатки впервые. Мы были удивлены, так как обычно после оргий с нашими девушками они спали прямо под открытым небом. С того дня мы тряслись от страха еще сильнее. Если солдаты ставили палатку на ночь.

После резни мужчин участвовавшие в ней солдаты вернулись в лагерь и вместе с теми, кто оставался сторожить нас, обошли всех и забрали женщин из богатого сословия, приказав им идти к палатке. Солдаты сказали, что офицер желает поговорить с ними. Они увели маму и многих женщин, которые были нашими родственницами или соседками — всего более двухсот человек. Вместе с мамой забрали и ее сестру Мариам, муж которой был состоятельным человеком.

Как только женщины подошли к палатке, офицер объявил, что их пригласили сдать ему имеющиеся у них деньги «на хранение от курдов». Женщины прекрасно понимали, что деньги им больше не вернут, а без них придется туго. И отказались сдавать, говоря, что у них ничего нет. Услышав это, заштыли набросились на них, разорвали одежду и обыскали.

Одну из женщин, сестру богача Каранета Туфельджияна, которая перед самой депортацией приехала из Сиваса погостить в наш город, жестоко избили, и она созналась, что у нее спрятаны деньги. Женщины умоляли солдат прекратить издевательства, говорили, что отдадут им все. Но они хохотали, придя в восторг от ее признания, и сами наши спрятанные деньги, безжалостно разрезав ножами все вещи.

Таким же образом солдаты обыскали остальных женщин.

Тетя Мариам скоро должна была стать матерью. Когда солдаты заметили это, они повалили ее на землю и штыками разорвали платье, по невежеству предполагая, что там спрятано много денег. Их разочарование было так велико, что они с удвоенной силой напали на других женщин.

Из двух сотен человек, подвергшихся этим зверствам, в живых

осталась лишь горстка. Когда они приползли в лагерь, в объятия своих родных, то кричали и рыдали так, что лишились голоса. Бедная моя мама отдала все деньги, что были у нее при себе, но ничего не сказала про те, что прятали остальные члены семьи. Она истекала кровью от множества ран и, как только добралась до нас и увидела, что мы с Лусинэ кинулись к ней, потеряла сознание. Мы донесли ее до места ночевки и промыли раны остатками питьевой воды, которую берегли как зеницу ока.

Солдаты и жандармы, поделив между собой похищенные у нас деньги, снова пришли к нам, чтобы выбрать молодых женщин для офицеров. Лунный свет был так ярок, что никто не мог спрятать свое лицо. Пока я ухаживала за мамой, Лусинэ сидела с детьми, стараясь успокоить их. Один из жандармов схватил ее за волосы и рывком поставил на ноги.

— Оставьте меня, моя мама умирает, пощадите! — закричала Лусинэ. Но жандарм был безжалостен. Он потащил ее за собой. Я не могла сдержаться, как сумасшедшая кинулась к Лусинэ и вцепилась в нее, умоляя жандарма отпустить ее. Сестра тоже сопротивлялась. Жандарм озверел, с проклятиями вынул нож и вонзил его Лусинэ прямо в сердце. Потом он отшвырнул окровавленное оружие, и его лезвие прошло так близко от меня, что оцарапало мне щеку; этот шрам я ношу до сих пор. Лусинэ умерла на моих руках, а внимание жандарма привлекла другая девушка, не замеченная им раньше.

Мама от горьких страданий и боли была совсем обессилена. Она ничего не заметила и пока не знала о случившемся. Но мои маленькие Арусяк и Овнан видели все и подбежали ко мне — окаменевшей, с безжизненным телом Лусинэ на руках. Опустив ее на землю, я подумала, как найти силы рассказать об этом маме.

Женщина, устроившаяся рядом с нами, взяла на себя заботу о моей матери. Другую я попросила присмотреть за детьми, а сама вернулась к телу моей сестры. Я не могла заставить себя поверить в происходящее и начала на пальцах считать: отец, мать, Погос, Лусинэ, Арусяк, Сара, Мартирос, Овнан и две мои тети. Вместе со мной получилось одиннадцать — одиннадцать человек в семье! А потом стала пересчитывать тех, кто ушел: отец, Погос, тетя Мариам и теперь вот Лусинэ — четверых уже нет!

Я долго оплакивала Лусинэ. Потом подумала, что должна что-то

делать. Я боялась, что внезапное потрясение может убить маму, поэтому хотела подготовить ее к этому удару. С помощью нескольких женщин мы отнесли тело сестры далеко в сторону от лагеря и похоронили в могиле, вырытой нашими руками: это была просто неглубокая яма в песке. Из палочек, найденных в результате долгих поисков, я сделала маленький крестик и вложила его в руки Лусинэ.

Утром маме с огромным трудом удалось подняться, встать на ноги и идти. Несколько крепких молодых женщин предложили нести ее на себе хоть весь день, если бы ей было тяжело ходить. Но мать настаивала, чтобы ей позволили двигаться самостоятельно, опираясь на мое плечо.

Когда мы начали готовиться к мучительному переходу, мама спросила о Лусинэ. Я попыталась заверить ее, что сестра где-то в последних рядах, помогает одной больной женщине. Но мама читала в моих глазах, она поняла, что я говорю неправду.

– Не бойся, моя маленькая Аврора, – с нежностью сказала мама, – не бойся, скажи мне, что бы ни случилось... ее украли, да?

– Они хотели украсть Лусинэ, но... – проговорила я и умолкла.

Мама снова помогла мне:

– Они убили ее? Она умерла? Если так, то это еще лучше, моя Аврора.

И тогда, осмелев, я рассказала ей, что последним словом сестры была благодарность Богу за освобождение.

Днем мы увидели жандарма, который убил Лусинэ. Даже маленькая Арусяк указала на него:

– Вон тот человек, который убил мою сестру, – вскрикнула малышка и заплакала. Мама закрыла ладонями глаза, чтобы не смотреть на него.

Все мы страшлись того, что ждет нас в Гасан-Челеби. Некоторые из молодых женщин, которые ночью побывали в офицерской палатке, рассказали, что во время оргии офицеры проговорились им об ожидаемом приезде в Гасан-Челеби высокопоставленных беев из Сиваса, и что этот визит каким-то образом касается нашей дальнейшей судьбы. Мы боялись, что это должно было означать пленение всех наших девушек.

Когда перед нами появился город, молодые женщины задрожали от страха, многие из них падали на землю под тяжестью страданий, бу-

дучи не в состоянии идти дальше. Солдаты ударами кнутов заставляли их подниматься и продолжать путь, пока мы не добрались до центра города. Сотни женщин были полностью обнажены, в том числе те, которых раздели и побили из-за денег. Жандармы запрещали им прикрывать чем-нибудь свою наготу и будто бы получали особое удовольствие следить за тем, чтобы эти несчастные не могли получить одежду от других. Голых и босых женщин с опущенными от стыда головами вели по улицам Гасан-Челеби, между тем как столпившийся у окон и на улицах турецкий сброд осыпал их насмешками.

Прибывшие из Сиваса чиновники пришли на площадь, чтобы посмотреть на нас. В их числе были Муамер-паша, безжалостный правитель Сиваса, со своим адъютантом Махиром-эфенди, а также его главный палач Черкес Кёр-Кязим, который руководил массовым убийством шести тысяч армян-христиан в ущелье Чамли-Беле, недалеко от Сиваса. Также там находились начальник жандармов и хаким, или судья. Двое из присутствующих, Муамер-паша и его палач, прославились своей исключительной жестокостью по отношению к христианам.

Турецкие чиновники были окружены плотным кольцом солдат, чтобы никто не мог приблизиться к ним. После обхода наших рядов мудир¹ вместе с полицией отобрали всех мальчиков старше восьми лет. Полицейские говорили, что мэр отправит детей в школу при монастыре, в то время как матери будут находиться где-то поблизости, чтобы всегда иметь возможность навещать их. Конечно, мы знали, что это ложь.

Я очень беспокоилась из-за Мартироса, но он был невысокий, и его не взяли. Всего отобрали около пятисот мальчиков в возрасте от 8 до 15 лет. Сначала ребят повели к дворцу мэра, но затем свернули в сторону, и дети начали кричать и звать матерей. Долго мы слышали их печальные голоса. Позже, когда мы дошли до Арабкира, другие переселенцы рассказали, что все наши мальчики были убиты, как только пересекли холмы в долине недалеко от Гасан-Челеби. Солдаты связали их группами по десять-пятнадцать человек, после чего рубили шашками и кололи штыками. Депортированные, которые следовали той же дорогой из Сиваса, видели тела убитых детей на обочине.

¹ Глава района, села (здесь и далее – прим. переводчика).

Прежде чем нас отправили из Гасан-Челеби, Черкес Кёр-Кязим снова прошел по нашим рядам вместе с группой жандармов и выбрал дюжину совсем юных девочек, в основном в возрасте 8-12 лет. Солдаты сказали, что палач вскоре должен отправиться в Константинополь и желает захватить их с собой для продажи богатым знатым туркам, среди которых существовал обычай покупать красивых девушек в таком малом возрасте, чтобы растить в гаремах как мусульманок до совершеннолетия, а затем дарить их своим сыновьям или влиятельным друзьям.

Недалеко от Гасан-Челеби, который мы покинули в тот же день, к нам присоединилась большая группа депортированных из Сиваса, численностью в 3000 человек. Их тоже должны были гнать в сторону Арабкира, и они стояли лагерем за городом, ожидая нас. Среди них находились двадцать сестер милосердия, некоторые из которых были европейками. По приказу каймакама¹ их забрали в полночь, прямо из постелей. Турецкие солдаты ворвались к ним, и, не дав одеться, вывели в том виде, в котором те спали: босиком и в ночных рубашках.

После выхода из Сиваса они смогли раздобыть кое-какую одежду, но не обувь, и ноги их были сбиты в кровь. Сестры милосердия, благородные и утонченные девушки, получили образование в американских и европейских школах. Они надеялись избежать депортации благодаря некоторым послаблениям, предоставленным их монастырю султаном, но местные власти проигнорировали это. Вместо уважения, которое должна была внушать святая обитель, к монахиням применялись худшие издевательства. Они рассказывали, что каждую ночь солдаты и запяты выводили их из группы депортируемых и насиловали. Сестры просили смерти, но даже в этом им отказали. Две из них, сестры Сара и Эстер, прибывшие из Америки, покончили с собой. У них не было никакого оружия – только собственные руки, и смерть их была мучительна и ужасна.

Среди депортируемых из Сиваса были и мужчины. В этом городе проживало 25000 армян, и всем им было объявлено о выселении. Группа, присоединившаяся к нам, была первой из тех, которым предстояла высылка из Сиваса. Вдоль дороги они видели горы трупов: весть об изгнанниках из других городов.

¹ Наместник губернатора, управляющий округом в Османской империи.

Когда мы дошли до Арабкира, нам приказали разбить лагерь на окраине города. Там уже находились жители множества деревень, расположенных между Арабкиром и Сивасом. Некоторые из них пока еще были вместе со своими сыновьями и мужьями. Другие рассказывали, как их мужчин убивали по дороге.

Такая же участь ожидала и арабкирских армян. Партию жителей города из 8000, если не больше, человек разместили недалеко от нас. Они провели здесь уже пять дней, не имея никаких сведений о том, что происходит у них дома.

Из Сиваса был прислан специальный чиновник, чтобы проследить за депортацией арабкирцев. С ним прибыла группа жандармов. Тут же находился и Халил-бей, крупный военачальник, который в сопровождении своего штаба следовал в Константинополь, где должен был принять командование армией.

В центре города стояло огромное здание, в котором располагались процветающие армянские магазины. На верхних этажах его размещались просторные помещения, служившие для организации собраний. Этот дом был известен как Гасап-Хана – «бойня», – однажды в нем собрали и зарезали всех видных горожан. И когда, вскоре после прибытия ответственного за депортацию чиновника, аскеры вызвали всех депортированных из Сиваса мужчин на встречу с ним в Гасап-Хана, люди испугались идти, но турки заверили их, что теперь никакие эксцессы невозможны, поскольку здесь присутствуют представители высшей власти. Две тысячи мужчин отправились туда и были убиты сразу по прибытии. Солдаты прятались внизу и, как только армяне собрались на втором этаже, закрыли двери и приступили к зверским убийствам. Тех, кто выпрыгивал в окна, поджидавшие внизу аскеры ловили на штыки.

Вечером того же дня трупы вынесли из дома на улицу. Тела убитых все еще лежали там и на следующее утро, когда чиновник велел привести девушек, посещавших христианские колледжи и школы Сиваса и армянского городка в его окрестностях, Кочесара. Таких набралось около двух сотен: все в возрасте 15-20 лет, все из хороших армянских семей. Солдаты сказали, что чиновник велел отправить их в миссионерскую школу на побережье, дескать, там они будут в безопасности.

Девушек повели в Гасап-Хана. Тогда-то мы и узнали впервые о том, что случилось накануне с мужчинами. В нескольких шагах от ожи-

давших встречи девушек, прямо на улице, лежали груды мертвых тел.

Чиновник принял их в одном из помещений второго этажа, стены и пол в котором были окрашены кровью. Турок потребовал отречься от Христа и принять Аллаха. Лишь немногие согласились, и их немедленно увели, но куда, я не узнала. Остальных задержали в той комнате. Как только чиновник и его сотрудники покинули здание, солдаты ворвались в это помещение и принялись делить девушек между собой. Целый день и целую ночь все новые солдаты шли и шли в этот дом. Почти все девушки погибли. Оставшихся в живых заперли и увели отсюда после того, как поток солдат иссяк.

ГЛАВА VI

ДЕВУШКИ ДЛЯ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ГАРЕМА

Депортированных из нашего города поместили в лагерь за пределами Арабкира. На третий день холмы вокруг внезапно побелели от столпившихся там курдов Агджа Дага. Они дождались вечера и в темноте набросились на нашу стоянку. Сотни курдов в надежде найти деньги обыскивали нас, после чего начали отбирать молодых женщин и девушек.

Увидев приблизившуюся группу курдов, я постаралась спрятать лицо, но было слишком поздно. В числе десятка других девушек меня верхом повезли по долинам и холмам в сторону пустыни. Здесь нас раздели, лишив остатков одежды. Длинными хлыстами они стегали девушек, которые кричали или сопротивлялись — били, пока их плоть не окрасилась в темно-красный цвет от струившейся крови. Сердце мое было переполнено горем и мыслями о моей бедной израненной матери. Я уже не могла плакать, и у меня не было достаточно сил, чтобы бороться с ними, когда они стали требовать свою ужасную дань — ту, что турки и курды обычно брали со своих пленниц.

Когда курды устали издеваться над нами, они связали нас, по-прежнему обнаженных, со своими лошадьми: наши руки были скручены за спиной, а ноги опутаны длинной веревкой, другой конец которой крепился к лошадиной шее. Они оставили нас в таком положении, уверенные, что ни мы, ни животные не сможем убежать.

Приехав в Америку, где жизнь так отличается от того, что происходит в моей стране, я часто задаюсь вопросом: может ли кто-то из тех добрых людей, которых я встречаю здесь повсюду, вообразить муки, испытанные мною в ту ночь, когда я лежала при свете луны с крепко скрученными руками, а мои ноги были привязаны к шее беспокойного животного.

Кажется, тут, на этой земле, так мало трагедий, так мало настоящих страданий. Я свободна уже несколько месяцев, но мне до сих пор не верится, что существует эта страна, где людей не наказывают за веру в Бога.

На рассвете курды пришли отвязать лошадей. Должна отметить, что даже самый кровожадный курд всегда накормит своего пленника.

Курд ограбит, будет грубо обращаться со своими жертвами, особенно женщинами-христианками, но он не отнимет и не украдет их пищу. А если пленный не имеет еды, то даже разделит с ним свою. Курды похожи на несведущих детей, а не на турок, и почти на все злодеяния этих пустынных разбойников толкают их турецкие наставники.

Когда мы поели хлеба и напились воды, курды посадили нас на лошадей, и мы поскакали на север. Девушек было больше, чем курдов, поэтому нас часто перемещали с одного коня на другого, чтобы распределить двойную ношу между животными.

Мы не знали, куда нас везут и зачем. Через несколько часов езды я оказалась под присмотром другого курда, который – то ли потому, что обладал добрым нравом, то ли просто любил поговорить – ответил на мои настойчивые расспросы. Он сказал, что один высокопоставленный турецкий паша, который прибыл из Константинополя в расположенный на севере город Акн, особенно интересовался армянскими девушками. По словам курда, этот паша даже платил деньги за то, чтобы получить здоровых и привлекательных молодых христианок.

Акн стоит на берегу реки Карасу. Из трех больших северных городов – Ерзнка, Шапин-Гарайсара и Никсара – тысячи депортированных армян привели в Акн. Здесь были дислоцированы особые подразделения солдат, контролировавшие массовые убийства христиан. На окрестных холмах и в долинах за пределами города открыто лежали груды трупов. Мы проходили мимо длинных рвов, вырытых освобожденными специально для этой цели из турецких тюрем заключенными: в них виднелись наспех погребенные тела армян. Заключенные так торопились завершить работу, за которую им обещали свободу, что руки и ноги мужчин и женщин торчали из песка, которым порой они были просто присыпаны.

Здесь проживало много зажиточных армянских семей. Город был местом встречи торговых караванов из Самсуна, Трапезунда и Марзвана. Отсюда, отдохнув, они направлялись в Харберд и Диарбекир. Долгие годы живущие здесь турки и армяне были добрыми соседями. И когда поступили первые распоряжения о депортации и погромах, армянки Акна поспешили к своим приятельницам – женам турецких богачей и беев, прося о заступничестве. В те дни в больнице города находился американский миссионер, служивший переводчиком в американском посольстве в Константинополе. Он получил разрешение

каймакама обратиться по телеграфу к американскому послу, господину Г. Моргентау, с просьбой помочь христианам Акна.

Тогда же богатые армянки передали свои ювелирные украшения, серебряную посуду и другие ценности женам турецких чиновников в обмен на обещание, что турки не причинят им вреда, пока не придет ответ из Константинополя.

Американский посол получил заверения министра внутренних дел Талаат-бея и военного министра Энвера-паши, что армянскую общину Акна не будут беспокоить, и люди могут оставаться в своих домах. Эта весть обрадовала христианские семьи города. Через несколько дней до Акна добрались двигавшиеся на юг первые армянские изгнанники, жители западных деревень. Они прошли трехдневный путь и были жестоко измучены своими конвоирами. Их девушки были похищены, а молодые женщины служили развлечением для жандармов. Они умирали от голода и жажды, но турки не давали им ни хлеба, ни воды.

Сердца армян Акна сжимались от боли и жалости к переселенцам, но они боялись им помочь. На ночь лагерь для депортируемых разбили прямо в центре города. Заптии и солдаты так разнузданно вели себя с женщинами, что всю ночь крики заставляли местных жителей содрогаться и усилили их сострадание. Армянский священник, не выдержав, отправился утром на площадь с хлебом, водой и молитвой. Именно такого повода ждал каймакам!

Он отправил за священником солдат. Также им были вызваны двадцать армянских бизнесменов. Как только отцы города прибыли на место, солдаты накинулись на священника и начали его пытать. Святому отцу выдирали волосы, клещами выкручивали пальцы рук и ног – излюбленная турками пытка – и спрашивали при этом: «Ты им советовал сопротивляться, не так ли? Разве не ты спрятал оружие в хлебе, который дал им?»

Священник кричал, отвергая эти обвинения.

Двадцать мужчин стояли, выстроившись в ряд, в одной стороне комнаты, а солдаты, согласно задуманному плану каймакама, находились на некотором расстоянии от них. Когда крики священника затихли и сменились стонами, армяне не выдержали и кинулись к мучителям – не с целью нападения, а взывая о милосердии к святому человеку. Солдаты ждали этого: они набросились на армян и всех пере-

били.

Каймакам сообщил в Константинополь, что далее не представляется возможным исполнять министерский приказ, то есть разрешить армянам оставаться в Акне, так как те взбунтовались и напали на солдат, и он вынужден был убить два десятка мятежников. Талаат-бей прислал ему на это телеграммой свой знаменитый ответ, который и сейчас будто выжжен в сердце каждого армянина – где бы тот ни находился, каждый услышал слова Талаат-бея:

– Что бы вы ни делали с христианами – это забавно.

После этого ответа Талаата каймакам своим распоряжением дал армянам два часа на подготовку к депортации. Женщины окружили его служащих, возмущаясь: «Мы отдали свои драгоценности вашим женам, передали им для вас много лир, и за это вы обещали защитить нас. И мы не сделали ничего, чтобы злоупотребить вашим доверием, наши мужчины не нападали на солдат».

Но чиновники лишь небрежно отмахнулись от них: «Мы бы в любом случае завладели вашими деньгами и драгоценностями», – отвечали они.

Через два часа все армяне города были в сборе. Солдаты прошли между ними, отбирая молодых женщин. Их увели за город, в христианский монастырь, в котором воспитывались некоторые армянские девушки.

У армян были повозки, запряженные ослами и лошадьми. Мэр заявил, что депортированные могут путешествовать с ними. Солдаты крепко связали по пять женщин друг с другом и бросили их в повозки кучей, как дрова. Ослов и лошадей угнали, а мужчин впрягли в телеги, на которых грузом лежали их женщины. Разговаривать с плачущими женщинами их мужьям, братьям и сыновьям конвоиры не разрешали.

Спустя час после выезда из города солдаты убили всех мужчин, а женщин развязали и начали насиловать. После многочасовых истязаний убили и их.

Каймакам послал своих людей в монастырь, где были заперты молодые женщины. С ними отправились турецкие врачи, чтобы обследовать пленниц и выбрать из них здоровых и сильных. Турки потребовали встать раздельно девицам и замужним. Молодым женщинам сказали, что они отправятся в Константинополь и будут проданы как наложницы или для деревенской работы. А девушкам объявили, что

они могут сохранить себе жизнь, если отрекутся от своей веры и примут мусульманство. Некоторые были так подавлены, что согласились. Имам произнес вместе с ними клятву верности исламу, и новообращенных отправили в неизвестность: стать чьими-то женами – в лучшем случае.

Одна необыкновенно красивая девушка, дочь видного армянина, депутата от округа в турецком парламенте, привлекла внимание одного из чиновников. Он сказал ей: «Твой отец, твоя мать, твой брат и две твои сестры убиты. Убиты твои тети и дяди, убит твой дед. Я хочу избавить тебя от тех страданий, которые испытали они, а также от неизвестности, которая ждет этих девушек. Послушай меня, стань хорошей турецкой девушкой, и я введу тебя – не наложницей, а женой – в свой дом, где ты будешь жить долго и счастливо».

Ответ, данный девушкой, крепко впечатался в память тех, кто его слышал, турки пересказывали его другим, пока эта история не стала достоянием всей округи. Она спокойно посмотрела в глаза турецкого чиновника и произнесла: «Мой отец не умер, моя мама не умерла, мой брат и сестры, мои тети и дяди, мой дедушка не умерли. Верно лишь то, что вы убили их, но они живут на Небесах. И я буду жить там с ними. Я стану недостойной моих родных, если не буду верна им и моему Богу. Я не смогу попасть на Небеса, к своим близким, если выйду замуж за человека, которого не люблю. Богу это не понравится. Делайте со мной, что хотите».

Солдаты увели девушку. Никто не узнал, что стало с ней дальше. Остальных, отказавшихся отречься от своей веры, передали солдатам для продажи богачам и беям. Таким образом, из христиан Акна никого не осталось в живых, кроме горстки девушек, попавших в турецкие гаремы. А это было хуже смерти.

Когда курды привезли меня и других, украденных одновременно со мной, девушек в Акн, они направились к центру города. Мы умоляли их избавить нас от встреч с турками на улицах, так как были раздеты. Но они не обратили внимания на наши просьбы и привезли во двор большого дома, который, я думаю, был правительственным зданием. Там мы встретили сотни других молодых армянок, похищенных во время депортаций из районов Ерзнка и Сиваса. Мы нашли их в плачевном состоянии. Некоторые находились в том месте уже несколько дней. Многие, как и мы, были обнажены. А несколько девушек сошли

с ума и бредили. Все ожидали встречи с пашой, который приехал в Акн накануне вечером.

Скоро мы узнали, что это тот самый зловецкий Кямиль-паша из Константинополя. Конечно, теперь он был очень стар, ему должно было быть не меньше восьмидесяти лет, но ходил он прямо и твердо. Много лет назад, будучи губернатором Алеппо, он снискал сомнительную славу, став известным всему миру благодаря жестокому обращению с христианами. Говорили, что именно он организовал резню армян в 1895 году, и был отстранен от должности только по требованию Англии. Однако после отставки, в знак благодарности за его услуги, он тут же получил высокий пост в Константинополе.

Вместе с Кямилем-пашой прибыл и Бухар-эд-Дин Шакир-бей, который, как я потом узнала, был эмиссаром Талаат-бея и Энвера-паши.

Из Константинополя Кямиль-паша привел с собой целый полк, который встал лагерем на окраине города. Это подразделение позднее стало известно как Гасап-Табур — «мясницкий батальон», — за участие в массовом убийстве более чем пятидесяти тысяч армян по приказу Кямяля-паши.

Кямиль-паша и Бухар-эд-Дин Шакир-бей пришли в здание, возле которого мы находились. Они расположились в большой комнате за столом. Нас вводили туда группами по двадцать человек. Даже полностью раздетых женщин заставляли стоять лицом к столу, выстроившись в ряд.

Паша и бей беззастенчиво разглядывали нас. То, что происходило в той комнате с нашей группой, повторилось и со всеми остальными.

— Его Величество Султан по доброте сердца желает быть милостивым к вам, девушкам вероломной Армении, — сказал Бухар-эд-Дин Шакир, а Кямиль молча следил за нами, — вы были выбраны из множества, как достойные благословения и жалости Его Величества. Вы отправитесь в большие исламские города, где будете находиться под императорской заботой и защитой в специально учрежденных школах. Там вы научитесь вещам, которые необходимо узнать для вашего блага, и забудете учение неверных. С вами будут достойно обращаться и выдадут вас замуж, если представится такая возможность, в хорошие мусульманские семьи, где единственным мерилем отношения к вам станет ваше поведение.

Такими были его слова — я пытаюсь вспомнить их как можно точ-

нее. Ни одна девушка не ответила ему. Мы знали, насколько ненадежны обещания турок, а еще мы понимали, что подразумевалось под этим предложением: вероотступничество.

— Те из вас, кто желают стать мусульманками, должны выразить свою волю, — продолжал бей.

Хоть я не могла понять, но также не могла и обвинять тех девушек, которые сдались тогда. Паша и бей больше ничего не говорили, они просто смотрели холодными, сверкающими глазами и молча ждали. Напряжение стало невыносимым. Почти половина пленниц, опустившись на колени или упав на руки более сильных девушек, закричали, что они согласны.

Бухар-эд-Дин Шакир махнул рукой солдатам, и те отвели девушек в другую комнату. О них мы больше ничего не слышали. Кямиль по-прежнему молчал и холодно смотрел на тех, кто отказался от предложения. Бей тоже не произнес больше ни слова, лишь снова поднял руку, после чего солдаты начали безжалостно избивать нас длинными тяжелыми кнутами.

Мы не выдержали ударов и попадали на пол. Солдаты хлестали нас размеренными, неторопливыми взмахами — я чувствую их и сейчас, эти точные, обжигающие резкие удары кнута, которые турки обрушивали на пленниц, забивая их до смерти. Одна девушка взмолилась о пощаде и выкрикнула имя Аллаха. Ее унесли в другую комнату. Еще одна уже не могла выговорить ни слова. Она протянула руки в сторону паши и бея, принимая удары кнутов ладонями и запястьями, пока они не заметили, что она уступает им. Ее тоже унесли. Остальные падали в обморок, но их снова приводили в чувство удары, которые невозможно было остановить.

Дважды я теряла сознание, во второй раз придя в себя уже тогда, когда избивание закончилось, и тех девушек, что остались верны своей религии, вытащили во двор.

Когда я впервые вошла в этот двор, там было, думаю, более 400 молодых женщин. Теперь же рядом со мной осталось не больше 25 человек, остальных вынудили отречься от веры. Никто не может сказать, что стало с ними. Говорили, будто Кямиль и Бухар-эд-Дин Шакир отправили больше тысячи армянских девушек в поместье Кямяля на Босфоре, где за ними ухаживали, пока их здоровье и красота не восстановились, а души окончательно не погибли. А затем их раздали бо-

гатым беям, политическим соратникам Кямиля, Бухар-эд-Дина Шакира и Джевет-бея из Вана.

Во дворе нас продержали четыре дня почти без пищи, давали лишь кусок сухого хлеба. Три женщины скончались от ран. Часто турки – мужчины и женщины – приходили во двор посмотреть и поглумиться над нами. Турецких мальчишек подучивали бросать в нас камни.

На четвертый день в сопровождении заптиев мы покинули двор, чтобы присоединиться к партии женщин и детей, прибывших ночью из Байбурта. Все женщины в этой группе, в которой насчитывалось более тысячи человек, были среднего возраста или очень пожилые, а дети – маленькие. Девушек и молодых женщин отделили от них, когда люди дошли до Акна, чтобы их судьбой распорядились Кямиль-паша и Бухар-эд-Дин Шакир-бей. Взрослых мальчиков украли черкесы. Почти не осталось и грудных младенцев: они либо умерли, потеряв матерей, либо были убиты турецкими солдатами.

После семи часов ходьбы нашей группе велели остановиться и ожидать прибытия больших партий изгнанников из Сиваса и Ерзнка, которые должны были встретиться тут и двинуться в сторону Диарбекира.

Оба эти каравана депортированных должны были пройти через ущелье Дивриг, недалеко от того места, где мы ждали их. Переселенцы из Ерзнка так и не дошли до нас: в ущелье на них напал Гасап-Табур и перерезал всех до одного – более четырех тысяч человек. Как только с ними было покончено, в ущелье вошла колонна из Сиваса.

Солдаты Гасап-Табура так утомились от скорой кровавой расправы с армянами из Ерзнка, что убийство прибывших из Сиваса, которых насчитывалось больше одиннадцати тысяч мужчин, женщин и детей, они превратили в развлечение.

Часть полка притаилась за изгибом ущелья Дивриг. Когда шедшие впереди каравана переселенцы заметили строй солдат, их охватила паника. Не обращая внимания на конвой, армяне обратились в бегство, но встретили другую часть войска, устроившую засаду позади них, а теперь отрезавшую путь к отступлению.

Поскольку люди Гасап-Табура с двух сторон перекрыли дорогу, тысячи женщин с детьми и младенцами на руках карабкались вверх по скалам, образующим узкое ущелье. Мужчины, оказав им в этом возможную помощь, остались на тропе и попытались бороться, с голыми

ДЛИННАЯ ВЕРЕНИЦА ЛЮДЕЙ, КОТОРАЯ БЫСТРО РЕДЕЛА
Одна из самых потрясающих фотографий депортации армян. Вереница христиан на пути депортации через равнины Мамурет-уль-Азиза. Их сопровождают жандармы

СТРАНСТВИЯ АВРОРЫ

Черной линией помечен маршрут, по которому юная Мартиканян прошла 1400 миль за два года

В ОЖИДАНИИ

Армяне в одном из процветающих городов, собравшиеся перед зданием правительства по приказу властей. Они ожидали ссылки, но были зарезаны недалеко от города

ДОРОГА ТЕРРОРА

Покинувшие свои дома армяне на пути в пустыню. На переднем плане заптий, который украл у депортируемых ковры

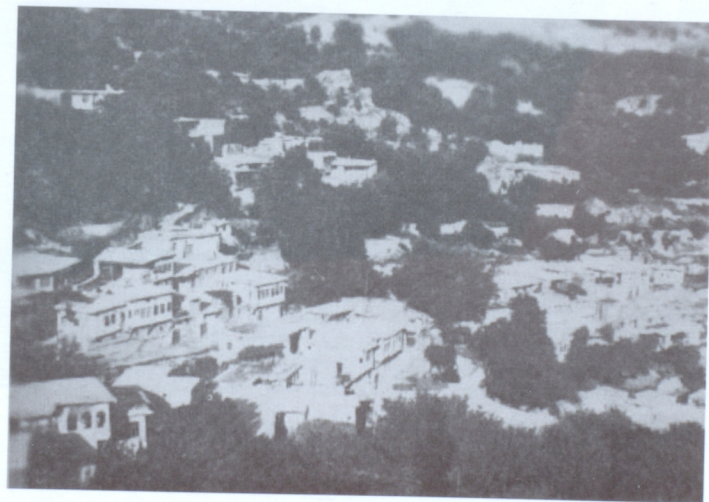

ОБОЧИНЫ ДОРОГИ ОТЧАЯНИЯ

Первыми умирали дети, затем родители, дяди и тети. Скорбящие родители пеленали детей в простыни, взятые с собой, а сами ложились рядом в ожидании мучительной смерти. Это была обычная картина в пустынях и на песчаных дорогах, по которым проходили депортируемые

*Районы Агарак и Шеврет деревни Чмикацаг,
Западная Армения*

*Район Чухур деревни Чмикацаг,
Западная Армения*

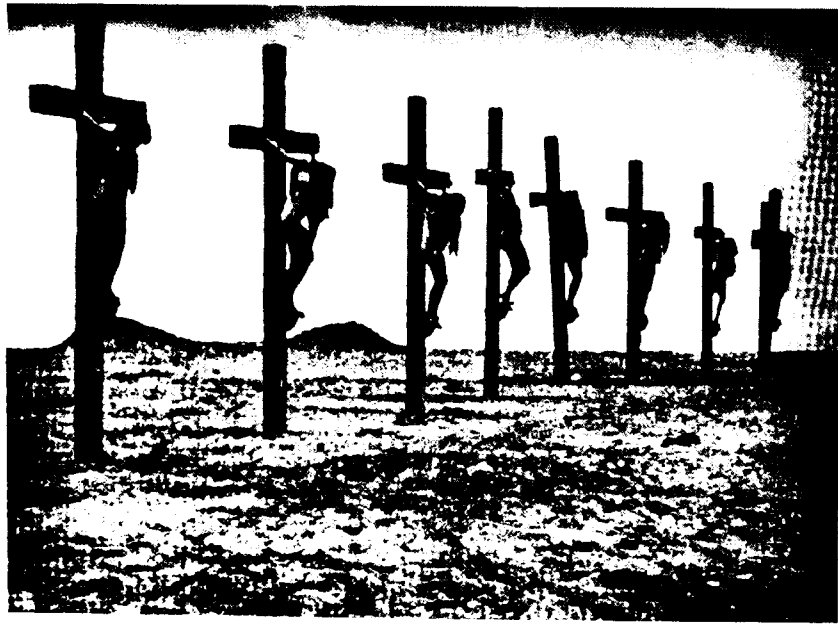
Семья Мартикянов, в деревне Чмикацаг,
Западная Армения, 1906 г.

Аврора Мартикянян, 1929 г.

Кадр резни из утерянной части фильма

Кадр распятия из фильма

руками и палками выступив против вооруженных солдат.

Запуганные, которые сопровождали депортируемых, окружили подножия скал, не давая женщинам возможности спуститься. А Гасап-Табур уничтожал мужчин, пока там не осталось никого, кто мог ему противостать. Некоторые мужчины, спасая свою жизнь, притворились мертвыми, прикрывшись трупами своих товарищей.

Затем некоторые солдаты поднялись на скалы, где прятались женщины. Они вырывали из рук матерей детей и бросали их вниз, своим товарищам, которые пытались ловить тела своими штыками. Когда все младенцы и маленькие девочки были уничтожены таким чудовищным способом, солдаты некоторое время забавлялись тем, что заставляли женщин прыгать со скал, подталкивая их штыками или наставив на них дула ружей, пока те в отчаянии и поисках спасения не бросались вниз. Когда женщины скатывались к подножию скал, поджидавшие там солдаты били их камнями или держали штыки таким образом, чтобы несчастные напарывались на них. Многих, поднявшихся на ноги после падения, солдаты вынуждали вновь подниматься на скалы и еще раз бросаться вниз на штыки.

Так полк Гасап-Табур развлекался до наступления темноты. Солдатам было приказано заночевать в селе Чар-Рахья, которое находилось в трех часах пути от ущелья. Поэтому, как только стемнело, уставшие от варварских забав убийцы собрались и строем удалились, распевая песни; некоторые несли на штыках мертвых младенцев, другие тащили подмышкой детей постарше – очень довольные такими сувенирами. Солдаты вытащили из-под трупов уцелевшую девушку и заставили идти с ними в сторону казарм Чар-Рахья, на неизбежное поругание.

Лишь триста человек из одиннадцати тысяч выжили и были в состоянии передвигаться, подгоняемые ударами кнутов жандармов. Они присоединились к нам на нашей стоянке.

ГЛАВА VII

МАЛАТИЯ – ГОРОД СМЕРТИ

Через семь дней после резни у Дивригского ущелья те из нас, кто пережили зверства жандармов, увидели перед собой минареты Малатии, одного из накопительных пунктов для сотен тысяч депортированных армян, чьим последним пристанищем должна была стать сирийская пустыня. Когда показались устремленные ввысь минареты, я почувствовала всплеск надежды: а вдруг группа, в которой была моя мама, тоже прибыла сюда, и мне удастся разыскать ее.

Приближаясь к городу, мы шли тем путем, по которому перед нами уже прошло бесчисленное множество армян. Вдоль дороги, будто в насмешку над Святым Распятием и в качестве предупреждения христианам, добравшимся до Малатии, турки распяли шестнадцать девушек на грубо сколоченных деревянных крестах. Я не знаю, как долго там провисели их тела, но стервятники уже кружили над головами.

Девушек распяли живыми, огромными гвоздями прибив ноги и руки к крестам. Их обнаженные тела были прикрыты лишь собственными волосами, которые развеивал ветер.

– Смотрите, – сказали наши стражи с большим удовлетворением, – смотрите, что случится с вами в Малатии, если не будете покорными.

Вблизи Малатии и в самом городе скопилось более 20000 переселенцев, ожидавших отправки. Курды малочисленными отрядами, возглавляемыми каждый своим главарем, расположились в окрестностях города, где подстерегали армян и грабили их. В некотором отдалении, среди холмов, перемещались арабы – они сбивались в шайки и по ночам нападали на христиан, угоняя здоровых сильных женщин и девушек для работы на полях. Турецкие беи и богачи вместе с почтенными пашами выезжали навстречу каждой приближавшейся к городу группе изгнанников, пытаясь похотливыми глазами разглядеть что-нибудь сквозь покрывала, которыми девушки завешивали свои лица, скрывая молодость и привлекательность.

Из Сиваса, Токата, Акна, Ерзнка, Гиресуна, Самсуна и других больших и малых северных городов, где веками жили армяне, всех их выселили и пригнали в Малатию. Реки этого края обогрились кровью; долины, где остались непогребенными тысячи тел, превратились в ог-

ромные могилы под открытым небом; горные перевалы были забиты мертвыми; каждый богатый турок между Черным морем и рекой Тигром, имеющий гарем, получил одну, нескольких или даже множество новых наложниц – армянок, похищенных для них на дороге, ведущей в этот город.

Часто я задаюсь вопросом, что знают об армянах добрые американские люди. Порой мне кажется, американцы думают о нас, как об отсталых кочевниках. Но в действительности мы иные. Армяне были среди первых обращенных в христианство. Это благородная нация, а ее литература древнее, чем у любого другого народа в мире.

Среди армян немногие занимаются крестьянским трудом; почти все они – крупные и мелкие торговцы, купцы, экономисты, капиталисты и преподаватели. Только в моем городе насчитывалось более двух десятков предпринимателей и учителей, которые обучались в американских колледжах. Сотни посещали известные европейские университеты. Лично я свое образование получила в американском колледже Марзвана и занимаясь с частными преподавателями. Между армян было много очень состоятельных людей. Среди турок же мало кому везло в этом отношении так, как крупным армянским купцам.

Из тех двадцати тысяч христиан, которых согнали в Малатию, заполнив ими лагеря за пределами города, городские площади и выделенные турками для этой цели здания, думаю, гораздо больше половины принадлежали к состоятельным семьям – девушки, получившие образование в Европе или в миссионерских колледжах Марзвана, Сиваса, Харберда, или во французских, английских, американских, швейцарских школах в своих родных городах. Эти девушки обучались литературе, музыке, искусству.

Я хочу рассказать о том, что случилось у Малатии с группой девушек-школьниц. Эту историю мне поведала одна из них.

В Кирк-Гёзе, маленьком городке недалеко от Малатии, была немецкая школа, в которую со всего района отправлялись учиться юные армянки. В школе существовало правило, согласно которому из денег, заплаченных за обучение богатых школьниц, оплачивались расходы на образование девочек из бедных семей. Когда начались армянские погромы, в школе было более шестидесяти учениц. И, поскольку она была под немецким попечительством, девушки считали, что находятся в безопасности, их родители также были уверены, что дочери – под

надежной защитой. Однако каймакам Азиз-бей отправил за девушками солдат, чтобы привести их в Малатию для переселения или чего-то худшего. Директор школы, госпожа Рот, отказалась открыть ворота. Она заявила, что Эймен-эфенди, немецкий консульский агент в этом округе, потребует возмещения ущерба в случае покушения на ее учениц.

На следующий день госпожа Рот, пожилая немка, лично отправилась в Малатию проконсультиться с Эйменом-эфенди. Последний объяснил мадам Рот, что Турция – союзник Германии, и, поскольку Турция объявила армян неблагонадежными, Германия обязана поддерживать султана. Следовательно, по его словам, учениц необходимо было выдать солдатам.

Итак, солдаты увели девушек. Им разрешили передвигаться на ослах, купленных для них в городе преподавателями. Они направились на запад, в сторону Мезре, где, как обещали власти, о девушках позаботятся в монастыре дервишей.

Тогда госпожа Рот пришла к Азиз-бею и сама заступилась за девушек. Она сказала Азиз-бею, что ей стыдно быть немкой, когда Эймен-эфенди позволяет, чтобы подобное злодеяние вершилось с согласия Германии. Она предложила Азиз-бею отдать ему все свое имущество, все деньги, что были у нее с собой в Кирк-Гёзе, если он вернет девушек и позволит ей быть рядом с ними. Госпожа Рот была очень богата. У нее было более тысячи лир и драгоценности, стоившие еще дороже. Азиз-бей принял эту взятку и отправил ее в сопровождении солдат за девушками.

Два дня спустя госпожа Рот и ее спутники подошли к переправе через реку Тохму, у небольшого села Кёмурхан. На равнине виднелись следы, которые указывали на то, что разыскиваемая ими группа недавно прошла этим путем. Вдруг на дороге появилась и как безумная помчалась в их сторону раздетая, вопящая от ужаса девушка. Когда она подбежала к госпоже Рот и узнала ее, то громко закричала: «Учитель, учитель, спасите меня! Спасите меня!»

Марта – так звали эту девушку из богатой зейтунской семьи – бросилась на землю к ногам преподавательницы и крепко обхватила их. «Спасите меня, спасите меня!» – повторяла она. Госпожа Рот заставила ее выпить несколько капель бренди из бутылки, которую она принесла с собой, и попыталась успокоить девушку. Но тут к ним при-

близилась два заптия из конвоя, который сопровождал учениц. Когда Марта увидела их, от ужаса она потеряла сознание. Жандармы попытались унести ее обмякшее тело, но госпожа Рот воспрепятствовала этому. Ее спутники уговорили жандармов оставить девушку и удалиться. Когда немка опустилась на колени перед Мартой, та была уже мертва. Отметины на ее теле, бесчисленные синяки и раны, выдраные волосы свидетельствовали о том, что девушка сражалась за свое спасение.

Госпожа Рот поспешила вперед. Со стороны реки доносились крики. Подойдя к берегу, она увидела двух сидящих на песке жандармов, которые заостренными концами палок кололи плечи девушки, закопанной по локти в землю. То была любимая забава заптиев этой местности: они велели девушке вести себя смирно, а та сопротивлялась, и чтобы наказать за это и сломить ее дух, девушку закапывали в землю и пытали. Она кричала от боли и страха, что сильно забавляло заптиев. Жандармы по своему желанию выкапывали девушку из земли и закапывали снова. Именно от такой пытки бежала Марта.

По приказу госпожи Рот ее спутники освободили девушку. Немка оставила спасенную под присмотром трех солдат, а сама решила перебраться через реку. Она ясно слышала крики, доносившиеся с противоположного берега. Внезапно заптии, управлявшие плотом, разразились громким хохотом. Гребцы поменяли направление плота, чтобы избежать столкновения с двумя плывущими навстречу трупами, которые и стали причиной их веселья. Госпожа Рот увидела, что это тела двух ее девушек спускаются вниз по реке – оттуда, откуда доносились крики.

– Смотрите, смотрите туда, – закричал один из смеющихся жандармов, указывая рукой в сторону трупов, – вот еще двое, о которых забыл их Христос.

Выйдя на берег, госпожа Рот нашла всех своих учениц, которые остались в живых – семнадцать человек из более чем шести десятков. Они уцелели лишь потому, что были не слишком привлекательны по сравнению с другими, а заптии устали убивать. Немка увела всех назад и разместила в Малатии, на чем настоял каймакам. Когда я покидала город, они продолжали жить там – в постоянном страхе, что их опять увезут.

Те, кто были знакомы с мадам Рот, рассказывали, что она отказалась

принять Эймена-эфенди, когда он посетил ее и оставшихся в живых девушек. Говорили, что она отправила ему письмо, в котором сообщила, что больше не немка и не просит никакой защиты, кроме той, которую возможно купить за золотые лиры, а их могут прислать ее родные.

Все открытые площадки и каждый пустующий дом были заполнены армянскими изгнанниками – голодными, со стертymi ногами, умирающими без пищи и воды. Когда мы пришли в город, у нас осталось не больше десяти буханок хлеба. Проходя мимо колодцев, мы просили у турок воды, но они в ответ лишь плевали нам в лицо, а если рядом были солдаты, турки требовали отогнать нас подальше. Каждый день тысячи армян выводились из Малатии, и каждый день тысячи других прибывали туда с севера.

В городе никто не интересовался вновь прибывающими и не заботился о них. Некоторых людей из нашей группы наконец-то определили в одно большое здание, которое раньше служило казармой, но там уже нашли приют тысячи христиан. Мы лишь изредка осмеливались выходить на улицу, потому что там собирались турецкие мальчишки, курды и арабы, которые бросали в нас камни и палки, а в случае встречи с молодой девушкой, вроде меня, хватали ее, затаскивали в турецкие лавки или заброшенные дома, и там насиловали.

На второй день нашего пребывания в Малатии я больше не могла сидеть сложа руки и отправилась на поиски мамы, в надежде, что она и другие армяне Чмшкацага могут быть среди согнанных туда людей. Вечером я вышла на улицы города, бродила из одной стороны в другую, искала там, где было много ссыльных. Нигде не видела я знакомых лиц, принадлежавших людям из моего родного города.

Когда настало утро, я не смогла найти дорогу к дому, в котором мы остановились. На равнине светает быстро, и очень скоро наступил яркий день, а я находилась в той части города, где совсем не было переселенцев.

Улицы в Малатии очень узкие, и там практически нет переулков. Мои босые ноги утомились от ночной ходьбы по булыжным мостовым и тротуарам. Я чувствовала себя такой уставшей, будто была намного старше своих четырнадцати лет. Мне было понятно, что если жандармы или солдаты обнаружат меня на свободе, то очень скоро я окажусь в одном из этих турецких домов, где пропаду навсегда. И я

притаилась в небольшом проходе между зданиями.

Вдруг я осознала, что прижимаюсь к стене дома, над которым развевается американский флаг. Чувство облегчения обрушилось на меня: американский флаг – великолепное зрелище для армянских глаз! На протяжении многих лет он нес моему народу надежду на мир и счастье. Мы так много слышали о той замечательной стране, которую он представлял. Армения всегда думала о Соединенных Штатах как о друге, готовом ей помочь в любую минуту.

Когда улица совсем обезлюдела, я вышла из своего убежища и направилась к входу в здание. Постучала в дверь, и тут на улице появились турки. Это были горожане, а не солдаты, но они закричали и побежали в мою сторону, видимо, распознав во мне армянку по обноскам, которыми я прикрывала свое тело.

Я вскрикнула и толкнула дверь. Она распахнулась, и я упала в объятия женщины, поспешившей впустить меня. Я была слишком напугана, чтобы объясняться. Турки уже стояли на пороге. И я думала, что сейчас меня уведут. Один из них протиснулся в дверь, за ним последовали остальные, они уже протянули ко мне свои руки.

Женщина – она не была турчанкой – шагнула вперед и встала между мной и турками.

– Что вам нужно, зачем вы здесь? – спросила она по-турецки.

– Девушка – вот что нам нужно. Она сбежала, – ответили они.

Я была потрясена, когда женщина не позволила забрать меня. Она заявила туркам, что у них нет на это полномочий. Когда мужчины двинулись на нас, пытаясь взять свое силой, она заслонила меня и велела им иметь в виду, что я – ее гостя. Один из турок сказал:

– Эта девушка – армянка, она сбежала из своего лагеря, хотя не имеет права свободно разгуливать по городу. Каймакам приказал гражданам задерживать всех христиан, которые вышли за пределы кварталов, отведенных им для отдыха перед дальнейшей дорогой.

– Приказы вашего каймака не имеют ко мне никакого отношения. Девушку я беру под свою защиту. Вы не посмеете тронуть меня, американку, – сказала моя новая покровительница.

Турки удалились, недовольно ворча и угрожая отомстить.

Молодая женщина сказала, что ее зовут мисс Мак-Лейн, она американская миссионерка. А дом принадлежал американскому консулу в Малатии, который повез свою заболевшую жену в Харберд. Мисс

Мак-Лейн в дни отсутствия консула подняла над крышей здания американский флаг. Она пыталась уговорить турецких чиновников быть менее жестокими к переселенцам, но практически ничего не смогла сделать. Мисс Мак-Лейн была воспитанницей американского миссионера доктора Кларенса Ашера, хирурга из Нью-Йорка, и его жены миссис Ашер. Супруги были известны по всей Армении благодаря своей заботе о нашем народе во время резни в Ване. Миссис Ашер потеряла в Ване свою жизнь.

В тот же день, чуть позже, в дом консула пришел отряд солдат, направленный каймакомом, и потребовал, чтобы мисс Мак-Лейн выдала меня. Она снова отказала. Солдаты заявили, что у них есть приказ взять меня силой. Мисс Мак-Лейн попросила их проводить ее к каймакаму, чтобы она могла ходатайствовать за меня. На это солдаты согласились, и я осталась в доме одна.

Мисс Мак-Лейн возвратилась в слезах. Вместе с ней вернулись и солдаты. Каймакам распорядился, чтобы меня присоединили к ссыльным, но разрешил поместить в здание, в котором поселили большую партию принявших мусульманство женщин с детьми. Эта группа, по словам каймакама, будет в безопасности до прибытия на место, отведенное ей властями.

Увы, мисс Мак-Лейн больше ничего не могла сделать. Она поцеловала меня, и в сопровождении солдат я отправилась в дом, в котором содержались вероотступницы со своими детьми.

Почти все эти новообращенные женщины были армянками из небольших городов между Сивасом и Малатией. Никто из них не отрекался от христианства искренне, и они полагали, что поступили правильно, как матери, желавшие спасти своих маленьких детей. Они не знали, что их ожидает, но беи заверили, что государство позаботится о них.

Эту группу переселенцев турки кормили: давали хлеб, воду и грубые лепешки. Нам не разрешали выходить из дома, но и нас никто не беспокоил. Скоро мне представился случай убедиться, что каймакам действительно обеспечил мне определенную защиту, позволив присоединиться к этим женщинам.

В некоторых группах переселенцев, ожидающих высылки из Малатии, оставались мужчины. Однажды солдаты собрали их вместе, сообщив, что градоначальник желает всех зарегистрировать, чтобы

наделить их землей, когда они достигнут места назначения на юге. Солдаты говорили все это так серьезно, что мужчины поверили им. Многие отправились даже без верхней одежды. Их повели в то здание, куда меня поместили в первый день, и из которого накануне вечером вывезли всех других переселенцев.

Таким образом там было собрано почти 3000 мужчин. Некоторые солдаты расположились на посту снаружи здания, у дверей и окон. В это время их товарищи грабили мужчин внутри, отнимая деньги и ценные вещи – все то, что удалось спасти в дороге от курдов, – после чего армян начали убивать. Когда гора трупов стала настолько высокой, что солдаты не могли добраться до выживших, не завязнув в крови, они пустили в ход ружья и расстреляли оставшихся.

В тот вечер солдаты прошли по всем лагерям и собрали детей в возрасте старше пяти лет. Думаю, что таких набралось восемь или девять тысяч. Солдаты пришли даже в дом, где находились мы с «перевернутыми» армянками, и, вопреки обещаниям каймакама, увели всех наших мальчиков и девочек. Когда матери, вцепившись в своих малышей, просили не уводить детей, солдаты избивали их. «Если они умрут сейчас, вашему Богу не будет нужды заботиться о них, пока они растут», – говорили солдаты и отвратительно хохотали.

Детей они увели на окраину города, где их поджидала банда курдских разбойников из Агджа Дага. Солдаты отдали детей курдам, которые погнали тех, как стадо овец, в сторону реки Тохмы, протекавшей недалеко от города. Достигнув берега, всех мальчиков бросили в воду. Девочек увели в турецкие города, чтобы растить как мусульманок.

ГЛАВА VIII

В ГАРЕМЕ ХАДЖИ ГАФУРА

После резни мужчин всем переселенцам, ожидающим высылки из Малатии, приказали готовиться к дороге. Мы собрались за городом ранним утром – только женщины и дети, да изредка можно было встретить среди них старика. Турки сказали, что мы отправимся в Диарбекир: сто миль пути через всю страну. Мало кто надеялся выжить на этом этапе, поскольку дорога была густо усеяна турецкими, черкесскими и курдскими деревнями, населенными самыми фанатичными мусульманами. Простые обитатели небольших поселений были более беспощадны к депортированным, чем солдаты. Некоторые зверства, причиненные этими фанатиками моему народу, настолько чудовищны, что не поддаются описанию.

Когда наш растянувшийся караван вышел из города, в нем насчитывалось около пятнадцати тысяч пожилых и молодых женщин. Мало у кого оставались личные вещи или продукты, однако многие сумели сохранить деньги, и готовы были делиться своими средствами с нищими. Именно деньги были единственной гарантией получить в дороге пищу и единственной надеждой избежать смерти от рук заплывов.

Группа вероотступниц, к которой мне разрешили присоединиться, двигалась в передних рядах каравана под особым надзором конвоиров. Другие группы тоже находились под присмотром жандармов, но их было немного: большинство заплывов из этих районов были призваны в Месопотамскую армию. Новообращенных, числом примерно двести человек, охраняли наилучшим образом, остальные же были практически во власти курдов и сельских жителей.

В эти последние дни июня стояла ужасная жара. Десятки пожилых женщин падали на землю, изнуренные зноем и жаждой – у нас была лишь та вода, которую удавалось выпросить у местных крестьян. Мать двух девушек из нашей группы, прошедшая сотни миль и дошедшая до Малатии, была избита за то, что начала отставать. Она рухнула на дорогу и больше не смогла подняться. Солдаты не позволили нам привести женщину в сознание. Ее дочери могли лишь на прощание поцеловать измученное лицо матери и уйти, оставив ее на обочине.

Одна из этих девушек была новобрачной – овдовевшей новобрачной. Она видела, как ее мужа и отца убивали в городе Кангале, по дороге из Сиваса, и когда курды также пытались убить ее мать потому, что та была очень стара, она умоляла турецкого офицера спасти пожилую женщину. Офицер спросил тогда, готова ли она ради сохранения жизни матери отречься от веры, и девушка согласилась – она сама и ее младшая сестра.

Теперь сестры шли, обнявшись, не смея даже оглянуться туда, где прямо на земле лежала их мать. Когда плач и стоны бедной женщины затихли вдаль, я подошла к девушкам и попросила позволить мне остаться с ними, я хорошо понимала, что они чувствуют. И подумала: а вдруг моя мама, мои маленькие братья и сестры еще живы? Один солдат в Малатии рассказал мне, что изгнанники из Чмшкацага несколько недель назад проходили через город и ушли туда же, куда должны были следовать и мы – к Диарбекиру.

– Возможно, – сказал он, – они все еще будут там, когда вы туда доберетесь... если вообще доберетесь.

Спустя несколько часов после выхода из города внезапно объявили привал. Мы забеспокоились: такие остановки всегда означали новые неприятности. И этот случай не стал исключением. Как только мы остановились, на нас напала толпа крестьян и принялась грабить.

Незадолго до захода солнца вдруг послышались громкие крики. Мы смотрели на восток, откуда на нас сквозь широкий проход между холмами неслась группа всадников. Это были курдские бандиты, мы уже различали их по тому, как они держались верхом. «Это Керим-бей, друг Джеббара! Лучше нам поскорее уносить ноги!», – закричали крестьяне, вскарабкались на холм и исчезли. По-видимому, они боялись, что главарь разбойников не одобрит разорение его потенциальных жертв.

Тот факт, что Керим-бей был другом Джеббара, объяснял появление его шайки. Джеббар-эфенди был военным комендантом округа, назначенный властями Константинополя для притеснения армян во время депортации. Его слово было законом, и этот закон всегда был жесток. А Керим-бей слыл одним из двух самых страшных курдских вождей – он и Муса-бей, они оба происходили из курдов Агджа Дага. Керим-бей и его разбойники господствовали в этом сельском краю и часто выступали против турок. Чтобы превратить их в союзников,

Джеббар-эфенди поручил курдам «позаботиться» о караванах армянских переселенцев, следующих из Малатии в сирийскую пустыню.

Сотни всадников влились в банду Керима. Они скакали издалека и слишком устали, чтобы продолжать путь при свете луны. Однако эта усталость оказалась недостаточной, чтобы помешать им тотчас же приступить к ночному кутежу, который мы с ужасом вспоминали потом еще много дней. Едва стреножив своих лошадей, курды ворвались в ряды каравана и начали собирать свою дань. Крики, мольбы о пощаде и стоны армянских матерей и сестер длились всю ночь.

Той ночью я видела такие страшные вещи, о которых не в состоянии рассказать и теперь. Иногда они являются мне во сне, и я просыпаюсь от своего крика – даже сейчас, когда нахожусь в безопасной Америке, мои ночи не стали мирными. Группа курдов так жестоко измывалась над одной девушкой, что стоящие рядом женщины обезумели и набросились на мужчин, чтобы избавить ее от дальнейших страданий. В одно мгновение курды были смяты разгневанной толпой, и освобожденная мученица поспешила прочь отсюда.

Когда курды пришли в себя, они достали свои длинные, острые ножи, бросились на отважных женщин и закололи их всех. Думаю, там погибло с полсотни человек. Курды свалили тела убитых в кучу и подожгли их одежду. Пока одни разжигали костер, другие искали несчастную, вырвавшуюся из их лап, но так и не смогли ее найти. Тогда, раздраженные неудачей, они схватили другую девушку, притащили к пылающим телам и бросили ее в пламя. Когда она пыталась убежать, ее снова хватили и бросали в огонь, пока она не сгорела.

Курды подошли к нашей группе. Солдаты, однако, не подпустили их к нам. «С остальными можете делать, что хотите, но эти находятся под защитой», – сказал турецкий офицер. Но сам он не захотел удовлетвориться только ролью зрителя в то время, как курды всюду развлекались.

Из палатки этого офицера пришли пять солдат, чтобы выбрать для своего командира девушку. Они срывали покрывала с лиц тех женщин, чьи фигуры выдавали их юный возраст. Солдаты схватили одну девушку из Деренды, городка в окрестностях Сиваса. Она была очень красива, но когда ее потащили к палатке, один из солдат узнал пленницу:

– Да ну! – проворчал он, – Эта уже не девственница, она больше

никому не нужна!

Они отбросили ее и продолжили поиски. Но теперь каждая девушка, которую они хватили, кричала: «Я тоже не девственница», – и каждая отталкивалась в сторону, как только заявляла, что уже обесчещена.

Вскоре солдаты поняли, что красивые девушки попросту обманывают их. Тогда они схватили трех пожилых женщин. Одну из них заставили встать на колени, а двое солдат держали ее голову запрокинутой назад, лицом к звездам. Еще один надавил пальцами на ее глаза и сказал:

– Если среди вас не отыщутся девицы, то по воле Аллаха я выдавлю глаза этой женщине.

Раздался душераздирающий крик. Девушка, моя ровесница, которую я давно заметила по светлым волосам, выделявшим ее среди других армянок, с воплем бросилась к его ногам:

– Моя мама, это моя мама! Пощадите ее, возьмите меня – я девственница!

Солдаты схватили девушку, громко хохоча и радуясь своему успеху. Она рванулась в их руках в сторону матери, которая упала на землю, когда солдаты отпустили ее.

– Мама, – заплакала девушка, – поцелуй меня, поцелуй меня.

Бедная женщина с трудом поднялась и протянула руки навстречу дочери, но глаза ее были повреждены, она не смогла разглядеть девушку. А та умоляла солдат разрешить ей подойти к матери.

– Я пойду с вами, я пойду добровольно, только позвольте поцеловать маму, – горестно просила девушка. Но солдаты поспешили со своей добычей прочь.

Несчастная мать стояла, опираясь на столпившихся вокруг женщин, которые пытались утешить ее. Потом вдруг она согнулась и рухнула на землю. Когда мы склонились к ней, она была уже мертва.

Мы сидели у тела матери до самого возвращения ее дочери – луна пересекла небосвод и, кажется, было уже за полночь. Девушка прятала от нас свое лицо, уткнувшись в материнскую шаль. Она просидела над трупом до самого утра, пока нам не пришла пора продолжить свой путь.

Не было ни одной ночи, в которую не происходило подобное.

Другие партии изгнанников, двигавшиеся тем же путем, не избегали нашей участи. Временами я насчитывала так много тел людей,

прошедших до нас, что сбивалась со счета. Они лежали вдоль обочин, куда их оттаскивали с дороги конвоиры – многие километры трупов.

На одиннадцатый день мы дошли до турецкого города Широ, где останавливались караваны, идущие в Дамаск, чтобы отдохнуть на большом постоялом дворе перед дорогой на юг. В последнее время караванов стало даже больше, чем раньше: теперь они доходили лишь до железной дороги и возвращались обратно. В Широ обитало много тех турок, которые наживались на торговцах, и тех, кто ушел на покой, оставив чиновничьи или финансовые посты в Константинополе. Это был небольшой городок – скорее даже поселение – богачей.

Мы остановились на окраине города. Ранним утром следующего дня к нам вышли турецкие офицеры. Керим-бей встретил их, и между ними состоялась короткая беседа, после которой курды начали отбирать самых красивых девушек. Они отрывали девушек от родных, и – кого волоком, кого на руках – тащили к конвоирам, которые принимали у них этот «груз». Все утро курды доставляли молодых женщин прибывшим из города офицерам, пока те не выбрали более сотни из них. Тогда вероотступницам было приказано присоединиться к этим плачущим девушкам, и нас всех повели в город.

Узкие улицы были заполнены турками и арабами. Они улюлюкали, свистели и показывали постыдные жесты, когда мы проходили мимо них. Среди вероотступниц было много пожилых женщин, чьи дочери приняли мусульманскую веру, чтобы спасти своих матерей. Сброд, углядев их, принялся жестоко насмехаться над ними. Внезапно горожане бросились на нас и, не встретив отпора конвоиров, схватили четырех пожилых женщин, раздели их догола и утащили куда-то на своих плечах, вопя от восторга. Мы так и не узнали, что случилось с этими несчастными. Я думаю, что толпа швыряла их в разные стороны, пока они не умерли.

Нас привели в дом, который, как мы вскоре узнали, был резиденцией Хаджи Гафура и одним из самых больших зданий города. Только правоверный мусульманин, совершивший паломничество в Мекку, может зваться «хаджи». А Хаджи Гафур считался очень набожным человеком.

В доме Хаджи Гафура нас привели в огромное помещение с голыми каменными стенами, в котором обычно содержат верблюдов и дромадеров.

Хаджи Гафур вошел к нам в сопровождении солдат. Вероотступниц согнали в угол помещения, где за нами присматривали курды. Хаджи Гафур приказал своим слугам отобрать самых красивых девушек и женщин. Меня тоже включили в эту группу, в которой оказалось человек тридцать. Нас вывели в другую комнату, поменьше, на другом этаже дома. Судьба тех, кто не пришелся Хаджи Гафуру по вкусу, осталась мне неизвестной. Кто-то из солдат сказал, что их присоединили к остальным депортируемым.

Нас отвели в хамам – турецкую баню – и принесли одежду для тех, чья совсем износилась и порвалась, или у кого ее практически не было. Турецкие женщины и темнокожие рабыни следили за нами, пока мы мылись, а потом ушли, заперев двери.

Через час послышались шаги. Открылась дверь, и вошел громадный черный раб, сопровождаемый несколькими другими неграми. Он позвал нас к выходу. От страха мы не смели что-либо спрашивать или противиться приказам, и последовали за рабом по залам и лестницам вверх, пока не вошли в просторный зал, устланный коврами, ярко освещенный лампами и свечами. Там, на диване, обложенные подушками, сидели Хаджи Гафур и другие турки, похожие на него: все средних лет или старше, все с недобрými лицами.

Тех из нас, кто был отобран из группы вероотступниц, поставили чуть в стороне, а к остальным обратился один из слуг:

– Хаджи Гафур, в чьем доме нашли вы убежище, желает дать вам возможность отблагодарить его за доброту, избавившую вас от опасностей, с которыми сталкивается ваш народ – покайтесь в вашем неверии и примите благодать ислама.

Турки одобрили эти слова восклицаниями. В ту же минуту в зал вошел хатиб в чалме, со служкой, который нес молитвенный коврик. За ним следовал темнокожий раб с кнутом из воловьей шкуры. Коврик был расстелен, хатиб ждал.

Турки указали на отшатнувшуюся от этого жеста девушку, и слуги вытащили ее.

– Что ты скажешь? – спросил офицер.

– Я принадлежу Христу, на Него уповаю, – ответила она.

Кнут негра опустился на ее плечи. Когда она взмолилась о пощаде, хатиб снял обувь, ступил на молитвенный коврик и повернулся лицом в сторону Мекки.

– Велик Аллах, нет Бога, кроме Аллаха, – монотонно зазвучал его голос.

Негр толкнул девушку на ковер. Он был готов ударить кнутом снова, если она не встанет на колени достаточно быстро. Девушка тоже повернула лицо в сторону Мекки, едва коснувшись коленями пола. Ее плоть была ранена и кровоточила. В ее сердце поселился страх перед этим кнутом. Избежать его можно было, лишь повторив свидетельство ислама: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк его».

Когда последняя из женщин произнесла эти кощунственные слова, хатиб сложил коврик и удалился. Хаджи Гафур, улыбаясь, велел нам всем снова встать перед его гостями.

Уже все из нас были вероотступницами, кроме меня: турки думали, что я приняла их веру раньше, иначе не смогла бы быть в той партии, с которой пришла в город. Закон и религия Хаджи Гафура позволяли теперь обращаться с нами так, как он пожелает. Они по очереди выбрали себе девушек по своему вкусу – сначала Хаджи Гафур, а затем все его гости. Как они определяли очередность выбора, я не знаю, но между ними была договоренность. Каждому турку досталось по пять-шесть девушек. Я оказалась среди тех, кто предназначался Хаджи Гафуру, он также выбрал и тех двух сестер, которые вынуждены были оставить свою умирающую мать на дороге.

Сестры весь день были очень тихи и молчаливы. С тех пор, как мы вошли в дом Хаджи Гафура, они практически не разговаривали ни с кем из нас. Они даже не плакали – потом я вспоминала, что в тот день их лица светились решимостью.

Девушек, отобранных для себя гостями Хаджи Гафура, развезли отдельными группами по домам тех, кто заявил свои права на их тела. Когда гости и их пленницы удалились, турок подозвал всех нас. Он заговорил с одной из девушек – это была старшая из сестер. Его слова внушали ужас. Он спросил ее тихо и вкрадчиво, готова ли она жить в его доме и принадлежать ему душой и телом, быть послушной и ласковой?

Девушка ответила, не раздумывая:

– Я отреклась от своего Бога, чтобы спасти мою мать, но это ничем не помогло нам. Ее лишили жизни. И я вернулась к Господу моему, и не предаю его снова.

Хаджи Гафур сделал знак рабу, который поднял девушку на руки и

унес из комнаты. Ее сестра до того стояла рядом с ней. Взгляд Хаджи Гафура упал на нее:

– А ты, моя маленькая? – спросил он так же ласково и негромко, как прежде. И повторил те же вопросы, с которыми обращался к старшей сестре. Девушка заговорила тихо – намного тише, чем первая, но так же твердо:

– Она моя сестра. Мы вместе с ней смотрели, как умирает наша мать, а теперь ты забрал ее. Можешь убить и меня тоже, я никогда не покорюсь тебе.

Теперь мы со страхом смотрели на Хаджи Гафура. Его глаза сузились и засверкали.

– Ты хорошо говоришь, моя маленькая, – сказал он с той же нежностью, будто обращался к любимой дочери, – может, мне стоит убить тебя в назидание другим моим малышам?

Негр с кнутом стоял рядом. Хаджи Гафур даже слова не произнес, лишь подал знак рукой. Двое других слуг выступили вперед и быстро раздели девушку. Кнут обрушился на обнаженное тело.

Я закрыла глаза, и потому не видела этого, но не могла спрятаться от того звука, с которым кнут врезался в плоть снова и снова, пока я не сбилась со счета. Даже когда девушка перестала кричать, когда замерли и ее стоны, кнут не останавливался. Внезапно я осознала, что удары прекратились. Открыв глаза, я увидела, как один из слуг поднимает ее тело с пола. Он держал девушку за талию, а руки и окровавленные ноги ее безвольно повисли. Она была мертва.

Больше ни в ком из нас не было подобного мужества. Мы обещали быть покорными Хаджи Гафуру. Нас вывели через другую дверь и повели в гаремлик, где передали на попечение ожидавшим женщинам.

ГЛАВА IX

НАПАДЕНИЕ НА МОНАСТЫРЬ

Все женщины гаремлика удалились, кроме трех, которые ожидали нашего появления. Они проводили нас по длинному и узкому коридору, освещенному только одной лампой, в отдельном крыле дома. Через занавешенные двери мы прошли мимо ряда небольших комнат с каменными полами, в которых спали женщины. Наконец подошли к деревянной двери, которую одна из наших проводниц открыла и пригласила нас внутрь. Другая зажгла тоненькую свечку.

Комната была пустая, без окон. Пол застелен коврами, на которых можно было спать, но не было ни подушек, ни покрывал. Женщины велели нам раздеться и забрали нашу одежду, как только мы выполнили указание. Не говоря больше ни слова, они оставили нас, забрав свечу и заперев за собой дверь.

Всю ту долгую ночь мы ждали, сами не понимая – чего. Мы боялись заснуть, даже если бы смогли.

Когда услышали слабые призывы к молитве с минаретов по соседству, то поняли, что наступило утро. Вскоре гаремлик уже был на ногах, а мы дрожали в ожидании той минуты, когда откроется дверь.

Наконец огромный негр широко распахнул ее, впустив в комнату дневной свет, льющий в окна других помещений женской части дома.

Одна из служанок, встретивших нас прошлой ночью, вошла следом за ним. Для каждой из нас женщина принесла домашнее платье, туфли и чулки. Одежда была очень простая, из сатина и льна. Несмотря на то, что мне хотелось чем-нибудь прикрыть свое тело, я не смогла скрыть отвращения к ненавистному турецкому наряду. Женщина заметила это, и ей показалось, что она поняла меня.

– У тебя будут красивые вещи – очень скоро, после обручения.

После обручения!

Когда мы оделись с помощью женщины, она велела нам следовать за негром.

– То, что вы сейчас увидите, в соответствии с пожеланием Хаджи Гафура должно послужить верным ориентиром для вашего поведения в гареме, – сказала она.

Раб провел нас в просторную общую комнату, где у окна сгрудились взволнованные женщины.

Негр выглянул в окно и дал нам знак подойти к нему. Окно выходило в широкий двор. Напротив было много маленьких окошек. Сначала я ничего не заметила, кроме мрачной каменной стены. Потом, подняв глаза вверх, к окну выше, я вскрикнула и отшатнулась.

Безжизненное тело старшей сестры избитой до смерти девушки – той, которую унесли, когда она бросила вызов Хаджи Гафуру – висело сейчас, привязанное за ноги веревкой к подоконнику. Руки ее, связанные за спиной, теперь отклонились в сторону от тела, а волосы свисали с раскачивающейся головы. Ее рот все еще закрывала повязка, которая должна была заглушать крики.

Одна из наших девушек – Лусабер, проплакавшая всю ночь – упала на колени и забилась в истерике. Раб поднял ее и заставил опять посмотреть в окно. Но когда он понял, что она в состоянии помешательства, уложил ее на кушетку, стоявшую в углу комнаты, и две маленькие темнокожие рабыни попытались успокоить девушку. Остальные женщины тоже столпились вокруг. Раб удалился вместе с той служанкой, которая сопровождала нас раньше.

Женщины гарема отнеслись к нам доброжелательно. Турчанки были старше вероотступниц. Двух жен Хаджи Гафура среди них не было, так как их жилища находились где-то в другом месте, а кем приходились ему остальные – наложницами или родственницами, – я не знала. Почти все молодые женщины были похищенными армянками. Они очень жалели нас.

Еду принесли в эту комнату, мы поели все вместе. Я решила, что постараюсь быть настолько мужественной, чтобы суметь молиться и не терять надежду на избавление от этого дома.

Все армянские девушки гарема в свое время прошли через те же испытания, что и мы накануне, в присутствии Хаджи Гафура. Их было восемь, все они в надежде спасти родных отказались от своей веры, чтобы по прибытии в Гейлик быть взятыми в дом Хаджи Гафура. Лишь одна из них знала, что случилось с ее семьей. Она видела, как на пути из Малатии убили ее мать, а курды увели сестру.

Четыре дня я оставалась в женской половине дома, Хаджи Гафур меня не вызывал. На третий день одна из «новеньких» девушек вернулась утром – молчаливая и смущенная, с опущенными глазами. В

этот же день рабы гарема сняли с нее простое домашнее платье и принесли взамен роскошные наряды. Это было свидетельство того, что она «обручена».

Нам не разрешали покидать гаремлик. Каждый вечер мы вынуждены были повторять мусульманские молитвы. Я научилась произносить их вслух, про себя переводя в слова христианской молитвы. Старшая служанка гарема, пожилая турчанка, была очень добра к нам. Она не упускала случая каждый день напоминать, что если мы хотим жить и быть счастливыми, то должны понравиться Хаджи Гафуру. Другие женщины говорили о девушках, попадавших в гарем, которые исчезали после «обручения» с хозяином. Когда они рассказывали нам эти истории, перед нашими глазами возникало тело, свешивающееся из окна напротив. Таковы были методы обучения покорности от Хаджи Гафура.

Нас больше не запирали в темной комнате без окон. Однажды в гаремлик пришла одна из жен Хаджи Гафура. Это была женщина средних лет, родом из Багдада. Думаю, когда-то она была очень красива, но казалась бесстрастной и бессердечной. Выстроив нас перед собой, она расспрашивала о перенесенных нами испытаниях. Она будто пыталась поймать нас в ловушку, уличить в неверности исламу.

В гареме была одна армянка из Берри. Село это находилось между моим родным городом и Харбердом. Вечерами она рассказывала о резне в своей деревне, и как турки пощадил ее, потому что она приняла исламскую веру, еще до прибытия в Малатию. Там ее похитили, сначала привели в дом одного бея, а потом с другими армянскими девушками отправили в Гейлик. В конце концов, привели во дворец к Хаджи Гафуру. Она прошла «обручение» и пользовалась более или менее добрым отношением со стороны турка.

Арусаяк Вардазарян – так звали эту юную девушку. Ее отец Оганес был богатым землевладельцем. Арусаяк получила образование в Константинополе. Когда она жила там, то познакомилась с американцем из Нью-Йорка, господином Кливлендом Доджем, очень многое сделавшим в области образования в Турции. Приехав в Америку, я узнала, что Кливленд Додж – лучший друг армян во всем мире.

Арусаяк втайне продолжала оставаться христианкой, но не надеялась когда-либо вырваться из гарема. Она рассказала, что Хаджи Гафур держал армянок, пока не пресыщался ими и не получал новых,

более красивых девушек. Тогда он отсылал их к своим друзьям или продавал турецким крестьянам. Арусаяк стремилась угодить Хаджи Гафуру, чтобы он не продал ее. Порой девушки с невольничьего рынка попадали в публичные дома для солдат и жандармов.

Вечером пятого дня, когда маленькая темнокожая рабыня пришла сказать, что Хаджи Гафур прислал за мной, сердце мое оборвалось, колени подкосились.

Служанки окружили меня, искренне недоумевая, почему я не ликую. Только увидев слезы на моих глазах, они оставляли тот шуточный тон, с которым подходили ко мне: «Наконец-то», – возвещали они приближение наивысшей пытки, которую называли моей «удачей».

Пока меня одевали, я закрыла глаза и молилась – не о спасении, для этого было уже слишком поздно, но о мужестве и уверенности, что Господь наблюдает за мной. Одна из женщин гарема проводила меня по узкому коридору, и мы снова прошли через дверь, которая закрылась за мной пять дней назад, после представления Хаджи Гафуру.

Комната была ярко освещена. Прямо у входа стоял громадный негр. В глубине комнаты на подушках сидел Хаджи Гафур и курил нарگیле. Когда за моей спиной со скрипом закрылась дверь, Хаджи Гафур поднял на меня взгляд.

Движением руки он дал знак подойти и сесть на подушку у его ног. Невольно я отшатнулась и рукой закрыла глаза. Через мгновение я почувствовала, как ее крепко схватил негр. Я попыталась освободиться и собраться с силами, чтобы шагнуть вперед – все мои надежды на счастливое будущее зависели от моей покорности.

Негр сжал мою ладонь. Будто себе под нос он пробормотал: «Будь хорошей девочкой, так будет лучше для тебя». Не поднимая глаз, я подошла к Хаджи Гафуру и села к его ногам.

Нет необходимости рассказывать что-то еще о той кошмарной ночи.

На следующий день я призналась Арусаяк, что решила во что бы то ни стало убежать из дома Хаджи Гафура. Остаться там означало множить свои страдания и терять последнюю надежду разыскать маму в Диарбекире, где переселенцам с деньгами вали позволял жить в окрестностях города, если они готовы были достаточно щедро платить за эту привилегию. Когда средства у изгнанников заканчивались, их вместе с остальными отправляли в сирийскую пустыню.

Я пробовала уговорить Хаджи Гафура послать в Диарбекир чело-

века, чтобы спасти мою семью, если удастся ее разыскать, или хотя бы получить о ней какие-нибудь сведения. Он не захотел одарить меня такой милостью. «Теперь ты – турчанка, – сказал он, – и должна оставить в прошлом все свои связи с неверными».

Арусяк испугалась, когда услышала о моем намерении совершить побег, потому что последствия в случае моей поимки были бы ужасными. Наложницы, пытавшиеся бежать, продавались в публичные дома, где очень скоро находили свою смерть. Но когда я дала ей понять, что готова рискнуть чем угодно, лишь бы не оставаться в доме Хаджи Гафура, она пообещала мне свою помощь. В ту же ночь, когда мы остались одни в комнате, она рассказала, что где-то на западе, если двигаться через равнины к Евфрату, стоит монастырь, несколько столетий назад построенный католическими монахами-доминиканцами, которые пришли в Армению как миссионеры. Испокон веков армянские беженцы, преследуемые за свою веру, находили в этом монастыре надежное пристанище. Арусяк сказала, что многие были отправлены оттуда в Сирию и даже в Курдистан.

Один человек из Альбустана, который на самом деле был армянским священником и, замаскировавшись под турка, пришел на Кавказ в надежде получить от русских помощь для депортируемых армян, рассказал Арусяк о монастыре, когда она была в Малатии. Священник говорил, что множество армянских девушек нашли в этом монастыре безопасный приют, поскольку святые отцы не досаждали им, а сам монастырь находился в стороне от маршрута движения переселяемых христиан. Много лет назад, по словам этого человека, монахи спасли жизнь одному известному вождю, и о монастыре были сложены легенды, которые оберегали его от нападения курдов. По этой же или по какой-то иной причине, но и турки обходили монастырь стороной.

Арусяк доверилась мне, что часто планировала уйти из дома и в одиночку пробираться в монастырь. Она была уверена, что там будет в безопасности, хотя бы на какое-то время. Но каждый раз в решающую минуту смелость покидала ее. Теперь же она была воодушевлена моей готовностью рискнуть, только бы не оставаться рабыней Хаджи Гафура.

Окна спальни располагались высоко, но не были зарешечены, так как открывались во двор. Арусяк знала, что из этого двора один из проходов вел к приемной, которая имела выход на улицу. Слуги га-

ремлика часто пользовались им, чтобы выйти из дома.

Однажды вечером Хаджи Гафур велел доставить к нему желанную девушку. Было очень рано, и в гаремнике еще не ложились спать. Мы с Арусяк ускользнули и спустились во двор через окно. Нам удалось торопливо пробраться мимо приемной на улицу. Мы закрыли свои лица покрывалами и обули турецкие домашние тапочки, чтобы казаться наложницами из турецкого гарема или рабынями, которые спешат вернуться домой, надеясь избежать нагоняя за опоздание.

Когда мы дошли до городских ворот, то переживали, как бы нас не задержали. Но турецкие солдаты, охранявшие ворота, похитили нескольких девушек из ближайшего лагеря армянских переселенцев и теперь были слишком заняты, развлекаясь с ними, чтобы обратить на нас внимание. Скоро мы оказались за пределами города, одни-одиношеньки в ночной тьме. Тонкие тапочки не защищали наши ноги от острых песчинок, и мы пугались каждой тени, принимая ее за притаившегося курда.

Арусяк полагала, что до монастыря больше двадцати миль.

Трое суток, опасаясь наткнуться на странствующих крестьян и курдов, большую часть дня мы прятались в песках, а ночью шли, сколько хватало сил. У нас не было ни хлеба, ни какой-либо другой пищи. И только поздней ночью, когда собаки в селах спали, мы осмеливались набирать в деревенских колодцах воду.

На четвертый день Арусяк начала мучить жажда. Она так сильно хотела воды, которой у нас не было с прошлой ночи, что, когда я заплакала, Арусяк слизывала языком мои слезы. Наступил момент, когда она больше не могла идти и опустилась на землю. Вдали виднелась арабская деревня. Арабы не похожи на курдов, они не любят армян и порой очень жестоки к ним, но, если не состоят на службе у турок, то бывают не так суровы. Для спасения жизни Арусяк я оставила ее и поспешила к поселку.

Вокруг меня столпились арабские женщины, и я, как могла, пыталась объяснить им, что мне нужны хлеб и вода. Они пожалели меня, как и мужчины, которые подошли узнать, кто я такая. Мне дали тыкву, наполненную холодной водой, и хлеб. Несколько женщин пошли со мной туда, где лежала Арусяк.

Вода вернула Арусяк к жизни и придала ей сил, я тоже заметно приободрилась. Увидев, в какие лохмотья превратилась наша одежда,

арабки дали нам другие платья и сандалии. По их словам, монастырь находился в нескольких милях от деревни, и они показали короткую дорогу к нему. Один мальчик-араб вызвался пойти с нами, чтобы по дороге нас не обидели жители других деревень. Он же помог нам обойти стороной черкесское поселение, где нас могли захватить в плен.

Когда вдали показались серые каменные стены монастыря, мы с Арусяк преклонили колени и поблагодарили нашего Спасителя. Мальчик же, увидев, что мы молимся Христу «неверных», повернулся и побежал назад. Но мы были очень благодарны ему.

Близился вечер, и у монахов было время молитвы. Мы стояли у ворот, пока кто-то из них не услышал и не впустил нас. Монахи были очень приветливы, они все собрались и выслушали нашу историю. Потом нас провели в маленькую часовню, стали на колени рядом с нами, и настоятель монастыря прочел благодарственную молитву.

После молитвы один из монахов повел нас в отделенную от главного здания часть монастыря. Там мы с удивлением обнаружили более полусотни армянских девушек и вдов, которые, как и мы, нашли прибежище у монахов. Почти все эти женщины были из Вана, самого большого города Армении, или из его предместий. Некоторые – из Битлиса, где в одночасье были убиты тысячи сынов нашего народа, а в живых оставили только девушек и молодых жен на забаву туркам. Некоторые бежали из Диарбекира.

Всех их направили в монастырь, как в безопасное убежище, друженно настроенные арабы или армянские священники. Они приходили поодиночке или небольшими группками, стучали в монастырские ворота, как мы с Арусяк, и монахи принимали их, не считаясь с тем, что это таило опасность для них самих.

Нас предупредили не выходить из здания, отведенного нам монахами, чтобы бродившие вокруг курды и солдаты не могли случайно заметить нас и обнаружить, что монастырь превратился в пристанище для беженцев. Дважды в день монахи молились у нас, еще они лечили заболевших женщин. Юная Арусяк очень обрадовалась, когда настоятель заверил ее, что Бог видел: она отреклась от Него притворно, сердцем оставшись верной Ему. И когда старый монах опустился на колени вместе с ней и помолился, чтобы Господь простил Арусяк каждую ее святотатственную молитву Аллаху, возносимую под бдитель-

ными взглядами женщин в гаремнике Хаджи Гафура, она стала совершенно счастлива.

Всего две недели мы прожили в монастыре мирно и безмятежно. Внезапно эта спокойная жизнь прекратилась. Однажды ночью, когда весь монастырь погрузился в сон, нас разбудили громкие крики и стук в ворота. Из наших окон просматривался только двор, мы не могли видеть вход в монастырь. Испуганно прижавшись друг к другу, мы смотрели, как маленькая группа торопливо облачившихся монахов в сопровождении старого настоятеля медленно движется по двору, свечами освещая себе дорогу. Когда они исчезли из нашего поля зрения, шум прекратился, послышались голоса, требовавшие открыть ворота.

Я поняла, что монахи отказались. Снова поднялись крики, и мы увидели, как святые отцы отступают через двор. Мгновение спустя странного вида фигуры, в которых мы опознали чеченских, или черкесских, бандитов, через двор кинулись к дверям дома. Они перебрались через ограду, когда монахи не отворили им железные ворота.

Чеченцы были более дикими и жестокими, чем курды. Они постоянно находились в состоянии войны с курдами, арабами или турками. Во время резни турки, чтобы умилостивить чеченцев, позволили им грабить переселенцев и похищать столько христианских девушек, сколько те пожелают. В прошлом именно чеченцы приводили в гаремы турецких пашей и беев своих красавиц, ибо они не гнушались воровать даже дочерей собственного народа для продажи на невольничьих рынках Константинополя и Смирны.

Монахи забаррикадировались в часовне. Настоятель через железную решетку на окне умолял главаря банды не трогать их, напомнив, что даже курды с уважением относились к монастырю. Но бандит откуда-то знал, что в монастыре прятались армянские девушки, и потребовал выдать нас в обмен на милость к монахам.

Монахи отказались открыть двери часовни или указать наше укрытие. Но двери святилища были деревянными, они рухнули под напором чеченцев. Мы слышали душераздирающие крики наших друзей, монахов. Они взывали о милосердии, молились Богу, и все это смешивалось со звериным ревом чеченцев. Очень скоро крики затихли, молитвы умолкли. Слышны были только возгласы бандитов.

У нас не было никакого шанса на спасение. Чеченцы кружили по двору и переворачивали вверх дном монашьи кельи. Единственный

выход из здания, предоставленного нам монахами, а также все окна его вели во двор. Мы слышали, как банда чеченцев крушила двери в помещения этажом ниже нас. Забившись в угол, мы дрожали и от ужаса не могли даже молиться.

Бандиты поднимались вверх по каменным ступенькам, проклиная свою злую судьбу за то, что не могли найти нас. Один из них толкнул дверь нашей комнаты. В ярком свете луны, проникавшем через окно, они сразу нас заметили. Заклятье молчания, наложенное на нас страхом, было сорвано – мы пронзительно закричали. В мгновение ока банда разбойников ворвалась в комнату.

Они обменивались друг с другом ужасными шутками. Арусяк и я стояли на коленях, обнявшись. Чеченец одной рукой схватил за волосы меня, а другой – Арусяк, и потащил вниз по лестнице. Остальные волокли девушек во двор таким же образом или несли их на плечах.

На ступеньках часовни лежали трупы монахов. Их вывели из молельни и зарезали при свете луны. Чеченцы вытащили нас за монастырскую ограду. Потом загнали своих лошадей во двор, намереваясь оставить их там на ночь. И вернулись к нам.

Каждый из них стал обладателем одной или нескольких девушек, которых он поймал или сам притащил через двор. Некоторые были недовольны добычей, считая, что другим достались более красивые пленницы. Они начали грызться между собой. Рука маленькой Арусяк была сломана в этой схватке, когда один чеченец увидел, что другой бандит захватил аж двух девушек сразу, и потянул Арусяк к себе. Ее похититель не обратил никакого внимания на крик боли. Он усмирил девушку, выкручивая ей сломанную руку, пока она не потеряла сознание.

На рассвете чеченцы смогли получше разглядеть наши лица и отобрали тех, кого считали самыми привлекательными, а остальных убили. Арусяк убили тоже – из-за покалеченной руки. Затем нас погрузили на лошадей, и мы направились в Диарбекир.

ГЛАВА X

ДИАРБЕКИР И ИГРА С САБЛЯМИ

С границы песчаного плоскогорья я впервые увидела Диарбекир, некогда бывший столицей нашей страны.

Два дня подряд мы ехали с чеченцами, предчувствуя, что нас ожидают новые испытания в этом древнем месте, которое столетия назад было одним из самых великолепных христианских городов.

Когда чеченцы подъехали к краю плоскогорья, далеко под нами выросли стены города с его минаретами, то тут, то там взмывающими над низкими крышами. Сразу за городом катил свои синие волны прекрасный Тигр – библейский Хиддекель. Теперь, сколько хватало глаза, бесконечные долины, орошаемые его водами, были заполнены христианами беженцами с севера, востока и запада – тысячи и тысячи людей. Иные из них прошли сотни миль. Почти все армяне, кому позволили до сих пор оставаться в живых, были доставлены в Диарбекир, откуда уже те, кого не успели уничтожить в городе или вне его стен, продолжали свой путь на юг, в сирийскую и арабскую пустыни, чтобы быть брошенными там.

Более миллиона армян направились в сторону Диарбекира, когда начались резня и депортация. И только сто тысяч, насколько я слышала, живыми добрались до этого древнего поселения у реки Тигр. Больше половины изгнанников, дошедших сюда, были убиты в самом городе или непосредственно за его стенами. Спаслись лишь молодые женщины и дети, которые или растворились в гаремах, или, как это случалось с детьми, были помещены в дервишские монастыри, где их воспитывали в духе ислама, а после достижения ими совершеннолетия – продавали как рабов.

Вали Диарбекира Наиль-паша был беспощадным чудовищем. В черте города находилось множество крепостей, построенных много веков назад – одно из таких укреплений стояло со времен Мухаммеда, – и в их числе две огромные тюрьмы. Уже более 3000 русских военнопленных с Кавказа пешком согнали в Диарбекир и заточили в этих тюрьмах. По приказу Наиль-паши у заключенных забирали всю одежду, им не давали никакой пищи, и при этом заставляли трудиться каменщиками на строительстве огромного дома, возводимого для паши.

Когда в Диарбекир начали в огромном количестве прибывать переселенцы, Наиль-паша перевел всех русских в одну из тюрем, которая в результате оказалась забитой так плотно, что в ней почти невозможно было лечь. Освободившиеся темницы он заполнил оставшимися в живых армянскими мужчинами из некоторых армянских сел на севере, которым разрешили сопровождать своих жен. Когда тюрьма переполнялась армянскими ссыльными, он приказывал солдатам убивать их. Родные казненных ожидали своих мужчин на равнине за городом или были отправлены дальше, им даже не сообщали о судьбе их мужей, сыновей и братьев.

Когда же военнопленных стало еще больше, Наиль-паша велел разместить их в помещениях, занятых армянами, сначала убив последних, а потом заставив русских выносить тела и отчищать следы крови, чтобы им самим было где прилечь и отдохнуть от дневных работ в поле или на строительстве нового дома вали.

Солдаты Наиль-паши с большим удовольствием рассказывали, как трупы маленьких армянских детей погружали в цемент и закладывали в стены нового дома, чтобы заполнить промежутки между камнями.

Похитившие нас из монастыря чеченцы решили войти в город через южные ворота – там, где стены спускались почти к самому берегу реки. Но, когда они подъехали к нужному месту, из ворот вышел часового и сказал им, что вали приказал больше не пускать в город переселенцев, пока те, которые уже находились в его стенах, не будут «вычищены» – то есть убиты или высланы прочь.

Только потом я узнала, почему город тоже был забит переселенцами, в то время как большинство изгнанников располагались лагерем за его пределами. Вали пообещал защитить от дальнейшей депортации тех, кто сумел сохранить достаточно денег, чтобы заплатить ему за это. Паша разрешил им войти в город и занять пустующие дома. А когда у ссыльных кончались деньги, вместе с ними прекращалось и «покровительство». Их небольшими группами выводили из города, и подстерегавшие у ворот чеченцы, предупрежденные о появлении армян, неизменно убивали последних.

Когда чеченцы убедились, что не могут попасть с нами в город сразу, они сгрузили нас с лошадей и приказали сесть в круг, чтобы проще было следить. Из двухсот обитателей монастыря в живых нас осталось только двадцать семь человек. Три девушки были еще младше меня, и

никому из нас не исполнилось двадцати лет, хотя некоторые пленницы незадолго до погромов вышли замуж.

Главарь бандитов отправился в город. Весь тот день и следующий, и большую часть третьего дня мы просидели на песке под палящим солнцем. Чеченцы питались хлебом и ягодами, а нас кормили объедками, что оставались после их трапез. В течение дня только один раз разрешали пить воду. На второй день у одной девушки началась лихорадка. Она просила воды, и когда чеченец ударил ее, чтобы она перестала плакать, то показала ему свой распухший язык. Увидев его, бандит подозвал своих товарищей. Они боялись, что это заразная болезнь, которая распространится на остальных. Не обращая внимания на мольбы девушки дать ей попить, они оттащили ее на сотню метров в сторону и оставили там. Она попробовала встать на ноги и вернуться к нам. Тогда один из чеченцев подошел к ней и ударил прикладом ружья. Больше девушка не смогла подняться, и мы видели, как она еще некоторое время металась на песке, пока не затихла.

Вечером второго дня ожидания за городской стеной у южных ворот поднялась большая суета, и вскоре поток переселенцев – одни женщины – хлынул в долину. Раньше, в течение всего того дня, группы чеченских всадников съезжались из соседних деревень и занимали позиции невдалеке. Теперь мы знали, почему они прибыли: их предупредили, что из города вышлют большую партию людей.

Сами турки редко осуществляли массовую резню женщин. Константинополь не поручал им убийства безответных пленниц – эта работа оставалась курдским и другим бандам.

Я думаю, что в той партии было более 2000 женщин и немного детей. Колонна начала выходить из ворот до захода солнца, и все еще тянулась, когда уже совсем стемнело. Чеченцы стогнали их в большой круг, примерно на расстоянии одной мили от города и в полумиле от нас. Когда взошла луна, до нас начали долетать ясно различимые шум и вопли, которые рассказали, что чеченцы начали свою ужасную работу.

Крики и стенания продолжались всю ночь. Иногда они раздавались очень близко, будто жертвы бежали в нашу сторону. Но следом слышался стук копыт и пронзительные вопли, а потом – только затихающий вдаль уже одинокий лошадиный топот.

Наши конвоиры не трогали нас, по-видимому, сохраняя для чего-

то другого. Но мы не могли спать в ту ночь. Иногда я и теперь не могу заснуть, хотя нахожусь в постоянной безопасности. Эти крики преследуют меня по ночам, и, даже будучи окруженной друзьями, я не могу спрятаться от них: они звучат у меня в ушах.

Когда на долину легла предрассветная серая дымка, бесчинства повсюду продолжались. Но вдруг все стихло. Мы находились очень далеко от города, чтобы слышать призывы с минаретов, но знали причину внезапной тишины: для мусульман наступил час молитвы. Даже в разгар своих злодеяний чеченцы инстинктивно услышали зов и опустились на колени, обратившись лицами в сторону Мекки. Я помню, как в то утро, пока бандиты возносили молитвы и благодарность Аллаху за его милости, подумала, что бы чувствовал мой Христос, если бы его народ приходил помолиться Ему на рассвете после таких чудовищных трудов, как те, что вершились той ночью.

Сильнее, чем когда-либо, я полюбила Иисуса Христа, и моя вера в Него еще больше укрепилась, когда тем утром мусульманские бандиты молились тому, кого называли Аллахом.

Когда взошло солнце и осветило для нас равнину, в живых из всей той огромной партии оставались только человек триста, не больше. Немногочисленная группа женщин двигалась то в одну, то в другую сторону. Чеченские разбойники обыскивали разбросанные повсюду вокруг тела убитых, чтобы при дневном свете удостовериться, что ночью ничего ценного не ускользнуло от их внимания.

Чеченцы провели утро с молодыми женщинами, которым «позволили» пережить эту ночь. Мы видели, как они подходили к этим немногим выжившим и некоторых из них отгаскивали в сторону.

Когда чеченцам наскучило это, мы заметили, что недалеко от нас, на ровном участке долины, они готовятся к одной забаве, которой прославились дикие черкесские племена, и которую, как я убедилась потом, они и в дальнейшем частенько повторяли, пока не осталось в живых никого из армян.

Чеченцы в ряд закрепили в песке свои сабли, длинные и узкие лезвия которых ковались в Германии, таким образом, чтобы их острые клинки возвышались над поверхностью земли на высоте чуть больше роста маленького ребенка. Увидев эти приготовления, мы все поняли, что должно произойти. Армянские матери в наших краях порой пугали распалившихся детей чеченцами: мол, те придут и их унесут,

если они не станут вести себя хорошо. А когда ребенок спрашивал, что сделает с ним чеченец, мать отвечала: «Чеченцы – дикие бандиты-наездники, они любят точить свои сабли маленькими мальчиками и девочками».

Я дрожала, мое сердце уже разрывалось и от кошмаров прошлой ночи, и от того, что пришлось наблюдать на рассвете. Сидевшие рядом со мной женщины тоже трепетали, я чувствовала, что они предпочли бы умереть, только бы не видеть новые зверства. Мы умоляли наших надзирателей увести нас в другое место, откуда не будут видны эти смертельные клинки. Они лишь расхохотались и сказали, что мы должны смотреть и быть благодарными, что находимся под их защитой.

Когда сабли были выстроены в длинный ряд, чеченцы поспешили к армянкам. Мы видели, как они мелькают среди них, а потом уходят, неся на руках или волоча по земле всех оставшихся молодых женщин – человек пятнадцать или двадцать, я не смогла их сосчитать.

Каждую девушку поставили посередине между двумя саблями, спешившиеся чеченцы заставляли их держаться на ногах. Пленницы плакали и умоляли, но безжалостные бандиты не обращали внимания на их мольбы.

Когда все девушки были должным образом размещены между клинками, оставшиеся чеченцы вскочили на коней и собрались в конце образовавшейся линии. По сигналу первый всадник помчался вдоль ряда сабель, схватил одну из девушек, поднял в воздух и на полном скаку швырнул ее на острие.

Это была игра, состязание! Каждый чеченец стремился на одном скаку схватить более одной девушки и кинуть их на клинки таким образом, чтобы они погибли после первого же броска. Только самым умелым из них удалось пронзить больше одной девушки разом. Другие смогли поднять вторую жертву, но промахивались мимо лезвий, и девушек с переломанными костями и кровоточащими ранами заставляли снова встать между саблями для повторного участия в «игре». Каждая молилась, чтобы на этот раз чеченец был метким, и клинок положил конец ее мучениям.

В это время жандармы вывели диарбекирских евреев и заставили их собирать трупы зарезанных армянок. Евреи пришли с телегами и ослами, на спинах которых висели мешки. Тела сложили в мешки и

на телеги и увезли к берегу Тигра, где турки велели им бросить их ношу в воду. То была одна из повинностей, которую приходилось нести евреям. Мусульмане не убивали их, но с удовольствием заставляли выполнять такую страшную работу.

Вечером главарь наших чеченцев вернулся из города. Он отвел своих людей в сторону, и они возбужденно заговорили о чем-то. Когда стемнело, нас подняли на коней и повезли в город через южные ворота. На въезде главарь показал офицерам жандармов документ, привезенный им из города, и отряду разрешили въехать. По темным, узким улочкам мы добрались до дома, высоко поднимавшегося над соседними зданиями, во двор которого вели металлические ворота. Турецкий сторож, ожидал у ворот и быстро распахнул их.

Бандиты спешили за воротами и поставили нас на землю. Главарь дал нам знак идти во двор. Он сам и еще с полдюжины его людей вошли за нами следом, и ворота закрылись. Несколько чеченцев отправились в дом. Через пару минут они вернулись в сопровождении незнакомца в форме немецкого солдата.

За ним следовали слуги с зажженными лампами, при свете которых солдат взглянул на наши лица и бесцеремонно нас осмотрел. Из девушек ему понравились только восемь, я оказалась в их числе. Нас загнали в дом и закрыли за нами двери. Мы слышали, как чеченцы собирают остальных девушек и выводят их на улицу. Я не знаю, что с ними стало потом.

Солдат и слуги, которые все были иностранцами, как я потом узнала — немцами, провели нас в помещение цокольного этажа, которое раньше служило конюшней.

Часа через два или три — мы уже потеряли чувство времени, но я думаю, было за полночь — солдат со слугами пришли за нами. Прежде чем вывести из конюшни, они полностью раздели нас. Умирающих от стыда и страха нас привели в комнату, где сидели трое мужчин в немецких военных мундирах. Солдат отдал им честь. Офицеры казались очень довольными, увидев нас. Мы пытались прикрывать нашу наготу руками и прятались друг за друга, но солдат грубо растаскивал нас в стороны. Офицеры посмеялись над нашим смущением и отпустили солдата, сказав ему что-то на немецком языке, которого я не понимаю.

Между собой офицеры также говорили по-немецки. Они пытались

приласкать девушек и очень веселились, когда мы умоляли не трогать нас, разрешить одеться и быть к нам милосердными, во имя Господа.

Почти две недели я была пленницей в этом доме. Старший офицер, капитан Август Вальсенбург, был средних лет, совершенно лысый. Позже я многое узнала о нем. Он был связан с немецкой торговой компанией "Oriental Handelsgellschaft" («Восточная корпорация») в Ване. Он был призван на службу из запаса, в помощь турецким властям Вана в проведении мобилизации и армянских погромов. Там ему было приказано явиться в Алеппо к одному немецкому генералу, имени которого я не помню, где последний занимался набором турецких призывников для Месопотамской Армии. Но когда он добрался до Диарбекира, пришли сведения о продвижении русских на Кавказе, и ему по телеграфу передали приказ ждать дальнейших инструкций в Диарбекире. Два других офицера были лейтенантами, сопровождающими его из Вана, теперь они также ожидали новых указаний.

Эти трое были в то время единственными немецкими офицерами в Диарбекире. Вали был очень дружелюбно настроен по отношению к ним. Он предоставил им тот дом, куда нас привели как пленниц. Туда курды и чеченцы привозили много красивых армянок. Когда немцы пресыщались девушками, они отсылали их обратно в лагерь депортируемых за городской стеной или продавали туркам.

Немецкий капитан требовал слушаться его. А я изо всех сил боролась с ним и сказала, что он может убить меня. Мои слова забавляли его. Там, во время своего плена, я в первый и последний раз в своей жизни попробовала то, что в Америке называют «виски». Он был ужасный и горький. Офицеры привезли его с собой из Вана. Они очень много пили и зверели от этого. Однажды вечером они собрали всех девушек, находившихся в доме, в той комнате, в которой обедали, заставили сесть вокруг стола и пить этот отвратительный виски. Офицеры пришли в восторг, когда нам стало от него плохо.

Одну за другой надоевших девушек, похищенных вместе со мной из монастыря, отсылали прочь, и их место занимали новые. Меня оставили, видимо, по той причине, что я упрямо сопротивлялась, когда кто-то из них приближался ко мне. Мой отпор неизменно заставлял капитана громко хохотать и хлопать в ладоши.

В этом доме находилась еще одна девушка, которую привезли давно, еще раньше, чем меня. Она очень нравилась одному из унтер-офи-

церов. Девушка рассказала, как однажды ночью, когда офицеры выпили больше обычного и совсем озверели, они велели привести нескольких девушек и принялись стрелять в них из пистолетов, поставив их боком и в качестве мишеней избрав их груди. Потом я слышала, что эта забава была очень популярной среди турок во время армянских погромов в Ванском вилайете.

Наконец офицерам поступил приказ оставить Диарбекир. Я поняла так, что они должны были отправляться в Харберд. Офицеры были готовы выехать немедленно и на следующее утро покинули город. Они успели собрать множество ковров и ювелирных изделий, скупая их у чеченцев и курдов, которые добывали эти ценности, грабя армян. Все трофеи были тщательно упакованы в ящики и переданы на хранение вали – до тех пор, пока не представится возможность отправить их попутным караваном на железнодорожную станцию Рас-эль-Айн.

Офицеры так спешили, что совершенно не обращали на нас внимание. Когда они покинули дом, все слуги на ослах последовали за хозяевами. Таким образом, мы остались в доме совсем одни.

Мы радовались нашей свободе, но боялись турецких жандармов, которые рано или поздно должны были нас обнаружить. После долгих поисков мы нашли темную комнату, где слуги прятали нашу одежду, там были свалены вещи всех армянских девушек, попадавших в дом. Каждая из нас выбрала себе кое-что из одежды, чтобы прикрыть наготу.

Целые сутки, день и ночь, мы провели в тревоге, что нас могут заметить. Мы боялись выйти на улицу, но оставаться в доме тоже было страшно. В городе находилось много иностранных миссионеров, в том числе и американцев, но они жили в другом квартале, мы никогда не добрались бы до них.

Жандармы пришли на третий день после отъезда офицеров. Не думаю, что они ожидали увидеть кого-то в доме, скорее всего, явились поискать что-нибудь ценное, забытое немцами.

Мы увидели их, когда они входили в ворота. Дом был построен террасами, и в нем не было ни одного укромного места, где можно было спрятаться. Мы могли лишь оттянуть минуту нашего пленения, забившись в угол. Жандармы заметили нас еще со двора и с криками ворвались в дом.

Пробегая через комнату, где жил один из немецких офицеров, я уви-

дела на столе забытый им нож. Схватила его и спрятала под одеждой. Впервые с того дня, как меня увели из нашего дома в Чмшкакаге, я держала в руках нож и вообще какое-либо оружие.

Один из жандармов загнал меня в угол, остальные девушки оказались в такой же ловушке. Он поймал меня за руки и потащил в другую комнату. Его остановил офицер, который схватил меня и приказал жандарму «поискать себе другую». Офицер втолкнул меня в одну из комнат.

Когда он попытался заломить мне руки, я повернулась к нему с ножом. Знаю, что мою руку направлял Бог, ибо, не колеблясь, я убила его. Офицер упал к моим ногам.

В других помещениях дома и во дворе жандармы были заняты пойманными девушками. Мне удалось выбраться на улицу, оставшись незамеченной. Я оглянулась по сторонам и не увидела никого, кроме турчанки, выходящей из ворот своего дома на противоположной стороне улицы.

В голове промелькнуло, что меня сейчас поймают. Я крепко сжала рукоятку ножа, все еще спрятанного под одеждой. Но женщина оказалась доброй и пожалела меня. Она отступила назад в свои ворота и дала мне знак идти следом. Я все еще боялась, но поверила ей. Закрыв ворота, она обняла меня. Турчанка сказала, что очень жалеет меня и мой народ и поможет мне. Она не посмела провести меня в дом и спрятала во дворе до наступления темноты, когда можно будет выбраться из города и присоединиться к депортируемым.

Днем она принесла мне еду. А когда стемнело, пришла попрощаться, поцеловала и дала три лиры – все, чем могла поделиться, не навлекая на себя гнев своего мужа. «Выходи из города через северные ворота, а не южные», – сказала женщина, – «Тех, которых выводят через южные ворота, убивают; а те, которые собрались у северных ворот, может быть, останутся живы; но не ходи к ним ночью, можешь опять попасть в резню. Спрячься в скалах на перевале Кара-джаг, это в миле от города. Если армянам разрешат пройти той каменистой дорогой, значит, им позволят прожить еще хотя бы один день».

Я дошла до южных ворот, не будучи остановленной, так как была очень осторожной и старалась держаться в тени. Жандармы следили за воротами, но не очень бдительно. Я побежала на равнину и двинулась в направлении, подсказанном мне турчанкой, пока не добралась

до скал, которые отмечали дорогу среди невысоких холмов, окружавших город с севера. По этой дороге проходили караваны депортированных, направлявшиеся в южные пустыни из Диарбекира.

Заночевала я в скалах. Утром решила пойти дорогой, незаметной взору рыскающих по равнине солдат, чеченцев и курдов. Там я могла переждать до появления каравана.

Но, пробираясь по узкой тропе между камнями, увидела группу идущих навстречу заптнев. Я никого не ожидала увидеть в таком безлюдном месте и невольно вскрикнула. Они услышали меня, и я кинулась к скалам, чтобы укрыться среди них. Достала нож, который все еще прятала под платьем, намереваясь покончить с собой, только чтобы не быть похищенной снова. Но я боялась, что Бог не одобрит этот поступок. Пока заптнии искали меня между скалами, я стояла в узкой расщелине на коленях и спрашивала Бога, будет ли мне оправдание, если я покончу с собой до того, как меня отыщут заптнии: «Господи, скажи, прийти к Тебе сейчас, или ждать, пока Ты призовешь меня?»

Бог услышал меня, и я поняла, что Он дал мне ответ. Ибо что-то подсказало отбросить нож подальше, что я и сделала.

Я знаю: то была воля Господа, поскольку чуть позже Он привел меня в объятия моей матери, чтобы я смогла побыть с ней еще раз перед тем, как турки убили ее.

ГЛАВА XI

«ИШИМ ЙОК, КЕФИМ ЧОК»

Отбросив нож в сторону, я поднялась на ноги. Жандармы скоро обнаружили меня. Положившись на судьбу, я не пыталась избежать ее.

Я сказала жандармам, что пришла из города, чтобы присоединиться к другим армянам. И если они меня не будут обижать, то я не причиню никакого беспокойства. У меня были те три лиры, которые дала мне добрая турчанка, но я знала, что если сейчас отдам им эти деньги, то они меня обыщут в надежде найти еще, и, скорее всего, убьют, не найдя ничего больше. Поэтому я убедила их, что попрошу деньги у своих соплеменников, если заптнии разрешат мне присоединиться к той группе, которая не должна подвергнуться резне.

— Может быть, всех убьют, а может быть, и нет, мы не знаем. Идем с нами, достанешь для нас деньги — будешь жить, — сказал один из них.

Мы совсем недолго были в пути, когда заметили, что в нашу сторону движется длинная колонна депортируемых. Заптнии остановились, переговариваясь, и из того, что они говорили друг другу, я узнала, что их прислали из ближайшей деревни — присоединиться к конвою, сопровождавшему эту партию.

Скоро группа переселенцев приблизилась к нам. Жандармы велели мне находиться в первых рядах каравана, а они позже вернутся и отыщут меня, и если я не раздобуду деньги к их возвращению, меня убьют. Спустя несколько часов, когда заптнии появились снова, я отдала им три лиры, и они, как и обещали, больше меня не беспокоили.

Группа, к которой я присоединилась, состояла из жителей Эрзерума и небольших городков в его окрестностях. Сердце заколотилось от радости, когда я увидела среди беженцев нескольких мужчин. Я так давно не видела живых мужчин, принадлежавших моему народу, и была счастлива за тех женщин, чьи мужья и отцы шли рядом с ними. Когда заптнии привели меня в эту группу, женщины, увидевшие мое появление первыми, начали обнимать меня. Они подумали, что я одна из похищенных прошлой ночью девушек из их группы. А когда я сказала, что убежала из Диарбекира, они порадовались за меня, и одна женщина, чью шестнадцатилетнюю дочь украли турки, предложила мне быть ей вместо потерянной дочери и держаться рядом. Ее другая

девочка, которой было шесть лет, все еще оставалась вместе с ней.

Чуть более двух тысяч человек насчитывалось в этой группе – вот и все, что осталось от сорока тысяч армянских семей, депортированных из Эрзерума и близлежащих сел. Эрзерум находился в 150 милях к северу от Диарбекира, но его жителей гнали оттуда по двум разным направлениям. Некоторые армяне пришли в Диарбекир через Ерзнка и Малатию, пройдя около 300 миль, другие – через Хнус и Битлис, преодолев 250 миль. Те, кто выжили на обеих дорогах, добрались до Диарбекира почти одновременно, потому что шедших через Битлис по несколько дней держали в городах, расположенных вдоль маршрута.

Единственным другом эрзерумских армян во время выселения оказался американский вице-консул Роберт Стэплтон, священник из Нью-Йорка. Доктор Стэплтон собрал в своем эрзерумском доме столько армянских девушек, сколько в него поместилось, а когда за ними пришли турки, он, указав на развевающееся над дверью американское знамя, приказал им удалиться. В группе, к которой я присоединилась, было много матерей, которые радовались, что их девочки попали под защиту доктора Стэплтона, и беспокоились, находится ли жизнь дочерей вне опасности до сих пор.

Много месяцев спустя я узнала, что этот американский священник не нарушил своего слова и защищал девушек до прихода в Эрзерум русских, которые взяли их под свою опеку.

Семьдесят пять тысяч мужчин, женщин и детей двигались из Эрзерума дорогой через Ерзнка. До Диарбекира из них дошли всего пять сотен. Красивых молодых девушек и женщин в пути похищали для турок курды и заптии. Девочки младше десяти лет либо уничтожались – если не были достаточно красивыми или сильными, – либо продавались туркам, которые растили их как мусульманок-наложниц для себя или отправляли на продажу в богатые константинопольские гаремы. Множество молодых женщин, которые избежали похищения, по дороге подверглись изнасилованиям и были замучены до смерти. Всех пожилых и больных женщин оставляли умирать на обочинах или убивали на месте. Таким образом, до места добралось пятьсот человек.

Другой дорогой отправились 50000 человек – в основном жители небольших поселений, расположенных недалеко от Эрзерума, а также

горожане из состоятельных семей, в том числе учителя, купцы, банкиры и ремесленники. Из этой партии в Диарбекир дошли только 1500 человек, из них около 300 – мужчины.

Когда эти два каравана сошлись под Диарбекиром, многие узнали друг друга и очень обрадовались встрече. Турки разрешили им объединиться. Одиннадцать дней они стояли лагерем за городской стеной, поскольку все были ограблены и не имели ни денег, ни других ценностей, чтобы заплатить вали за разрешение войти в город.

Каждый вечер из города к лагерю приходили турки, похищавшие девушек, среди спящих рыскали солдаты, на время увозя молодых женщин. У переселенцев не было никакой еды – лишь выделяемая по распоряжению вали одна лепешка на два дня каждому. Да еще то, что американским миссионерам удавалось порой тайком передать с подкупленными турецкими водовозами.

В ту ночь, когда я пряталась в скалах, переселенцам объявили, что утром они отправятся дальше, в Урфу. Они умоляли турецких офицеров позволить им отдохнуть еще несколько дней, так как у многих распухли ноги, потрескалась кожа на ступнях, причиняя им нестерпимую боль. Даже одиннадцать дней привала не залечили их раны. Они просили дать им возможность подождать, когда почувствуют себя лучше, но турки не позволили остаться.

На следующее утро караван отправился в путь, и я вместе с ним. Впереди лежала длинная и мучительная дорога в Урфу: двести миль в сторону арабской пустыни, если, конечно, не подстерегала более страшная судьба снова быть похищенной в дороге.

Впервые с тех пор, как покинула свой дом – много недель прошло с того светлого Пасхального утра, – я узнала от людей, с которыми вместе шла в Урфу, куда вели тех моих соплеменников, которым позволено было выжить. Сопровождающие переселенцев от Диарбекира турецкие солдаты сообщили, что дошедших до Алеппо, большого города на Дамасской железной дороге, отправят в район Дейр-эз-Зора на южный Евфрат, строить военные дороги через пустыню. Поскольку мужчин в живых осталось очень мало, для этой цели должны были послужить сильные и здоровые женщины.

В человеке всегда жива надежда на избавление от страданий. У многих армян были близкие в Америке – друзья, сыновья, братья, – которые в свое время оставили нашу страну и уехали в Соединенные

Штаты. И каждую ночь они молились, чтобы спасение из Америки пришло к ним раньше, чем все они погибнут. И даже ходили слухи, что помощь уже в пути, что добрые американцы отправили деньги, продукты, одежду и пытаются убедить турок быть милосердными к нам. Тысячи людей выжили только благодаря этой надежде.

Наш караван продвигался вперед очень медленно из-за распухших, израненных ног многих переселенцев. Когда мы вошли в ущелье, в котором незадолго до того меня обнаружили заптнии, эти несчастные испытывали невыносимую боль, продвигаясь по узкой тропе, усыпанной острыми камнями. Больше мили нам пришлось пробираться между скалами, прежде чем мы снова выбрались на открытую местность. У меня была пара сандалий на кожаной подошве, которую я взяла в доме немцев. Я отдала их той женщине, которая попросила идти с ней – ее ноги были в крови. Больше ни у кого из всей группы не было ни туфель, ни тапочек – ничего, чем можно было бы защитить ноги, кроме лохмотьев, которыми некоторые обматывали себе ступни.

Во время долгого привала под Диарбекиром некоторые переселенцы продавали кружева, которые им удалось сохранить, обернув вокруг своих тел, и покупали ослов или арбы – запряженные волами повозки. Им сказали, что они могут использовать их до прибытия в Урфу. В арбах они прятали маленькие кусочки хлеба, сбереженные от случайных пайков, надеясь с их помощью оградить себя от голода в дальнейшей дороге. Но когда дошли до скал, оказалось, что проход между ними такой узкий, что арбы по нему пройти не могли.

С другой стороны перевала к нам подошли несколько турецких крестьян. Увидев, что у переселенцев возникли трудности с переходом, они предложили нашим конвоирам забрать ослов и арбы. Жандармы согласились продать их, решив поделить деньги между собой.

Местные жители заплатили заптням, набросились на нас и отняли животных и повозки. Они не разрешили взять вещи и хлеб, оставшиеся в арбах, говоря, что купили их у жандармов со всем содержимым.

В одной повозке находились две девятилетние девочки-близнецы, их мать умерла в Диарбекире. Заботу над детьми взяла на себя их тетя, которая трижды подкупала солдат, чтобы девочек не трогали, и теперь осталась без гроша. Она прятала детей в своей арбе, надеясь, что сможет таким образом спасти их и избавить от изнурительного похода.

Крестьяне не позволили ей забрать девочек: турок заявил, что они – часть телеги, которая теперь принадлежит ему.

Женщина, обезумев, закричала и накинулась на крестьянина с кулаками. Армянский мужчина, находившийся рядом, и несколько женщин бросились на турка, оставшегося в одиночестве. Трое жандармов побежали к месту драки, но переселенцы были настроены так решительно, что заптнии испугались помогать турку. Они убедили крестьянина, что женщина имеет право оставить детей себе.

В нашей партии было около 2000 переселенцев, но я смогла насчитать лишь одиннадцать заптнев, сопровождавших колонну. В Диарбекире все мужчины, которые подлежали призыву, мобилизовались и направлялись на север для пополнения воинских рядов, поэтому число конвоиров, сопровождающих караваны, было минимальным. Если бы жандармов было больше, они бы не мешали турку забрать девочек.

В соседней деревне жандармы решили привлечь дополнительные силы, чтобы не лишать себя в пути привычных удовольствий. Там они велели нам остановиться, а сами долго переговаривались с мудиром, деревенским старостой. Вскоре после этого мудир привел с собой два или три десятка турок самого зловещего вида. У каждого за плечом висело ружье, а на руке была шерстяная красная повязка – знак отличия полицейского.

Когда мы двинулись дальше, жандармы приставили этих турок к нам в качестве конвоя.

На второй день пути мы встретили группу верховых турецких солдат, сопровождавших плотно закрытые фазтоны, в каких обычно передвигались по Турции только богатые путешественники. В них ехали сорок ханум – замужних турчанок, – которые с эскортом направлялись в Эрзерум, чтобы присоединиться к служившим там в большой крепости мужьям, имевшим высокие офицерские чины. Они ехали из Дамаска, Бейрута и Алеппо. Когда наш караван приблизился к их группе, они остановились. Солдаты приказали нашему конвою остановиться и нас тоже. Мы увидели, что в нескольких повозках сидели армянские девочки восьми-двенадцати лет – по их очаровательному, нежному виду можно было предположить, что они родом из состоятельных семей. Некоторые принялись махать нам руками из-за занавесок, потому мы и заметили их. В каждом таком фазтоне находилось от шести до десяти девочек, остальные скрывались в повозках, где размеща-

лись ханумы.

Девочки рассказали нам, что они из Урфы и Алеппо, их родителей и прочих родственников убили, а самих отдали этим ханумам. Как они поняли, в Эрзеруме часть из них собирались поместить в мусульманские школы, чтобы потом, когда они немного повзрослеют, выставить на продажу. Других же ханумы планировали оставить себе в качестве прислуги или сразу по приезду продать богатым друзьям.

Ханумы вышли из своих фаэтонов и поинтересовались у заптиев, нет ли среди нас красивых девочек. Жандармы не собирались отдавать турчанкам пленниц, полагая, что те просто заберут добычу, не заплатив за нее. Поэтому они ответили, что таковых в колонне нет. Но одна из женщин заметила маленькую девочку, прижимавшуюся к своей матери, и потребовала привести ее к себе. Разглядев малышку вблизи, она увидела, что та красива, и велела солдату отвести девочку в свой фаэтон.

Мать отчаянно прижала дочь к своей груди. Турчанка с помощью солдата пыталась оторвать девочку от обезумевшей матери, но та сильно ударила хануму.

Солдат схватил несчастную женщину и обратился к турчанке:

– Что с ней делать?

– Есть у нас керосин, чтобы сжечь ее? – спросила та.

– Нет, не думаю, – ответил солдат.

Тогда ханума протянула ему руку, и он вложил в ее ладонь свой пистолет. Турчанка подошла к матери и собственноручно застрелила женщину, после чего схватила за руку девочку и повела ее к фаэтону. Девочка пыталась поцеловать свою мать, но ханума отдернула ее в сторону.

В нашем караване находилась жена Абугаятяна-аги, крупного ученого из Вана, которая бежала в Диарбекир, когда в Ване началась кровавая резня. Ее муж был приятелем Джевдет-бея. Когда солдатам было приказано убивать армян, рассказывала женщина, ее муж отправился к Джевдет-бею с протестом. И получил ответ бея – теперь он известен во всей Турции – «Ишим йок, кефим чок», что значит «Не мое дело, настроение отличное». После этого всякий раз, отправляясь убивать армян, турецкие солдаты окликали друг друга: «Ишим йок, кефим чок».

Тем путем, которым я шла тогда, ступали четыреста тысяч моих соплеменников; некоторые из них, чтобы добраться туда, преодолели

пешком тысячу, если не больше, миль. Выжившие из миллионов, что были изгнаны из своих домов – они сегодня затеряны в пустыне, где нет ни хлеба, ни воды. Дай Бог мне поскорее вернуться в эту пустыню, из которой я выбралась, и помочь деньгами и пищей тем крупнякам моего народа, которые еще, быть может, живы.

Когда мы вставали лагерем в окрестностях того или иного села, наши заптии приглашали местных жандармов и их друзей, предлагая им покупать молодых женщин на ночь. Матери и родные этих женщин не смели оказывать сопротивление, в противном случае заптии убивали их. Иногда в этих селах жили богатые турки, которые выискивали и покупали малолетних девочек. Они платили нашим конвоирам за то, что те отнимали у матерей приглянувшихся туркам детей. Этих девочек теперь учат быть мусульманками, чтобы после совершеннолетия использовать для работы на полях – тех из них, которые не станут наложницами.

В первые дни этого похода родилось трое детей. Их матерям не разрешили отдохнуть ни до родов, ни после. Беременных женщин заставляли идти с группой вплоть до рождения малышек. Иногда мужчинам удавалось недолго нести их на себе, но когда жандармы замечали это, они приказывали возвращать беременных на землю. Заптии говорили, что эти женщины не заслуживают помощи, потому что приводят в мир неверных.

Подобные ситуации изрядно забавляли жандармов. Если кто-то из них обнаруживал, что вот-вот должен родиться ребенок, то подзывал своих товарищей. Они держались рядом с бедной женщиной, заставляя ее идти до последней минуты. А потом, когда эта минута наступала, стояли вокруг, обмениваясь шутками и хохоча. Как только ребенок рождался, матери приходилось вставать на ноги и присоединяться к каравану. Если она не могла идти со всеми, заптии оставляли ее на дороге, уводя колонну вперед.

Новорожденных жандармы обычно убивали. Первых двух, родившихся недалеко от меня, они отняли у матерей и начали подкидывать вверх и ловить, будто мяч. Повторив это несколько раз, они отшвырнули тела в сторону и продолжили путь. Матери видели это, но вынуждены были двигаться дальше. Третий малыш не был убит. Он родился вечером, после того, как мы разбили лагерь. Заптии были заняты своими лошадьми и ничего не заметили. Это был прелестный

мальчик. Его отца уже не было в живых. И мать его была безмерно счастлива и одновременно печальна, когда впервые взяла младенца на руки. Она просила Бога сохранить ребенку жизнь, но это было невозможно. Женщина так мало ела сама, что кормить сына ей было просто нечем. Малыш умер от голода на руках матери.

Когда обжитой край с его деревнями остался позади, мы начали страдать от жажды. К седлам заптив были приторочены большие бурдюки с водой, но они не делились ею с нами. Мы сутками шли, не получая ни капли. Случалось, мы встречали турок, живущих у колодцев и родников, но они не разрешали нам подходить к источникам просто так, а требовали деньги за каждый стакан. Турки сторожили колодцы с ружьями и палками, не подпуская нас к ним.

Но в нашей колонне уже ни у кого не осталось денег. Наши женщины иногда осмеливались подходить к домам, перед которыми вставали на колени и умоляли дать один глоток драгоценной воды. Порой турки, убедившись, что нам действительно нечем заплатить, разрешали подойти к колодцам. Но так бывало не всегда. В одном месте староста села, побывавший в Мекке и теперь звавшийся Хаджи, предложил, раз мы не можем дать деньги или ковер, расплатиться за воду, оставив ему трех сильных мужчин для сельскохозяйственных работ.

Мы обратились к нашим конвойным, но они отказались помочь, считая, что турки правы, и если мы хотим получать воду, то должны быть готовы и платить за нее. В тот день по меньшей мере тридцать человек умерли от жажды. У некоторых женщин так распухли языки, что они не могли разговаривать. Начались обсуждения, что, может, стоит броситься к роднику всей толпой, но мы понимали, что такой шаг отнимет много жизней, потому что заптив в этом случае используют против нас свои ружья, и начнется резня.

Наконец, Арутюн Егарян, студент из Эрзерума, решил пожертвовать своей жизнью, и, обращаясь к остальным мужчинам, спросил, найдутся ли еще двое, готовые на это. И сразу два человека, потерявшие своих жен и не имевшие дочерей, выступили вперед. Многие женщины обнимали их и целовали. Арутюн стоял недалеко от меня, и я плакала о нем. Он заметил это.

– Не плачь из-за меня, девочка, – сказал он, – каждый армянин был бы рад подарить жизнь своему народу.

Потом он поцеловал меня, и мне показалось, что это был Божий по-

целуй.

Эти трое мужчин сказали, что останутся у турок и будут работать в поле. Взамен нам разрешили вдоволь напиться и набрать воды про запас – столько, сколько сможем унести.

Когда мы дошли до города Сиверек, на полпути к Урфе, мы не видели воды уже четыре дня. Три открытых колодца в одной части Сиверека питались из искусственного озера, в котором было полно воды, когда мы добрались туда.

Некоторые наши женщины были так изнурены жаждой и зноем, что бросились в озеро и утонули. Другие не смогли терпеть, когда мы дойдем до озера, и прыгали в колодцы. Их было так много, что колодец наполнился телами, и турки, вышедшие нам навстречу, вынуждены были вытаскивать их. Те из нас, которые сумели себя сдержать, собрались вокруг спасенных и смачивали свои языки, припав к их мокрой одежде.

После выхода из Сиверека среди нас вспыхнула лихорадка. Каждый день множество людей, скошенных ею, оставались на обочине. Жандармы держались на расстоянии от нас, и когда кто-либо из женщин или мужчин начинал отставать, его немедленно расстреливали.

Больных лихорадкой настолько мучила жажда, что, когда мы дошли до следующего селения, люди, не обращая внимания на ружья турок и заптив, бросились к колодцу.

После этого жандармы опасались слишком усердно отгонять нас от воды, но расквитались это в «Шейтан дереси» – Чертовом ущелье, – куда мы добрались на двадцать третий день после выхода из Диарбекира.

Когда наш караван вошел в это ущелье, жандармы оставили лошадей, поднялись выше и открыли по нам огонь. Мы оказались в ловушке: не могли ни повернуть назад, ни убежать вперед. Одного за другим заптив прицельно перестреляли всех мужчин. С раннего утра и до самой темноты они продолжали эту стрельбу со стен ущелья, и после каждого выстрела падал человек. К вечеру все мужчины либо погибли, либо были смертельно ранены.

А вечером жандармы спустились и, вооружившись ножами и штыками, напали на женщин. Первыми жертвами они избрали пожилых, и вскоре те были мертвы. Когда луна осветила ущелье, заптив выбрали молодых замужних женщин и вдов и развлекались, калеча их.

Они не убивали женщин сразу, а сначала отрезали им пальцы, руки или груди. Они выкалывали им глаза. К рассвету остались в живых лишь те, которые сумели спрятаться между скалами и камнями, и те, которые были достаточно молоды, чтобы продать их туркам. В течение следующего дня я пересчитывала выживших: из двух тысяч переселенцев, вышедших из Диарбекира, осталось сто шестьдесят человек. Я слышала, что в этом месте за все время резни турки убили более трехсот тысяч армян.

Теперь, когда нас осталось так мало, заптии заставляли колонну идти быстрее, а поскольку мы все были молоды, они стали еще более беспощадными. В то утро я очень обрадовалась, найдя среди живых женщину, которая когда-то позволила мне идти вместе с ней. Всю ночь она пряталась и сумела спасти свою маленькую дочку. Но наша радость вскоре сменилась горем: девочка заболела лихорадкой. На следующий день она больше не смогла идти. Когда один из жандармов заметил, что девочка больна, он приказал бросить ее на обочине дороги. Женщина опустила дочь на землю, но не смогла покинуть ее, когда та заплакала и протянула к матери руки. Заптий поднял штык, приготовившись убить женщину, и я оттащила ее в сторону, утешая. После каждого шага она оборачивалась и смотрела на дочку, пока маленькое тело не исчезло из поля нашего зрения.

ГЛАВА XII

ВОССОЕДИНЕНИЕ И ШЕЙХ ЗИЛАН

Наша группа стала такой малочисленной, что охранять нас было не сложно. Почти все мы были молодыми или, по меньшей мере, не очень старыми. Но после многих дней похода рядом с нами заптиями приелись обычные жестокости и изнасилования девушек под покровом темноты. Теперь они превратили наши ночи в ад, особенно свирепыми оказались турки, завербованные в деревнях для надзора за нами. Для них это оказалось прекрасной возможностью выплеснуть на христиан ту ненависть, которую ислам питает к «неверным».

Когда мы подошли к Урфе, к нам присоединилась новая группа депортированных, в которой было, думаю, четыреста или пятьсот армян из санджака Мараш, провинции к северу от Амануса, в которой находятся крупные города Зейтун, Альбустан и Мараш. Почти все эти изгнанники были из самого Мараша, некоторые – из Зейтуна. Выселение армян из санджака Мараш началось позже, чем из других областей Малой Азии. Когда Хайдар-паша издал приказ о депортации, некоторые армяне, имевшие оружие, воспротивились. Они отказались покинуть свои дома или подчиниться жандармам, если им не гарантируют возвращение к своим очагам после окончания войны.

В распоряжении Хайдара-паши на тот момент было очень мало солдат. Он послал весть в Алеппо, требуя вспомогательные силы для осуществления депортации армян. Из Алеппо в числе прочих немецких офицеров прибыл капитан артиллерии Шаппен, который сформировал отряд заптиев и обучил их обращению с пулеметом. Капитан лично руководил совместным нападением жандармов и немцев на армянские кварталы. Там, где им оказывали сопротивление, он разворачивал пулеметы и открывал огонь по жилым домам.

Из Мараша и окрестных городов под надзором жандармов и руководством капитана Шаппена были депортированы четырнадцать тысяч армян – мужчин, женщин и детей. По неизвестным причинам этих переселенцев не повели прямо в пустыню, в направлении Багдада, как других, а держали в лагерях днями, иногда – неделями, практически без воды и пищи. Затем их перемещали на несколько миль и снова объявляли привал. Прошло много недель, прежде чем они

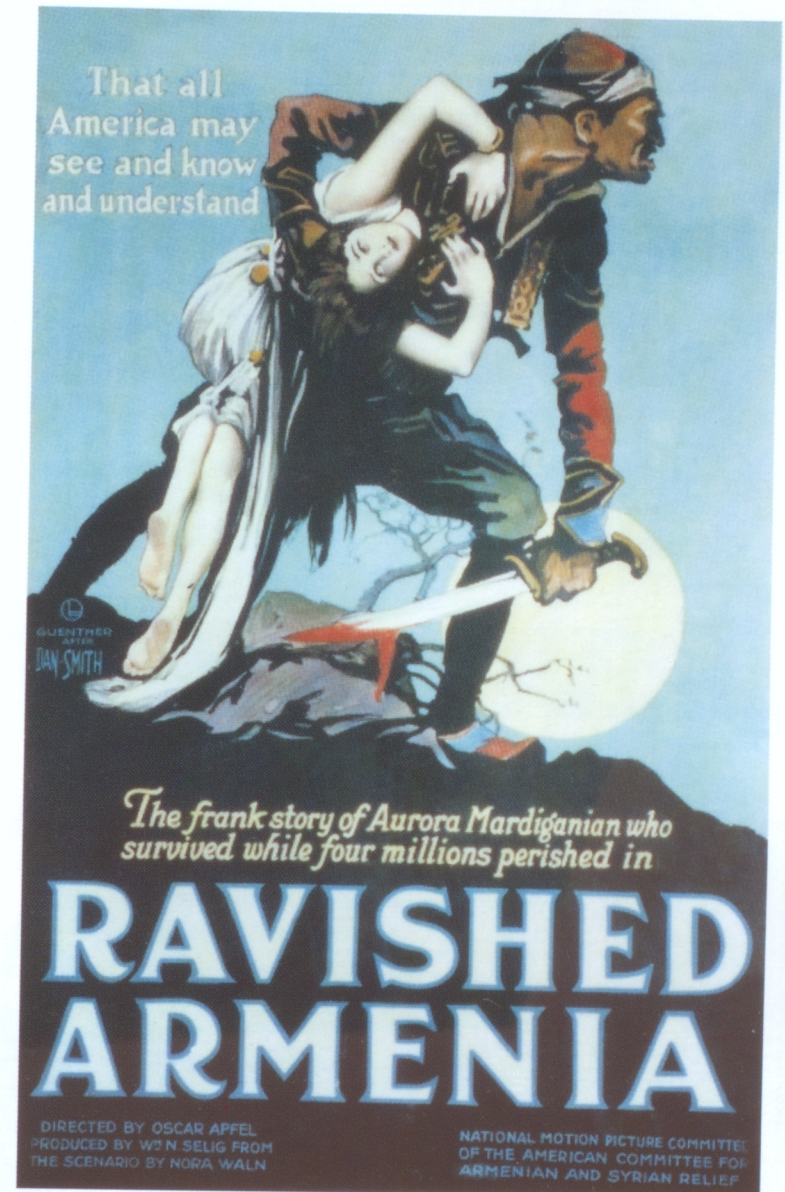
дошли до окрестностей Урфы. Когда мы встретились с ними, из четырнадцати тысяч переселенцев в живых остались лишь три или четыре сотни человек. Ни одного мужчины – только матери, дочери, тети и племянницы.

Капитан Шаппен сопровождал колонну в течение трех недель, затем вернулся в Алеппо. Он взял с собой пятнадцатилетнюю барышню Чилингарян, недавно вернувшуюся из частной школы в Германии, куда ее отправили для получения образования. Она как раз приехала домой на каникулы, когда началась депортация армян. Девушка была очень красива, а люди, знавшие ее близко, рассказывали, что она уже удостоилась нескольких наград в области музыки. Ее семья считала, что призвание их дочери – стать певицей и принести в христианский мир за пределами Турции чудесные баллады своего народа. Капитан Шаппен заметил девушку и первым же вечером увел в свою палатку. Он приставил к девушке заптя, чтобы особо следить за ней и охранять до самого отъезда.

Немец также увез с собой госпожу Сарафян, жену доктора Тиграна Сарафяна. Доктор получил образование в Швейцарии, в те годы он был самым выдающимся армянским врачом в центральной Турции. Госпожа Сарафян была швейцаркой, она влюбилась в доктора Сарафяна, когда тот был еще простым студентом и учился в ее стране. Два года назад она приехала в Мараш, чтобы выйти замуж за любимого человека. Капитан Шаппен увел ее в свою палатку почти в самом начале похода, и когда доктор Сарафян начал протестовать, немецкий офицер приказал расстрелять его.

Когда Шаппен и его сопровождающие готовились к возвращению в Алеппо, они послали заптив в окрестные деревни за ослами, предлагая за каждого одну красивую девочку. За некоторых ослов расплачивались двумя или даже тремя девочками, если те были не слишком привлекательными. Таким образом было собрано большое стадо животных, в которых, видимо, нуждалась армия.

На следующий после соединения с остатками христиан Мараша день перед нами появилась Урфа. Нам было приказано остановиться у искусственного озера – такие водоемы часто находятся за пределами мусульманских городов. Начальники наших жандармов отправились в город за новыми указаниями. Скоро приехали турки в длинных белых бурках, чтобы посмотреть на нас. Когда они увидели, что в

Афиша фильма «Растерзанная Армения», 1919 г.

Women Sold for 85c Each

Christian Women

You'll See

**AURORA
MARDIGANIAN
HERSELF**

You'll see what they went through before and after they were sold.

Substantiated by the reports of the British Investigator, Viscount Bryce, and American Ambassador Morgenthau.

AUCTION OF SOULS

Miss Mardiganian is the Armenian beauty who escaped to America after two years of unspeakable slavery in the hands of Kurdish raiders, slave markets and Turkish Harems.

NOTE—Miss Graham, a young English Mission teacher, who appears in the picture and who went through some of these horrible experiences, will appear in person at all performances and speak briefly of her adventures.

**TRENT THIS WEEK BEGINNING
TOMORROW**

CLUNE'S AUDITORIUM

**STARTS
MONDAY**

**AURORA MARDIGANIAN
HERSELF**

Living again in pictures her unimaginable experiences during two years of slavery in the hands of the Kurds and in the Harems of the Turkish Pasha, as told in the sensational book by H. L. Gide.

"RAVISHED ARMENIA"

Done into a motion picture by W. N. Selig and released by the First National Exhibitors Circuit and entitled—

"AUCTION OF SOULS"

There Can Never Be Another Picture Like It.

PERFORMANCES AT 8:15 AND 8:30
RESERVED SEATS NOW ON SALE

This is the
Picture That
Society People
Of the East Paid
\$10.00 a Seat
to See.

Our Prices:
25c-50c
Lovers \$1.00
Men 25c-50c
Lovers 75c

In All the World No Picture Like This!

The First National Exhibitors' Circuit, Inc.
has official permission to present

"Auction of Souls"

Produced by W. N. Selig for the American Committee for Relief in the Near East

From the Sensational Book "Ravished Armenia"

Aurora Mardiganian herself appears in the film
and re-enacts all of her unspeakable adventures

Miss Mardiganian is the sole survivor of half a million Christian Armenian girls and the film shows truthfully and without exaggeration what she went through during two years in Turkish Harems and in the hands of Turkish Soldiers and roving bands of Kurds, before escaping to America.

At the **PALACE** Theatre **OCT. 6-7-8**
MON., TUE., WED.

Рекламный плакат фильма «Растрезанная Армения» в Нью-Йорке

Газетные вырезки о показе фильма «Растрезанная Армения»

THE AMERICAN COMMITTEE
FOR ARMENIAN AND SYRIAN RELIEF

ANNOUNCES

"RAVISHED ARMENIA"
THE STORY OF AURORA MARDIGANIAN

The Christian Girl Who Survived the Great Massacres will be presented by the Committee in connection with its national appeal for funds with which to rescue and save the lives of the Armenian Refugees who now are crying for bread, medicine and help, from the wastes of the deserts in Asia Minor. It will be shown simultaneously in many cities.

It is the verdict of many noted experts in the production of the most spectacular and absorbing motion pictures that

"RAVISHED ARMENIA"
THE STORY OF THE GIRL WHO SURVIVED

is the greatest motion picture achievement in theme, human interest, seriousness of purpose and thrilling development of dramatic conception ever attempted.

Those who are privileged to see it will also help
SAVE A LIFE

Афиша благотворительного показа фильма
«Растерзанная Армения», 1919 г.

Ravished Armenia

American Weekly
SECTION 2, BOSTON SUNDAY AFTERNOON AND NATIONAL EDITION, JANUARY 12, 1919
Published by the American Weekly Company, Boston, Mass.

*How Little
Aurora Mardigian,
Who Escaped from
the Cruel Turks,
is Helping
to Raise
\$30,000,000 to
Save what is
Left of These
Persecuted Christians*

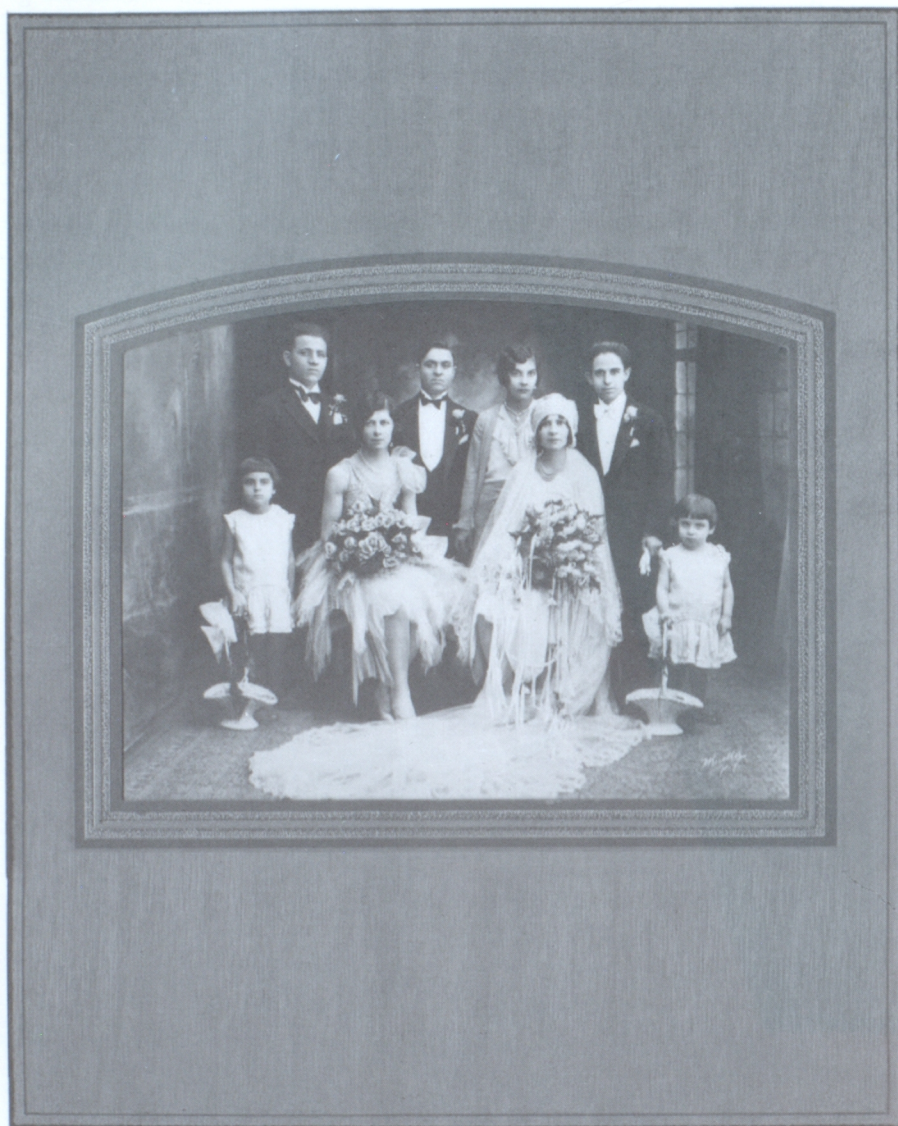
PRESIDENT WILSON, by public invitation, has designated this week for a nation-wide appeal for funds for the work of the American Committee for Relief in the Near East, formerly the American Committee for Armenia and Syrian Relief. It is a tremendous task—the rescue and relief of the shattered remnants of those persecuted Christians who have at last been freed from the bloodthirsty Turks.

It was one of the most eye-opening spectacles of this Committee that little Aurora Mardigian, who escaped from the city of Trebizond, fell as she staggered into the city of Boston from the hands of her murderers. In gratitude for her rescue Aurora has exhibited her scenes with the Committee to help raise the \$30,000,000 which President Wilson deems so urgently needed.

The little girl has undertaken to present in a beautiful, fully equipped motion picture her heartrending sufferings and experiences during the two and a half years she was held captive by the barbarous Turks and Kurds.

This remarkable film, taken under the direction of the American Committee for Relief in the Near East, will be exhibited all over the United States by the Committee, and every dollar taken in at the motion picture theaters will be sent to Armenia. Among the members of the Committee who have this in charge are ex-President Taft, Judge Charles E. Hughes, Cleveland H. Dodge, Bishop Doane and ex-Ambassador Morgenthau.

Афиша фильма «Растерзанная Армения», напечатанная в еженедельнике
«American Weekly» от 12 января 1919 г.

*Свадебная фотография Авроры Мартиканян,
Лос-Анджелес, 1928 г.*

Аврора Мартиканян с сыном Майклом

Район Лос-Анджелеса, где в последние годы жизни обитала Аврора Мартиканян

Место, где был погребен прах Авроры Мартиканян

нашей группе были только молодые женщины и девочки, то разнесли эту весть по всей Урфе, и через некоторое время десятки турок небольшими группами потянулись в лагерь.

Они принялись уговаривать заповиев разрешить им выбрать и увести женщин и детей. Жандармы не соглашались, требуя максимальную плату, которую только можно было получить за христианских женщин. Они дали понять туркам, что провели нас такой долгой дорогой и сберегли нам жизнь, чтобы теперь назначить за нее «хорошую цену» на рынке Урфы.

Но турки не захотели платить так дорого, и запови не стали с ними торговаться. Жандармы заявили, что в Урфе хороший рынок для продажи красивых армянок, и им выгоднее получить разрешение мутасарифа на поиск покупателя, который заплатит больше. Турки вернулись в город ни с чем.

Вечером того же дня, после захода солнца, те же турки появились снова, чтобы открыть шлюзы, сдерживавшие искусственное озеро. Вода разлилась по полям и затопила место нашей стоянки. Мы кинулись к безопасным возвышенностям, поднялась суматоха. Даже запови оказались застигнуты врасплох. Во всеобщем смятении турки устремились в наши ряды и начали хватать девочек – самых милостивых, каких успевали заметить. Мы были бессильны спасти их: турки вооружились тяжелыми палками и били тех матерей, которые пытались освободить своих детей. Когда мы убежали от воды и снова собрались вместе, а жандармы опомнились, турки уже удалились. Вместе с ними исчезли пятнадцать или двадцать красивых девочек.

Позже я узнала о дальнейшей судьбе девочек, украденных, когда на нас спустило озеро. Хайдар-паша захватил древний армянский католический монастырь, превратив его в «государственную школу для детей переселенцев». Уже в Америке мне стало известно, что, когда иностранные послы жаловались султану на похищения детей, его чиновники отвечали, что дети изымаются с добрым намерением, дескать, правительство желает создать спокойные и комфортные условия для них в «государственных школах» Урфы и других городов.

Что же собой представляла «государственная школа» в Урфе?

Хайдар-паша послал своих солдат под командованием одного бея занять большое каменное здание монастыря. Они окружили монастырь и, выстроившись двумя рядами, повели между собой всех мо-

нахов, среди которых были отец Антоний и отец Шираджян, очень уважаемые и протестантами, и армянами-католиками священники. Солдаты вывели их за городскую стену. Там процессия остановилась, и бей спросил, кто из монахов хочет принять исламскую веру и отречься от Христа.

Когда бей замолчал, отец Антоний громким голосом запел одну старую песню доброго Святого Фомы Аквинского, которую подхватили все монахи.

Поющими их и расстреливали – залп за залпом, – пока все не погибли. Вот последний монах упал мертвым, слова песни замерли на его устах.

После этого Хайдар-паша вынес из храма все реликвии и религиозные символы. Среди них некоторые предметы были очень дороги моему народу. Например, там была часть копья, пронзившего тело Спасителя на кресте. Что случилось с этим и другими предметами, связанными с жизнью Иисуса Христа, которые хранили святые отцы монастыря, я не знаю. Говорят, что их увезли в Дамаск и поместили в одну мечеть на потеху мусульманам.

Очистив монастырь, Хайдар-паша выбрал из числа армян, подлежавших депортации, девушек из хороших семей и запер их в монастыре. Затем туда же поместил сотни захваченных девочек в возрасте от семи до двенадцати лет, чтобы обучать и воспитывать их как мусульманок. Угрожая страшными пытками, он принуждал взрослых девушек учить младших исламской вере. В этот монастырь потом со всех уголков Малой Азии приезжали богатые турки и покупали сколько угодно малолетних девочек для своих гаремов, где те росли смиренными рабынями.

Пока мы ожидали, расположившись за городом, как дальше распорядятся нами заплети, я увидела, как со стороны городских ворот в нашу сторону направляется отряд хамидие, а следом за ними движется груженный обоз из ослов и повозок, говоривший о том, что им предстоит долгое путешествие. Похоже, там был целый полк всадников, поскольку их цепь протянулась от города через всю равнину.

Когда они приблизились к нам на расстояние около сотни ярдов, я увидела между рядами всадников группу женщин и детей верхом на ослах и пони. Сразу стало ясно, что они – армяне. Это было необычное зрелище: армяне под защитой, а не под стражей. В те дни мое лю-

бопытство притупилось: столько необычных событий постоянно происходило вокруг, что я утратила интерес ко всему, что не имело ко мне отношения. Но тут что-то заставило меня внимательно следить за этой странной компанией.

Я поднялась с земли и подошла к окраине лагеря посмотреть на проходивших солдат. Вот проследовали первые ряды, приблизились армянские женщины. Внезапно весь мир обрушился на меня, и все заволокло туманом. Я бросилась между лошадьми, крича во весь голос: – Мама, мама, мама!..

Мать услышала, услышал и маленький Овнан, услышали Мартирос и Сара. Мама соскользнула с осла, когда я подбежала к ней. Я пыталась обнять ее, но маленькая сестра и братья повисли на мне. Мама поймала мои руки и прижала их к себе. Ее глаза были закрыты, она была спокойна и молчалива. Я окликнула ее, чтобы она поговорила со мной. Ужасный страх охватил меня. Неужели она сошла с ума? Неужели она потеряла голос?

Я закричала снова, в моем голосе была тоска. Мама открыла глаза. – Потерпи, доченька, – сказала она с той кроткой нежностью, за которую ее любили все наши близкие. – Потерпи, доченька. Я только что говорила с Богом. Благодарила за то, что Он услышал мои молитвы.

Я поцеловала Овнана, Мартироса и Сару, потом обернулась и снова посмотрела на маму. Маленькая Арусяк – ее не было с ними! Мама прочитала вопрос в моих глазах.

– Арусяк покинула нас. Однажды она очень устала и не могла идти. Один солдат швырнул ее в пропасть.

Офицер хамидие подошел узнать, что случилось, и почему мать и дети спешили и мешают всадникам, стоя у них на пути. Мама объяснила, что я – ее дочь, которая вернулась к ней. Она попросила офицера позволить мне присоединиться к их группе. Тот оказался добрым и разрешил, пообещав прислать для меня осла.

Кроме нас в группе ехали еще четыре молодые девушки и несколько пожилых женщин, чьи лица были отмечены следами многих страданий. По дороге мама рассказала следующее.

Когда, много недель назад, меня отняли у мамы, она упала под жестокими ударами солдат и лежала на обочине, израненная. Но мысль о детях вернула ее к жизни. Добрые люди заботились о ней, и на следующий день, когда караван тронулся, а мама еще не могла ходить,

друзья несли ее на руках.

Мама прошла Малатию, Гейлик, Диарбекир и, наконец, дошла до Урфы. К этому времени из четырех тысяч армян, изгнанных из Чмшкацага, осталось всего восемнадцать человек.

В Урфе жил мой дядя, двоюродный брат мамы, Ипранос Мартиканян, который перебрался в Урфу из Чмшкацага много лет назад – меня еще и на свете не было. Дядя Ипранос сильно разбогател и основал большое торговое дело, с филиалами даже в Персии и Константинополе.

Во время гамидовских погромов 1895 года приятели дяди Ипраноса, влиятельные турки Константинополя и Урфы, посоветовали ему отречься от своей веры и стать мусульманином, чтобы спасти жизнь. Он притворно последовал их совету, и за этот поступок был вознагражден ответственным государственным постом и высоким общественным положением. Он принял турецкое имя и звался теперь Ибрагим-ага, однако втайне продолжал молиться Богу и остался христианином.

Мать вспомнила о нем, когда с переселенцами дошла до Урфы. Она знала, что дядя поддерживал турецкую политику, следовательно, его не воспринимали как армянина. Мама попросила одного из конвоиров отнести в город записку, заверив его, что если он совершит это тайно, то получит вознаграждение. Солдат отнес записку Ибрагиму-аге. В письме мама просила двоюродного брата о помощи – во имя их семьи, – а также дать немного денег солдату.

Мамино письмо очень огорчило Ибрагима. Он отправил ей сообщение, пообещав помочь. Дядя, не медля, отправился к Хайдару-паше и получил его разрешение привести к себе сестру и ее детей. В доме Ибрагима-аги мама встретила четырех армянских девушек. Их матери были депортированы из Урфы, но перед высылкой успели обратиться к Ибрагиму-аге, чтобы тот защитил их дочерей. Он не мог отказать, хотя тем самым ставил под удар свою собственную жизнь, и спрятал девушек от соседских глаз в своем доме. А в подвале дома скрывались еще несколько пожилых женщин. Ибрагим-ага привел их с улицы, когда они оказались вне поля зрения солдат.

Больше месяца мама с детьми прожили в безопасности под крышей дома дяди Ибрагима. Но в один прекрасный день Хайдар-паша пригласил Ибрагима-агу в правительственное здание. С тяжелым сердцем

вернулся он оттуда. Хайдар-паша сказал, что больше небезопасно держать дома своих родных, будто бы в Урфе находятся высокопоставленные офицеры, и если кто-то из них прослышит об армянах, которых тут защищают, то и их всех убьют, и сам Ибрагим-ага пострадает.

Но Хайдар-паша предложил получить от турецкого генерала в Алеппо разрешение вернуться на север, в свои дома, для мамы с детьми и других переселенцев, о которых сообщил Ибрагим-ага – вместе с солдатами, которые отправлялись в Муш для присоединения к кампании против русских. За свои хлопоты Хайдар-паша запросил тысячу лир сразу – почти 5000 долларов – и еще столько же, когда мама и другие женщины дойдут благополучно до своих домов и получают от местных властей разрешение остаться в своем городе. Паша обещал сам похлопотать об этом.

У дяди не было другого выхода, он вынужден был согласиться. У четырех девушек на севере не было ни дома, ни родных, но они должны были или пойти с мамой, или присоединиться к другим депортированным и попасть в руки турок. Мама согласилась взять их к себе домой в Чмшкацаг, если, конечно, им действительно суждено дойти туда живыми и невредимыми.

В Муше формировался армейский корпус. Турки отступили перед первым продвижением русских войск на Кавказ, и ванский вали Джедет-бей стягивал туда армию для атаки на русские фланги, уже достигшие Вана. Солдаты заняли в Муше все дома, из которых были изгнаны армяне, и офицеры хамидие считали, что лучше будет разместить нас за пределами города, пока не будет распоряжения продолжить путь.

Мама рассчитывала, что документы, выданные ей Хайдаром-пашой, обеспечат нам сопровождение от Муша до Чмшкацага. Хайдар-паша обещал также телеграфировать властям Муша, чтобы гарантировать нашу безопасность.

Мы остановились в нескольких милях от Муша в селе Курдмейдан, у подножия горы Андок. В этом селе раньше было много армян, там даже была армянская церковь. Всех армян уничтожили, а их домами завладели мухаджире – мусульманские иммигранты из потерянных земель на Балканах. Мы вошли в заброшенную церковь и устроились в ней, ожидая указания отправиться дальше. Офицеры хамидие вызвали мудира села и предупредили, что мы «находимся под Высочайшим покровительством», и нас нужно обеспечить пищей и защитой.

Крестьяне отнеслись к нам доброжелательно: велик страх населения перед всем «официальным» или правительственным. Шли дни, но из города не поступало никаких вестей. Мы начали беспокоиться. Мама очень хотела снова увидеть наш дом в Чмшкацаге.

– Если бы не ты и дети, – говорила мне мама, – я бы мечтала умереть на пороге нашего дома, только бы Господь позволил взглянуть на него еще раз!

Моя бедная, дорогая мама!

Мы не осмеливались одни идти в город и выяснять, что будет с нами. Мы могли только ждать.

Однажды вечером, сразу после мусульманской молитвы, улицы маленького селения заполнились всадниками. Несколько турчанок, стоявших у церкви, вбежали внутрь, чтобы не попасть под копыта лошадей.

– Это шейх Зилан, – сказали они. – Шейх Зилан из племени белек, который спустился с гор вместе с тысячами своих курдов в ответ на призыв присоединиться к борьбе против русских.

Имя шейха Зилана было широко известно. Его всадники много лет опустошали край. Говорили, что до войны он со своими соплеменниками часто совершал набеги в Персию и даже на русский Кавказ, где похищал женщин для продажи на подпольных невольничьих рынках в европейской части Турции.

Племя было на пути в Муш. Они знали, что с наступлением темноты вход в город запрещался, поэтому решили переночевать в Курдмейдане. Кто-то из спутников шейха заметил здание армянской церкви и счел его пригодным к использованию в качестве конюшни для лошадей шейха и его вождей. Они ворвались внутрь, а мама и все остальные забились в угол. Но спрятаться было невозможно, курды заметили нас и подняли шум. Вскоре церковь заполнили их дикие соплеменники.

Мама показала документы Хайдара-паши. Бумага внушила курдам почтение, и они позвали одного из своих главарей. Тот пришел и внимательно прочел письмо. Затем пристально оглядел нас.

– Паша пишет про одну армянку с тремя детьми и слугами, которым обещаны неприкосновенность и безопасность. Это мы гарантируем, хотя слова паши ни к чему не обязывают великого шейха Зилана. Однако в письме паши ничего не говорится о пяти молодых

армянках, которые слишком взрослые, чтобы называться детьми, и слишком юные, чтобы описывать их как прислугу. Этих мы заберем, так как обязательство паши на них не распространяется.

Они не поверили, что я тоже дочь моей матери. Они забрали меня и четырех девушек, которых мама привела из дома Ибрагима. И вынудили маму покинуть церковь и искать приют в соседнем дворе. А нас увели из села и повели в свой главный лагерь.

Курды вожжами связали наши руки за спиной, а потом всех нас сцепили друг с другом, пропустив веревку между рук. Скоро посмотреть на нас явился сам шейх Зилан. Он взглянул на наши лица и остался доволен. Шейх дал какие-то непонятные нам указания, видимо, связанные с нашей охраной, и удалился. Всю ночь мы просидели на земле, связанные таким образом, что лечь было невозможно. Курды поглядывали на нас с любопытством и вертелись рядом. Часто кто-нибудь из них больно пинал одну из девушек, заставляя обернуться к нему лицом. Но больше нас никак не обижали.

ГЛАВА XIII

СТАРЫЙ ВАРДАПЕТ И ЗОВ ПАСТУХА

Ранним утром нас привязали к лошадям и повезли в город. Впереди группы ехал сам шейх Зилан, за ним следовали несколько его вождей. В городе четыре всадника привели наших лошадей в один из бедных кварталов и оставили там под присмотром курда, на вид очень безжалостного. Скоро мы узнали, что это был Бекран-ага, печально известный работорговец из Муша.

Десять тысяч армянских девушек – нежные, благородные дочери христианских семей, студентки, молодые преподавательницы, богатые и бедные – пережили в свое время такой же ужас, какой охватил мою душу, когда я поняла, что нахожусь в плену у такого негодяя. Долгие годы под крышей его дома процветала торговля рабами, но никогда она не была такой прибыльной, как теперь, когда он получил доступ к армянским девушкам.

На ночь Бекран разместил нас в хлеву, где держали ослов. Утром его хамал пришел покормить животных. Закончив эту работу, он приказал нам следовать за ним.

Бекран ожидал нас в своем селамлике. Увидав его, я вздрогнула: это был высохший, изможденный старик со свирепым взглядом. Подле него находилась негритянка. Он сидел на полу, по старому обычаю. Селамлик был пустой и неопрятный, кругом виднелась грязь. Одежда Бекрана была хоть и из дорогой ткани, но уже обтрепанная и рваная. Однако я знала, что Бекран должен быть очень богат: беспомощность армян принесла ему хорошую прибыль.

Мы пали перед ним на колени, согнувшись так, как это делают мусульмане – только чтобы заставить его услышать наши мольбы. Я испытала так много страданий и думала, что обязательно смогу убедить этого старика отпустить меня к маме. Но Бекран не произнес ни слова. Лишь его взгляд перемещался по нам, я чувствовала его тяжесть. Хамал одну за другой ставил нас на ноги по знаку своего хозяина, чтобы тот смог оценить наш рост, фигуру и привлекательность. После этого Бекран подал еще один знак, и нас провели через внутренний двор в просторную комнату за каменной дверью, где содержалось множество других девушек – в основном армянки, но среди них была

то ли черкешенка, то ли русская девушка с Кавказа.

Вскоре хамал принес в комнату инжир и хлеб. Но мы не могли есть – ни я, ни те четыре девушки, которые шли с моей мамой из Урфы. И среди остальных пленниц тоже немногие притронулись к еде: все попало в руки Бекрана недавно, и были слишком подавлены и печальны. Когда слуга заметил, что новенькие ничего не едят, он сказал: «Это хорошо, не придется тратить лишнее время на умывание». Потом он велел нам хорошенько отчиститься от следов ночей, проведенных среди песков и в ослином хлеву, водой из источника во дворе.

Пока мы умывались, к хамалу присоединились еще двое слуг. Все вместе они построили нас в один длинный ряд. Девушки, попавшие в дом раньше, тоже были здесь, они уберегли нас от ударов кнутов хамала и его людей, предупредив, что мы должны делать.

Нас провели в большую комнату в задней части дома; она была совершенно пуста, если не считать кучи подушек на ковре в углу. Нам разрешили сесть на пол – где захотим, кроме того угла, в котором лежали подушки. Вскоре пришел Бекран-ага и расселся на них.

Все утро шли покупатели. Как только один из них заканчивал свой разговор с Бекраном, хамал хлопал в ладоши, и мы вставали вокруг посетителя. Многие девушки были проданы, за каждую давали несколько центов. Рынок был слишком переполнен ими, чтобы требовать более высокую цену. Когда одну из девушек продавали, она ожидала, пока придет слуга покупателя и заберет ее.

К вечеру второго дня в комнату вошел посетитель, которого Бекран-ага встретил с глубоким почтением. Он был слугой, но по его одежде было видно, что это слуга богатого человека. Из оставшихся девушек он выбрал трех, в их числе и меня. Пока мы стояли рядом и ждали, он торговался с Бекраном. Наконец, они пришли к соглашению. Меня купили за один меджидие – 85 центов!

На улице нас ждал фаэтон. Меня и двух других девушек поместили в него и привезли в загородный дом, который занимал вали Вана Джевдет-бей, командующий операцией турецкой армии против русских войск.

Нас тотчас же увели в гаремлик, где уже было много молодых армянок. Перед заходом солнца пришла калфа, старшая служанка гарема, и спросила каждую из нас, готова ли та отречься от своей религии и стать мусульманкой. Калфа объяснила, что только те смогут

остаться на попечении и под покровительством могущественного Джевдет-бея, кто добровольно примут ислам.

Джевдет-бей был чудовищем, судя по его деяниям – одним из самых бесчеловечных среди всех турок, но при этом, очевидно, он желал соблазнить положение фетвы, изданной Абдул-Гамидом и все еще действующей, которое запрещало владение армянскими и другими христианскими девушками, если только те не примут мусульманскую веру.

Я не знала, что сделает со мной калфа, если откажусь принять ислам. Я боялась, что наказанием станет смерть или публичный дом, но не могла заставить себя отречься от Христа, столько времени оставаясь верной Ему. Тогда я обратилась к Господу нашему, чтобы Он сказал мне, как поступить, и Его ответ был таким же ясным и прямым, как и тогда, когда я готовилась пустить в ход свой нож в скалах под Диарбекиром. Будто наяву я увидела отца Рубена, нашего священника, и даже снова почувствовала его руку на моем плече – все было точь-в-точь как в ту минуту, когда он сказал мне: «Всегда верь в Бога и оставайся верной Ему». И я ответила калфе, что не могу предать Христа.

Одна из девушек, которую привели со мной к Джевдет-бею, тоже отказалась отречься от своей веры, даже ради спасения своей жизни. Третья девушка много страдала и мучилась, ее сердце и душа были сломлены. Она согласилась. Калфа отправила ее в другую комнату. Через некоторое время нас – тех, кто не отступился от веры – вызвали, поместили в разные повозки и увезли. Какова была участь другой девушки, я не знаю. А меня доставили в дом одного из богатейших турок Муша, Ахмед-бея, в качестве подарка от Джевдет-бея.

Я не могу забыть уныние, овладевшее мною, когда я ступила во двор дома Ахмед-бея. С тех пор, как началось переселение, меня дважды приводили в дома турок как пленницу и оставляли на милость хозяина. Однако теперь я чувствовала, что будущее мое стало мрачнее, чем когда-либо раньше. Возможно, это произошло из-за того, что дом Ахмед-бея находился за городом, на равнине, и был похож на тюрьму. В его гареме жили двадцать четыре девушки, каждая хранила в памяти собственные страдания, порой даже более ужасающие, чем мои.

Сам Ахмед-бей был очень стар, однако несколько девушек из этих двадцати четырех все же стали жертвами его похоти. Остальных он разделил между двумя своими сыновьями. Ахмед принадлежал, похоже, к тому типу фанатичных турок, с которым мне еще не приходи-

лось встречаться. Его интересовали не столько молодые женщины, сколько те дети, которых они должны были выносить и родить от его сыновей – дети, в которых благородная армянская кровь смешается с кровью дикого турка, улучшит и укрепит его род.

На следующий день Ахмед-бей велел привести меня. Я попросила у слуг гаремлика одежду, но они не дали сами и не позволили принять ее у других девушек:

– Нет, ты не получишь одежду, пока Ахмед не изъявит такое желание, – был ответ калфы на мою просьбу.

Ахмед-бей заговорил со мной ласково, но от этой ласки было больше, чем от ударов.

– Ты будешь одной из моих любимых женщин, – сказал он, – потому что тебя прислал его превосходительство Джевдет-бей.

Он дал знак, и темнокожая девочка-рабыня приблизилась, держа на руках роскошное платье, какие носили турчанки привилегированного класса.

– И это, и еще много других красивых вещей, моя доброта и благосклонность – все станет твоим, если будешь покорна и почтительна, – сказал Ахмед-бей, – И в первую очередь ты должна отречься от Христа, принять и научиться почитать Аллаха и Мухаммеда, пророка его.

Я ответила, что устала от перенесенных мучений. Но моя мать вверила меня Божьей заботе, а, значит, и я не покину моего Господа.

Ахмед от моих слов пришел в ярость. Его нежность сменилась бешенством. Он трясся от гнева, бранил меня и мой народ, оскорблял мою религию. Слушая его богохульства, я плакала от стыда, но в нем не было жалости. Я умоляла подарить мне свободу, чтобы я смогла вернуться к матери. Я рассказала о том письме, что дал маме Хайдар-паша из Урфы. Он не стал меня слушать.

Маленькую рабыню отправили за одним из сыновей Ахмеда. Тот появился практически сразу. Ахмед-бей называл его «Назим».

– Это та девушка, – сказал Ахмед, – которую подарил мне сам Джевдет-бей. А я предназначил ее тебе, потому что она молода и красива. Но нужно сломить ее дух. Я послал за тобой, чтобы ты взглянул на нее и решил, что с ней делать.

Сын Ахмеда обратился ко мне, но я не ответила. Тогда он взял меня за руку, притянул к себе и поднял мое лицо, чтобы посмотреть в глаза.

– Предоставь ее мне, отец, я попробую убедить ее стать счастливой

в нашем доме.

Рабыня проводила меня в маленькую комнату, окна которой смотрели во двор. В помещении стояла оттоманка. Я попросила рабыню дать мне одежду для прикрытия наготы, но она не могла этого сделать без разрешения. Когда она оставила меня, Назим вышел из селамлика, пересек двор и сразу пришел ко мне.

В его голосе была та же ласка, что и у его отца – и она хлестала так же больно. Назим уговаривал меня принять мусульманство, чтобы я могла стать его «невестой». Он добавил, что мои страдания станут невыносимыми, если я откажусь, но если соглашусь – буду жить в роскоши.

Я понимала, что избежать этого невозможно. И мои мысли вернулись к маме. Я сказала Назиму, что пока моя мать остается изгнанницей, обреченной на смерть бродягой, и речи не может быть о том, чтобы мне стать «невестой». А если он спасет маму и приведет ко мне, я спрошу ее, не лучше ли мне пожертвовать своей верой в обмен на жизнь и безопасность. И если она согласится, что так будет правильно, то я позволю своей душе погибнуть, чтобы мое и ее тела могли жить рядом, утешая друг друга.

– Ты должна запомнить, что рабыня не может ставить условия, – сказал он и зашагал прочь.

Шли часы; съездившись на оттоманке, я ждала. От каждого звука шагов я приходила в ужас, думая, что снова идут за мной, и что теперь за этим вызовом последуют пытки. Наконец появился заптий, который был одним из личных слуг Ахмед-бея. Он грубо поднял меня и потащил за собой через двор на дорогу перед домом. Недалеко за стеной сада стояла группа жандармов.

А между ними я увидела маму, маленьких Овна, Мартироса и Сару – моих братьев и сестру, – и остальные женщины из маминой группы тоже были там. Когда я просила Назима вернуть мне маму, то сообщила ему, где они находятся. И он послал за ними.

Я попыталась вырваться, чтобы бежать к родным. Заптий, стоявший рядом, задержал меня. Моя мама опустилась на колени с воздетыми к небу руками. Сара, раскинув руки, метнулась ко мне: «Аврора, Аврора, не дай им убить нас!» – зарыдала она. Заптий поднял вверх тяжелую рукоять кнута и опустил его на головку Сары. Удар был таким сильным, что отбросил ее маленькое тело далеко от дороги. Она

больше не шевелилась, кнут разбил голову моей маленькой сестры.

Это увидела мама, увидели Мартирос и Овнан. Мать рухнула на землю и осталась неподвижной. Один из жандармов поднял ее и хлестнул кнутом. Я опустилась на колени перед начальником заптиев.

– Пощадите мою маму, пощадите моих братьев, – кричала я ему, – Я сделаю все, что угодно, я буду принадлежать Аллаху, я буду возносить ему благодарности – только пощадите моих родных.

– Будет так, как пожелает Назим-бей, – сказал жандарм.

Я ничего не понимала, просто вцепилась в него и умоляла. Попробовала коснуться матери, но заптий ударом ноги отшвырнул меня на землю. Внезапно я поняла, чего они ждали. Из дома вышел Назим-бей. Когда я увидела его, то на коленях подползла к его ногам, умоляя о милосердии.

– Я стану турчанкой, я буду молиться Аллаху, я буду покорной – ради спасения мамы, – закричала я ему.

– Это очень хорошо, но ты должна стать не просто мусульманкой, но еще и дочерью мусульманки – так будет гораздо лучше, – ответил Назим. – Что скажет на это старуха?

Один из жандармов снова встряхнул маму и поднял на ноги. Он поднял кнут и приказал:

– Клянись, быстро!

– Мама, умоляю! Бог простит тебя, и папа на Небесах – он тоже поймет, – крикнула я.

Мать была очень слаба, чтобы говорить громко, но одними губами она прошептала:

– Господь Святого Григория, да будет воля Твоя.

С силой обрушился тяжелый кнут заптия. Мама повалилась на землю. Я пыталась добраться до нее, но жандармы схватили меня. Я боролась, но они держали очень крепко. Кнут падал снова и снова. Мартирос кричал и пытался загородить маму своими слабыми ручонками. Второй заптий схватил его и убил одним ударом рукояти кнута. Когда они отшвырнули моего брата, его безжизненное тело упало почти к моим ногам.

Овнан повис на жандарме, избивающем маму, но его силы были слишком малы. Заптий даже не замечал его, пока тело мамы не обмякло, и стало понятно, что она умерла. После этого жандарм вынул нож и пронзил им маленького Овна.

Все произошло так быстро – за две, может быть, за три минуты, которые я простояла, удерживаемая запятиями. Но в те короткие мгновения все, что еще принадлежало мне в этом мире, было сметено: и мама, и Мартирос, и Овнан, и Сара. Их тела лежали у моих ног. Мама и Овнан погибли, повернув ко мне свои лица, глядя прямо в мои глаза! Я и сейчас вижу их, каждый день и каждую ночь – почти ежечасно, – когда я смотрю на этот новый мир вокруг меня. Мне нужно держать глаза закрытыми несколько часов кряду, чтобы это видение оставило меня.

Я услышала, как Назим-бей отдает приказ своим запятиям. Некоторые из них взяли тела моих близких и унесли – не знаю, куда. Другие подняли меня с земли и отнесли назад в дом, в ту комнату, где стояла оттоманка. Два дня никто не посещал меня, кроме рабынь. Все это время я проплакала, не в силах остановить слезы. Из-за этого мои глаза ослабли, и теперь я плохо вижу без очков.

На третий день Назим-бей и его отец вошли в мою комнату. Ахмед-бей заговорил с той же невыносимой мягкостью:

– Что случилось – то случилось, маленькая. Пришло время тебе подумать о своем будущем. Назим-бей желает тебя, ты должна гордиться этим. Он тебя наказал за твое упрямство, но может простить и впустить в свое сердце. Все идет так, как должно. Твой народ ушел. Теперь никто не даст тебе плохой совет. Теперь ты примешь милость Аллаха и будешь жить в истинной вере.

– Я хочу умереть, убей меня. Я никогда не буду слушать ни твоего сына, ни твоего Аллаха, – сказала я.

Они перевели меня в другое крыло дома, в темницу. Там было только одно окно, забранное железной решеткой, которое смотрело во двор. И не было ни дивана, ни подушек – лишь пол и стены. Окно располагалось так высоко в стене, что я ничего не могла видеть, кроме неба – того самого неба, которое стало очевидцем стольких трагедий в моей растерзанной Армении.

Бесследно проходили день за днем, ночь за ночью. Каждый день алаики¹ приносили мне хлеб, ягоды и молоко. И каждый день приходил ходжа, духовный наставник, с вопросом, готова ли я принять ислам. Но каждый день Бог все ближе прижимал меня к Себе, впуская в Свое сердце, ибо я все еще хранила мужество говорить с Ним.

¹Рабыни гарема.

И вот однажды, после стольких дней, что я уже потеряла им счет, Господь дотянулся ко мне через окно темницы. Меня разбудила суматоха во дворе, где обычно ночами бывало очень тихо. Вскоре я разобралась, что происходит: в ворота загоняли овец. Стадо Ахмеда возвращалось с горных пастбищ, видимо, из-за военного положения.

Я слышала, как закрылись ворота. А следом сквозь беспокойное блеяние возбужденных овец до меня донесся свист пастуха – призыв, которым он старался успокоить стадо. Я вскочила на ноги, сердце заколотилось от волнения. Затаив дыхание, я прислушивалась, и вот пастух повторил свой зов. Я была уверена, что это был тот самый свист – резкий и пронзительный, – которому учил своих пастухов мой отец, этот зов он перенял от своего отца в детстве, узнав, что тот пас овец на обширных пастбищах Мамурет-уль-Азиза. Когда я была ребенком, наши пастухи смеялись над моими попытками им подражать. И я страшно обрадовалась, когда однажды мне удалось свистнуть так хорошо, что стадо внезапно перестало щипать траву и собралось вокруг меня.

Я была уверена, что ни один другой пастух, кроме наших, или, по крайней мере, тех, что были родом из Чмшкацага, не мог знать этот призыв. Овцы Ахмеда устали и нервничали. Неизвестный пастух оставался среди них, то и дело повторяя свой свист, все тише и тише. Я подошла к окну, подняла лицо к металлическим прутьям решетки и повторила зов. Мне казалось, что даже овцы почувствовали что-то необычное. Они все неожиданно затихли. Я свистнула снова, на этот раз смелее. Пастух немедленно откликнулся, и в его ответе можно было прочесть удивление.

Я уже научилась, высоко подпрыгнув, хвататься за прутья оконной решетки и подтягивать себя так, чтобы лицо оказывалось над подоконником. Часто я проделывала это, чтобы хоть мельком увидеть двор. Но у меня не хватало сил удержаться в таком положении дольше нескольких секунд.

И теперь, в надежде хоть на мгновение увидеть пастуха при лунном свете, я подтянулась к окну. Оказавшись наверху, вновь свистнула. Наконец, после нескольких попыток, мне удалось привлечь его внимание к своему окошку. Когда он понял, что именно здесь находится в плену тот, кто пытается подать ему знак, он трижды быстро свистнул прямо под моим окном.

Я не посмела окликнуть его, но оторвала большой лоскут от выданного мне платья и, свернув его как мячик, бросила вниз. Он заметил его и свистнул негромко. Я надеялась, что он поймет это как сообщение о моем заточении и освободит меня. Трудно было поверить, что какой-то армянский пастух остался в живых, но, кажется, это было именно так.

Утром, когда овец выпустили со двора, пастух снова свистнул под моим окном. Я поняла, что он пытался привлечь мое внимание, и тихонько ответила ему. В тот день проснувшаяся надежда наполнила меня мужеством. Я была уверена в близости спасения, хотя и не могла объяснить, почему.

Я даже не пыталась заснуть в следующую ночь. Стадо овец вернулось рано. Пастух свистнул. Через час вновь послышался его зов: он по-прежнему был во дворе. Была почти полночь, когда раздался стук по металлической решетке окна. Я посмотрела вверх, а там, в ореоле лунного света – хорошо знакомый мне облик, лицо нашего Старого Вардапета, который рано утром в Пасхальное Воскресенье пришел в наш дом со своим недобрый пророчеством – тем пророчеством, которое сбылось. Бог его послал ко мне и помог расслышать, понять знакомый зов!

Наш добрый Старый Вардапет прошептал:

– Кто здесь, кто из Мамурет-уль-Азиза?

– Это я, Аврора, дочь Мартиканянов, из Чмшкацага. Ты наш Старый Вардапет, а я – твоя любимая Аврора.

Старый Вардапет попытался заговорить, но его голос так дрожал, что я не поняла ни слова. Торопливо рассказала ему, как попала в плен к Ахмеду и почему теперь сижу в темнице. Слезы потекли из древних глаз Старого Вардапета, когда он услышал, что все мои родные убиты. Я спросила его, как случилось, что он спасся.

– Старый Вардапет не годится на заклятие, – ответил он. – Я очень нужен Ахмеду, так как научил его овец слушаться только меня. Ахмед забыл, что я армянин, потому что я становлюсь на колени во время каждой молитвы Аллаху и тем самым продлеваю свои дни.

Он велел мне набраться терпения и пообещал, что отыщет способ спасти меня.

ГЛАВА XIV

НАКАЗ ГЕНЕРАЛА АНДРАНИКА

Минули две ночи, прежде чем Старый Вардапет пришел снова. Но каждую ночь я слышала знакомый сигнал и откликалась. На третий день он вновь показался в окне.

– Будь готова, малышка, скоро я освобожу тебя, – прошептал старик.

Он принес с собой стальной прут, которым собирался отогнуть железную решетку. Ее прутья были изъедены временем – сотню, а может, и больше, лет они запирали пленников в этой темнице большого дома Ахмед-бея. Я опустилась на колени и начала молиться. Вдруг я расслышала шепот Вардапета.

– Иди сюда, малышка, дай руку твоему Старому Вардапету, он поднимет тебя.

Через разведенные в стороны металлические прутья Вардапет протиснулся в окно и сумел наклониться ко мне. Я схватилась за его руки, он подтянул меня наверх, чтобы я смогла зацепиться за решетку и подняться дальше. Затем прыгнула вниз на принесенный пастухом пень, с него – на твердую землю. Отдыхавшие овцы всполошились и заблеяли, когда я упала между ними. Но пастух свистнул и успокоил их.

– Нам нужно быстрее уходить, ворота не заперты. К рассвету ты должна быть уже далеко: в месте, которое я тебе укажу – там тебя не найдут, – сказал мне Вардапет и заторопился через двор.

Оказавшись за воротами, Старый Вардапет закутал меня в плащ, потому что было очень холодно. И мы пошли через равнину, в сторону от города, к виднеющимся вдали низким холмам.

Старый Вардапет был неразговорчив. Он был очень стар, ему приходилось беречь свои силы. Пастух хотел, чтобы к рассвету я оказалась подальше от этих мест. Когда мы дошли до холмов, он показал мне дорогу и велел идти по ней, пока не дойду до хижины друженственной курдской семьи.

– А ты, Старый Вардапет, ты разве не пойдешь со мной? Когда ты вернешься, не заподозрит ли тебя Ахмед-бей? – спросила я.

– Старый Вардапет слишком стар, чтобы выжить в пустыне. И потом, кто позаботится о моих овцах? – ответил пастух.

Бедный мой Старый Вардапет! Ахмед-бей убил его утром.

Я бежала по тропе, указанной пастухом. Через несколько часов дошла до хижины, о которой он говорил мне. Там жили курдские пастухи, уважавшие Старого Вардапета. Они уже знали, что я – дочь его бывшего хозяина из Мамурет-уль-Азиза, ждали меня и были ко мне очень добры.

Когда я думала о возвращении Старого Вардапета к своим овцам, на милость Ахмед-бея, глаза мои наполнялись слезами. Жена курда и его дочери жалели меня, а сам он пошел на равнину, где стоял дом бея, справиться о пастухе. Той ночью курд вернулся мрачный, узнав о судьбе старика. Ахмед-бей был уверен, что кроме Старого Вардапета больше никто не мог помочь мне бежать. Он призвал его к себе и тот сознался, поскольку другого выхода у него не было. Ахмед-бей послал за своими заптиями. Пастуха вывели туда, где его овцы ожидали, когда он погонит их на пастбище. Раздался выстрел. Старый Вардапет расплатился жизнью за свою доброту к маленькой дочери своего бывшего хозяина.

Курд очень тревожился за меня. Ахмед-бей отправил заптиев на поиски, они рыскали по равнинам и горам. Очень скоро отряд мог обнаружить дом курдского пастуха.

Они не хотели отпускать меня, но я понимала, что должна уйти. Их хижина находилась в опасной близости к дому Ахмеда, и заптии могли появиться в ней в любую минуту. Курды дали мне пару крепких шерстяных чулок, большую лепешку, кувшин с водой и одеяло, чтобы было чем укрыться ночью. И я отправилась в горы. За этими горами лежал Дерсим, покрытый пастбищами и песками, холмами и горами. На многие мили вокруг он был безлюден, там обитали только дерсимские курды, которые либо селились небольшими деревнями, либо кочевали. Со всех сторон Дерсим окружали турецкие поселения. Когда-то и армяне жили в этих турецких городах, но теперь их всех изгнали, остались одни турки.

Обитатели пустынных районов Дертсима не были похожи на кровожадных курдов – жителей юга, куда нас депортировали. Южные курды были кочевниками, суровыми и безжалостными. Курды же Дертсима большей частью являлись земледельцами и часто восставали против турецкой власти. Будучи фанатичными мусульманами, они подвержены религиозной ненависти к «неверным» христианам, но в

них нет жажды убийства человека, свойственной их южным соплеменникам. Этому-то я и обязана своей жизнью.

Больше года я пробыла в Дертсима то пленницей, то странницей. В течение многих дней после того, как покинула жилище друзей-курдов, узнав о судьбе Старого Вардапета, в светлое время суток я пряталась, а по ночам шла и шла куда-то, но так никуда и не доходила. Если вдали показывалось какое-нибудь поселение, я поворачивала в другую сторону и бесцельно брела по равнинам, холмам или пескам.

Скоро закончились последние крошки хлеба, а воду я находила с большим трудом, потому что вблизи колодцев и родников жили курды. Однажды я целый день пряталась у одного колодца, дожидаясь возможности незаметно промочить свое пересохшее горло. Днем это было опасно, а когда пришла ночь, и я, собравшись с силами, поползла к воде, на меня напали деревенские псы. Я слишком устала, чтобы бежать, когда на лай собак вышли крестьяне. Они отвели меня в деревню и заперли на ночь в подвале. Утром хозяин дома принял меня как пленницу и приказал исполнять приказы членов своей семьи.

Курды заставили меня заниматься мужским трудом. Я ухаживала за скотом, носила воду и работала в поле. Если они были недовольны моей работой, то били меня своими толстыми длинными палками и лишали пищи. А если удавалось угодить им, женщины бросали мне кусок хлеба. Ночью я спала на земле, за пределами хижины, кутаясь от холода в лохмотья и рваное одеяло, но никак не могла согреться.

Прошли недели. Я настолько ослабела, что больше не могла работать. Однажды по дороге на поле я упала и не смогла подняться, даже когда подошедший курд пнул меня ногой. В тот день он дал мне полбуханки хлеба и выпнул прочь. Пройдя немного, я решила отдышаться пару дней. Это было так прекрасно – не тянуть больше деревянный плуг с утра до ночи, – что силы мои скоро восстановились, и я продолжила путь.

Я знала, что за Эрзерумом находятся дружественные армянам русские. И пыталась придерживаться того направления, где, как мне казалось, должен был находиться Эрзерум – в ста или чуть более милях через Дерсим. Я старалась держаться в стороне от поселений, пока голод и жажда не вынуждали вновь идти к курдам в рабство. Каждый раз мои новые хозяева держали меня до истощения сил, после чего давали кусок хлеба и прогоняли.

Погода стояла холодная, а я осталась без одежды. Курды не позволяли мне брать даже кусок ткани. Жажду я утоляла снегом, добытым в расщелинах скал. И единственной моей пищей на протяжении недели, если не месяцев, служили кора деревьев, сорная трава, что росла зимой, и высохшие травинки, которые я находила под снегом.

Когда я дошла до восточной границы Дерсима, снег уже растаял. Я не знала, какой был месяц, так как совсем потеряла представление о времени, но отовсюду исчезнувший снег говорил мне, что наступила весна. Теперь я находилась в краю турецких селений. Иногда на равнинах я видела турок в белых бурках и стада овец. Эти встречи и некоторые другие признаки подсказывали, что турецкие города находятся где-то недалеко. Мне нужно было держаться подальше и от них, и от их жителей.

Однажды с другой стороны холма, на склонах которого я скрывалась, совсем ослабев от голода, потянулась длинная вереница людей со своими ослами, телегами и арбами. Они двигались, кажется, на юг. Эта колонна людей и животных не имела конца. Часами она вилась по равнине. Удивляясь, что бы это значило, я начала осторожно, ползком спускаться вниз с холма, пытаясь подобраться к людям как можно ближе. Наконец стало ясно, что это турки, а в обозе — их вещи. Они были встревожены и выглядели несчастными.

Целый день я наблюдала за передвижением турок. Когда стемнело, решила пойти туда, откуда они появились. Что бы ни таилось там, на востоке — если это заставило турок бросить свои дома, оно не могло сулить ничего плохого девушке-армянке.

Я уже перешла реку Карасу, самый длинный приток Евфрата. Вдоль дороги, по которой днем прошли турки, повсюду валялись куски хлеба, стеклянная посуда из-под фруктов и остатки другой пищи. Я нашла достаточно еды, чтобы набраться сил для продолжения пути. Равнины, которые пересекала я в ту ночь, когда-то были райскими садами — так говорят наши священники и написано в книгах, что читали мы в воскресной школе. Река Карасу — одна из четырех рек Эдема. Недалеко оттуда текли остальные: упоминаемый в Священном Писании Акампис, и Чорех с Араксом. Среди тех камней, мимо которых я шла так скоро, как только позволяли мне силы, когда-то бродила сама Ева. Когда я ненадолго садилась отдохнуть, то думала о ней и мне было интересно: оттуда, с Небес видит ли она меня, последнего пред-

ставителя того народа, который первым принял учение Иисуса Христа, и во имя этого учения страдал и продолжает страдать много веков, что минули с того дня, когда цвели сады Евы на расстилающихся вокруг меня полях и холмах.

На следующий день я встретила еще больший поток турецких беженцев. Они казались застигнутыми врасплох, в их рядах царил паника. Среди беженцев появились турецкие солдаты и множество заптивев. Далеко на горизонте я разглядела минареты. Это должен был быть Эрзерум. Подошла ближе к какой-то деревне и увидела, как ее жители мечутся от дома к дому в большой суматохе.

Я боялась идти днем и, даже если бы смогла заставить себя поверить в то, что смогу избежать плена, из-за наготы стеснялась входить в села и просить хотя бы воды. Ночью подобралась немного ближе к увиденному на горизонте городу. Утром я уже стояла на краю плато, которое резко обрывалось вниз, на равнину. Вжавшись в скалы, скрывавшие меня от глаз турецких беженцев, река которых все еще текла по дороге, я могла видеть, что происходит внизу, в городе.

Там был великий переполох. Большие группы солдат перемещались туда-сюда. Поток беженцев двигался за город, где в него вливались жители окрестных сел. Издалека докатывался грохот орудий.

Раскаты стали громче и ближе. От залпов земля вокруг меня сотрясалась. Я видела, как в городе рушились дома каждый раз, когда подавали голос большие пушки. За дальней окраиной вдруг поднялись облака пыли. Они приближались. Солдаты побежали прочь из города через ближайшие ко мне ворота, наступая на пятки горожанам.

Ближе к вечеру стрельба прекратилась. Облака пыли за городом почти вплотную приблизились к нему. Внезапно из них вынырнули полчища всадников — они двигались прямо к дальним воротам. Турецкие солдаты встретили их у стен города. Произошло сражение, турки отступили. Всадники преследовали их, слышались выстрелы. С востока наступали все новые всадники, они спускались вниз, проезжали в ворота, занимали город.

Русские пришли!

Через час город почти затих. Вдали я увидела медленно движущиеся колонны. За казаками следовала русская армия. Турки сдались.

Когда стемнело, я покинула свое убежище в скалах и спустилась в город. Надеюсь, что до рассвета сумею найти одежду или выбро-

шенный кем-то кусок ткани, чтобы прикрыть свою наготу.

Страх перед казаками заставил крепко запирать двери тех горожан, что рискнули остаться в своих домах. Окраинные улицы были безлюдны, не считая редких заптиев-мародеров, которые так же, как и я, старались остаться незамеченными. Прижимаясь к стене, я следовала изгибам узкой улочки, в надежде, что вот за этим поворотом, или за следующим, я встречу русских солдат. И вдруг передо мной возникло отрадное зрелище: американский флаг, по полотнищу которого играли лучи прожекторов.

Свет лился изо всех окон дома, над которым развевался флаг. Я понимала, что найду там безопасный приют. Но только после рассвета осмелилась подойти к этому зданию. Увидев фигуры людей, двигавшихся во дворе и у ворот, я выбежала из моего укрытия и упала к ногам высокого добродушного на вид человека, который только что вышел из дома и остановился, беседуя с русским офицером.

Я почувствовала, как он наклонился и положил руку на мою голову. Мне показалось, что солнце прорвало серую рассветную дымку и осветило меня. А потом я провалилась в глубокий сон. Когда открыла глаза, мне сказали, что я проспала несколько дней. Я лежала в теплой постели, в окружении добрых людей. Когда они заговорили со мной на непонятном языке, я попыталась им объяснить, что хочу увидеть того высокого человека, который поднял меня на пороге дома. Пришел переводчик, а следом за ним появился тот самый мужчина. Он мягко улыбнулся, и стало ясно, что для меня теперь все обстоит благополучно.

Мне рассказали, что этот человек – доктор Ф. Р. Мак-Каллум, знаменитый врач-миссионер, своим добрым отношением к армянам завоевавший большое уважение. Когда вспыхнула война, ему пришлось оставить Константинополь, но вместе с русскими он вошел в Эрзерум, чтобы немедленно приступить к оказанию помощи моему народу. А дом, в котором я находилась, когда-то принадлежал американской миссии. Миссионеры вынуждены были бежать, но вернулись с русскими войсками.

Доктор Мак-Каллум, который теперь живет в Нью-Йорке и стал моим первым другом после прибытия в эту страну, в те дни, когда русские вступили в Турцию с Кавказа, выкупил из плена тысячи армянских девушек. На средства Американского благотворительного коми-

тета армяно-сирийской помощи доктор Мак-Каллум покупал девушек у турок, заплатив за каждую один доллар. Турки знали, что русские освободят обнаруженных христианских пленниц, поэтому предпочитали продать их за такую цену, чем вообще ничего не получить взамен.

Проведать меня пришел генерал Андраник – великий армянский полководец, наш национальный герой. Много лет генерал поддерживал мужество всех армян. Он обещал нам свободу и, постоянно рискуя собственной жизнью, поднимал дух моего народа. Турки назначили высокую цену за голову Андраника и преследовали его по всей Османской империи, но он оставался невредимым. Он привел целые полки, сформированные из армян России, и в авангарде русской армии они отправились сражаться с турками.

Когда я рассказала генералу, что стала свидетельницей гибели своего народа, он очень жалел меня. Он утешал и подбадривал, называл своей «маленькой девочкой». И я не променяла бы это его обращение ко мне на все сокровища мира.

Один русский офицер, владевший армянским языком, также пришел поговорить со мной. Когда я рассказала всю свою историю, он оставил меня, но вскоре вернулся в сопровождении высокого человека, тоже русского офицера, с благородным и добрым лицом. Я поняла, что это очень высокопоставленная персона, потому что его визит вызвал суету в доме. Тот офицер, что раньше уже беседовал со мной, пересказал ему многое из моей истории. Высокий гость обратился ко мне – сначала по-русски, а затем перешел на французский, который я понимала.

– Ты была очень несчастна, – сказал он. – И я рад, что мы прибыли вовремя и сумели тебя спасти. Мы позаботимся о тебе, и все русские будут твоими друзьями.

Когда он попрощался, присутствующие объяснили, что это был Великий князь, Главнокомандующий войсками Кавказского фронта, а офицер, посетивший меня ранее – генерал Трокин, начальник его штаба.

Когда мое самочувствие улучшилось, и силы восстановились, генерал Андраник позволил мне помочь ухаживать за сотнями армянских детей, освобожденных из рук турок, и за теми армянскими беженцами, которым удавалось скрываться в горах, откуда теперь они спускались, ища защиту у русских. Я помогала также тем девушкам, которых выкупали из турецких гаремов.

Когда генерал Андраник двинулся вперед с русскими войсками, Великий князь распорядился, чтобы меня безопасно переправили в Сарыкамыш, откуда начиналась железная дорога, а оттуда – в Тифлис, столицу русского Кавказа.

Генерал Андраник, прощаясь со мной, сказал:

– Великий князь дал указание отправить тебя в Америку, где у бедного нашего народа много друзей. Когда ты доберешься до этой благословенной земли, скажи ее обитателям, что Армения сейчас – попоранная, растерзанная и обескровленная, но она снова поднимется, если только Америка поможет нам, если она накормит голодающих и даст нам средства, чтобы после войны вернуть всех армян в их дома.

Когда мы с моим эскортом тронулись с места, отправляясь в Сарыкамыш, генерал Андраник снял с пальца красивое кольцо, принадлежавшее, как он сказал, его отцу и деду, и надел мне на палец. Я ношу его до сих пор – это все, что осталось у меня от моей страны.

Из Сарыкамыша солдаты Великого князя отправили меня в Тифлис, где представители Американского благотворительного комитета армяно-сирийской помощи выделили мне достаточно средств, чтобы с паспортом, полученным от Великого князя, выехать через Петроград и Швецию в Америку.

Но когда я доехала до Петрограда, там было беспокойно. Царя уже свергли с престола, а правительство Керенского теряло контроль над народными массами. Начались уличные беспорядки. Те представители власти, чьим заботам должны были меня предоставить по воле Великого князя и американских представителей в Тифлисе, были отстранены от должностей или расстреляны.

Снова я осталась без друзей и без крова. У меня было много денег, но на них невозможно было купить еду. За пятьдесят рублей удавалось получить лишь буханку хлеба. Когда меня начал одолевать голод, я вынуждена была останавливаться на улицах людей, лица которых казались мне добрыми, и выпрашивать у них хоть немного какой-нибудь еды. Они смотрели на меня с грустью, протягивали целые горсти бумажных купюр и говорили, что могут дать только это, но не пищу. У всех было много денег, и ни у кого не было продуктов.

Никто не осмеливался брать меня на ночлег. Я нашла армянскую церковь, теперь заброшенную и пустую. Все армяне города в страхе покинули Петроград. Горький опыт, полученный их народом в своей

собственной стране, позволил им первыми почувствовать грядущие испытания и исчезнуть. Долгие дни я провела в опустевшей церкви, боясь выходить на улицу, где убивали и грабили. И только рано утром, когда наступала тишина, я осторожно выбиралась из своего убежища в поисках пищи.

Наконец, однажды я заметила проходившего мимо церкви американца. Я подбежала к нему и по-французски попросила о помощи. Я показала свой паспорт, и незнакомец, посадив меня в дрожки, увез в американское посольство. Там все были ко мне очень внимательны. Американцы поменяли мой паспорт и на следующий день отправили в Христианию.

Поезд, которым я ехала, часто останавливали военные, которые проверяли документы у всех пассажиров. На одной из таких остановок высадили нескольких человек, но мой паспорт внушал доверие, и я продолжала свой путь. Чем дальше удалялись мы от Петрограда, тем спокойнее становилось вокруг. Потом все тревоги остались позади, наш поезд помчался туда, где земля казалась мирной и счастливой.

Наконец доехали до Христиании. Там я обрела добрых друзей. Они накормили меня вкусной и обильной пищей: я уже и не помнила, когда в последний раз так ела. Но главное – они дали мне добро и покой своего дома. И в ожидании вестей из Соединенных Штатов я смогла там отдохнуть и снова набраться сил.

Вскоре меня снабдили деньгами, и я, следуя своей дорогой в страну свободы, очутилась на борту океанского лайнера, направлявшегося в Галифакс. Из Галифакса я отправилась прямо в Нью-Йорк. Когда при входе в гавань мне показали статую Свободы, я радовалась не только тому, что сама оказалась в безопасности, но и тому, что наконец-то добралась до страны, в которую должна была доставить призыв о помощи моему многострадальному народу.

Здесь я нашла много хороших друзей – отзывчивых американцев, которые принесли мне столько счастья, сколько я никогда не надеялась получить. Больше того, они оказались не просто добры к одной несчастной девушке, но протянули руку помощи всем тем, кого я оставила позади: тем, кто все еще живы, но затеряны в песчаных пустынях. Они дали мне возможность передать в этой книге то, что сказал мне генерал Андраник:

– Армения доверяет своим друзьям – людям Соединенных Штатов.

РАССВЕТ, ПОБЕДИВШИЙ ТЬМУ

Путь Авроры Мартиканян

Гайк Демоян,
доктор исторических наук

Эта книга – о страшной истории Аршалуйс Мартиканян (Авроре Мартиканян), совсем юной армянке из села Чмшкацаг Западной Армении. Тысячи, возможно и десятки тысяч таких же, как Аврора, молодых армянок могли бы рассказать о своей участи и о пережитых ими ужасах и зверствах совершённого младотурками геноцида. Но эти истории не досказаны: десятки тысяч девушек были уничтожены по дороге в сирийские пустыни или же до конца своих дней заточены в мусульманских гаремах. Читая рассказ Авроры, можно представить себе, какими были бы другие истории. Каждая из них, без сомнения, могла стать основой для киносценария.

История Авроры была озаглавлена «Растерзанная Армения», а первое издание книги вышло в свет в 1918 году с редкими фотографиями сцен массовых депортаций и убийств.

Книга имела несколько изданий: первое – в ограниченном количестве, вышло в свет в 1918 г., в Нью-Йорке, в издательстве Kingfield Press, Inc. На обложке была изображена Аврора в традиционном армянском наряде. Уже в следующем году вышло второе издание, а последующие стали бестселлерами, и книга переиздавалась двадцать раз. Успех книги был настолько велик, что американские издатели помещали в конце ее рекламные объявления коммерческого характера.

В предисловии первого издания Нора Валн, секретарь по общественным связям Американского благотворительного комитета армяно-сирийской помощи, пишет: «Она не владела английским и произнесла несколько слов приветствия на своем родном языке», – и продолжает: «Несмотря на то, что Аврора была утомлена, она настойчиво рассказывала о своих пережитых страданиях».

Американцы не понаслышке знали о творимых младотурками чудовищных преступлениях против армян. До 1917 г. США оставалась нейтральной страной, американские дипломатические представительства, учебные заведения и миссионеры действовали без ограничений

и становились свидетелями и очевидцами Геноцида армян. Посол США в Османской империи Генри Моргентау неоднократно ходатайствовал перед младотурецкой кликой, стараясь приостановить приказы о депортации мирного армянского населения и его уничтожении в сирийских пустынях. Сам Моргентау назвал истребление армян «новым видом уничтожения целого народа».

Аврора рассказывала свою историю на армянском языке, а переводчиками стали члены армянской семьи из Нью-Йорка, в которой она жила первые недели после прибытия в США. Перевод на английский записал и доработал Г. Л. Гейтс. На титульном листе первого издания есть соответствующая надпись: «Историю на английском языке записал Г. Л. Гейтс».

В 1918 году на основе рассказов Авроры был написан киносценарий под двойным названием «Растерзанная Армения или Аукцион душ». Фильм был снят в Голливуде и имел колоссальный успех. Американская пресса пестрила статьями о нем и армянской Жанне д'Арк, как прозвали Аршалуйс Мартиканян, вскоре ставшей более звучной для уха американского обывателя Авророй Мартиканян. Весь доход от его проката (30 млн долл.) должен был пойти на приобретение средств для выживания десятков тысяч обездоленных армянских сирот в приютах Ближнего Востока, Греции и самой Армении.

Следует оговориться, что киноверсия рассказов Авроры Мартиканян – более чем шадящее воспроизведение тех ужасов и страданий, очевидцем которых она стала.

Сценарий был готов, и в вопросе выбора актрисы на роль главной героини режиссер картины Оскар Апфель принял неожиданное решение. Он пригласил на главную роль именно Аврору Мартиканян. В кинофильме принимает участие также сам бывший посол в Турции Генри Моргентау. Любимого человека А. Мартиканян – Андраника – играет известный в свое время артист Ирвинг Каммингс, а роль воспитательницы сиротского дома исполняет Анна Нильссон, также известная в Голливуде актриса. В массовых сценах участвовали армяне и греки, проживающие в США.

Менее чем за месяц все съемочные работы были закончены.

Картина получилась уникальной. Помимо того, что впервые в истории кино был снят немой фильм о конкретном текущем историческом событии – о Геноциде армян, – в нем главная героиня со всем натура-

лизмом передает истинные, а не выдуманные, боль и страдания. Зрителя будто сам переживает тот кошмара, в котором оказалась главная героиня, и таким образом фильм приобретает документально-художественный характер.

Во время съемок очередного дубля сцены бегства из гарема Хаджи Гафура Аршалуйс, быстро связав углы двух ковров, опускает их до земли, примерно на 6 метров, и, услышав команду директора «Приготовились!», прыгает на подоконник и начинает быстро скользить вниз. Однако, чрезмерно воодушевленная, она выпускает ковер из рук и с криком падает на землю, повреждая лодыжку.

Врачи студии немедленно приходят на помощь, вводят обезболивающее и переносят ее на носилках. Хотя первичный осмотр и показал, что трещина неглубокая, врачи прописали двух-трехдневный постельный режим.

Она просила, умоляла врачей, директора картины... «Смотрите, – прыгая с постели и всей своей тяжестью опираясь на поврежденную ногу, говорила Аршалуйс, – Смотрите, нога меня совсем не беспокоит, я могу ходить, могу участвовать в съемках». Невозможно было переубедить ее. Режиссером было принято решение снимать только те эпизоды, где не требовалось ходить или еще как-то перегружать поврежденную ногу.

После окончания съемок врачи сделали снимок, и выяснилось, что повреждение лодыжки серьезнее, чем казалось.

Длительное время героиня фильма вынуждена была соблюдать постельный режим. А когда выздоровела, она говорила посетителям: «Я намеренно скрывала боль: если бы не выполнила порученную мне обязанность вовремя, моя душа, мое сердце страдали бы о моей Армении».

После каждой премьеры кинофильма «Аукцион душ» в больших городах – Нью-Йорке, Сан-Франциско, Лос-Анджелесе – организовывалась встреча Аршалуйс Мартикян с местной элитой. Во время одной из таких встреч Аврора Мартикян заметила: «То, что вы видите меня сегодня здесь, на сцене – всего лишь случайность. Нас, семнадцать девушек, Бакрум-бей и его дикие курды гнали в древний город Диарбекир. Ворота города были закрыты, а Бакрум-бей больше не хотел возиться с нами. Неподалеку возвышались 16 крестов, а нас было 17 – одного креста не доставало... Вот почему я здесь».

Впервые фильм был показан широкой публике в Вашингтоне в январе 1919 года, а первый нью-йоркский показ был организован в бальном зале фешенебельной гостиницы «Плаза». Затем были Филадельфия, Чикаго, Бостон, Лос-Анджелес – в общей сложности в больших городах двадцати трех штатов. Картина имела большой успех во многих странах Латинской Америки, в том числе в Мексике и на Кубе. Имя Авроры и название фильма не сходило со страниц американских газет. Был запущен также маховик привычной для Голливуда попытки сделать из юной Авроры звезду голливудского небосклона и зарабатывать на этом деньги, воспользовавшись ее чрезмерной популярностью. Но Авроре, еще не отошедшей от воспоминаний пережитых ужасов, было не до этого. Во время очередного показа и банкета, находясь в центре внимания американских зрителей, Аврора потеряла сознание и после этого больше не появлялась на публике. Американские сотрудники организации благотворительной помощи на Ближнем Востоке быстро нашли выход из создавшейся ситуации: были наняты несколько девушек, похожих на Аврору, и они, порой одновременно, выступали в ее роли.

В Англии фильм «Аукцион душ» впервые был показан в известном королевском Альберт-холле в Лондоне в январе 1920 г., предварительно подвергнувшись государственной цензуре. Английские газетные издания и радио сообщали об аншлаге и отмечали, что каждый человек должен посмотреть кинофильм «Аукцион душ». Ежедневник «Байоскоп» приводит множество цитат из писем кинозрителей. В одном из них зритель пишет: «Зал Колстона имеет 3500 зрительских мест, но сотни зрителей у кинотеатра не могут приобрести билеты. Поздравляем с показом наилучшего фильма в Бристолле. Билеты проданы на всю неделю. Распорядитесь продлить показ фильма еще на одну неделю».

После неоднократного вмешательства британской цензуры показ фильма прекращается навсегда, и он снимается с экранов. Британские власти опасались, что сцены с жестокостями мусульман-турок могут вызвать волнения среди мусульманского населения британских колоний.

Смена политических и геополитических ориентиров и приоритетов оставили свой след в дальнейшей судьбе как книги, так и фильма «Растерзанная Армения или Аукцион душ». Книга была изъята из

библиотек, а показ кинофильма прекращен и в Соединенных Штатах, и в Англии, оказавшись под замком в фильмотеках архивов кинематографии, науки и искусства.

Но почему и книга, и кинофильм, имевшие беспрецедентный успех – не было дня, чтобы американские авторитетные газеты не публиковали статьи, фотокадры из фильма, не говорили о ее героине, – вдруг сошли с арены и исчезли в одночасье? Политика и геополитика – вот главные виновники этого.

Такая же судьба постигла другой сценарий на основе известного романа австрийского писателя Франца Верфеля «Сорок дней Муса-Дага» о героической самообороне армян на горе Моисея. Фильм должен был сниматься в Голливуде в 1935 г. на крупной голливудской киностудии Метро Голдвин Мейер, однако под давлением турецких властей Вашингтон запретил съемки. Причина ясна: фильм должен был рассказать о том, как более 50 дней плохо вооруженные армяне противостояли турецким регулярным армейским частям и были эвакуированы французскими военными кораблями в Порт-Саид в начале сентября 1915 г.

Томик с историей Авроры Мартиканян стал исчезать с полок библиотек, а ее цельная киноверсия до сих пор не обнаружена. Кто знает, быть может, в каком-то провинциальном архиве или же в самом Голливуде полная версия эпохальной работы Апфеля все еще ждет своего часа... А пока все усилия нескольких энтузиастов по ее обнаружению оказываются безрезультатными. Сохранился лишь 18-минутный отрывок ленты.

В 2011 г. в Калифорнии автору этих строк совершенно случайно удалось обнаружить у родственников Авроры Мартиканян фотоархив героини, в том числе – единственный оригинал семейной фотографии Мартикянов, на которой Авроре всего четыре годика. Архив включал также ее корреспонденцию. Это стало огромной удачей! После долгих переговоров семья родственников Авроры согласилась передать эти бесценные документы в дар Музею-институту Геноцида армян. Позже коллекция пополнилась Библией и личными вещами Авроры, а следом – подборкой оригиналов американских газет со статьями об Авроре и фильме «Растерзанная Армения».

Дальнейшая судьба Авроры складывалась не совсем удачно. В 27 лет она вышла замуж за армянина, родила сына, но вскоре развелась

и жила в одиночестве, практически в отшельничестве. Те, кто каким-то образом общались с ней, говорят, что на склоне лет она потеряла рассудок и все время проводила в ожидании «возвращения турок». Ее кормила одна армянка, передавая ежедневные покупки через окно. Последние свои дни Аврора Мартиканян провела в армянском приюте для пожилых людей. Умерла она в 1994 году в возрасте 92 лет. Ее тело так и осталось невостребованным, и кремированные останки армянской Жанны д'Арк были захоронены в общей могиле, на которой лишь одна металлическая дощечка с указанием года смерти «неизвестных»: «1994».

Без сомнения, юная героиня Аршалуйс-Аврора стала настоящим символом поколения, боровшегося со смертью и разрушением, и вместе с тем – напутствием для будущих поколений, примером несгибаемости человеческой воли и безудержного стремления к победе над злом.

Использованная литература:

- Ravished Armenia and the story of Aurora Mardiganian, New York, Kingfield Press, Inc., 1918
- Ravished Armenia and the story of Aurora Mardiganian, ed. by Anthony Slide, Filmmakers Series, No. 57, The Scarecrow Press, Inc. Lanham. Md. & London, 1997
- Story of Ambassador Morgenthau, Doubleday Page & Co. 1918
- Гурген Саркисян. Про книгу и кинофильм «Растерзанная Армения» или «Аукцион душ» в Растерзанная Армения, МИГА, Ереван, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

Посвящение	3
Слово благодарности	4
Предисловие	5
Аршалуйс - свет утренней зари. Пролог	10
ГЛАВА I	
Паша пришел к нам в дом	15
ГЛАВА II	
Начались ужасные дни	25
ГЛАВА III	
Выбор Вахби-бея	35
ГЛАВА IV	
Безжалостная улыбка Кемалия-эфенди	44
ГЛАВА V	
Как орудовали жандармы	55
ГЛАВА VI	
Девушки для константинопольского гарема	65
ГЛАВА VII	
Малатия – город смерти	74
ГЛАВА VIII	
В гареме Хаджи Гафура	82
ГЛАВА IX	
Нападение на монастырь	90
ГЛАВА X	
Диарбекир и игра с саблями	99
ГЛАВА XI	
«Ишим йок, кефим чою»	109

ГЛАВА XII		
Воссоединение и шейх Зилан	119	
ГЛАВА XIII		
Старый Вардапет и зов пастуха	128	
ГЛАВА XIV		
Наказ генерала Андраника	137	
Рассвет победивший тьму: послесловие к книге «Растерзанная Армения»		146
Содержание	152	

Редактор русского перевода Н. Залибеян
Дизайн обложки Л. Матевосян

Отпечатано в типографии "Коллаж"